ЧАША КРУГОВАЯ

литературно-
художественный
альманах

№ 21

Издательство «АсПУр»
Екатеринбург
2022

ББК 84 (Рос=Рус)4
Ч-29

Редакционная коллегия:
А. Б. Кердан, А. Б. Титов.

В двадцать первом выпуске литературно-художественного альманаха Ассоциации писателей Урала, помещены стихи и проза, переводы и критика писателей Урала, Западной Сибири, Поволжья и гостей альманаха.

ISBN 978-5-904900-27-4

© Ассоциация писателей Урала, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

И пробуждается поэзия во мне...

Сергей ДОНБАЙ 5
Василий КИЛЯКОВ 10
Валерий ФОКИН 13
Александр КЕРДАН 15
Нина ЯГОДИНЦЕВА 19

О чем, прозаик, ты хлопочешь?

Станислав ГАГАРИН
Мы – русские 25
Александр ПАПЧЕНКО
Моя Ивотка 35
Ольга РЫБАКОВА
Белое пальто 38
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ
Встреча с Богом 40
Александр ЕВСЮКОВ
Лодка Саныча 45
Александр КЕРДАН
Ночные парламентёры 50
Золотой медалист 57
Арсен ТИТОВ
Особнячок 67

Рифма, звучная подруга...

Станислав ЮРЧЕНКО 85
Лана ШАНГИНА 89
Дмитрий МУРЗИН 90
Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ 93
Владимир ПЛЕХОВ 96
Александр РУХЛОВ 98
Светлана МАЙОРОВА 101
Галина ШУБНИКОВА 101
Вадим КОЛЕГОВ 101
Александр ОРЛОВ 106
Любовь ГУДКОВА 108
Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН 109

Племя младое, незнакомое
Ольга МЕХАНОШИНА 113
Илья ПОПЕНОВ 115
Анфиса ФЕДИНА 117
Савелий КОСТРИКИН 118
Вита ПШЕНИЧНАЯ 119
Алексей ВОРОНЦОВ 120
Даль свободного романа
Юрий КОЗЛОВ
Гулливер и Ванька-Встанька 122
Меж ними все рождало споры
Леонид БЫКОВ
Живя в провинции, живи в России 130
Василий КИЛЯКОВ
Учитель 136
Михаил РЯБИЙ
О новом герое Олега Яненагорского 137
Нина ИНЯКИНА
Исповедальные стихи 144
В гостиной встреча новых лиц
Олеся НИКОЛАЕВА 147
Валерий СУХОВ 153
Владимир МАЛЯГИН
Объяли меня воды до души моей... 157
И назовет меня всяк сущий в ней язык...
Наира СИМОНЯН 160
Любовь АНУФРИЕВА 161
Когда порой воспоминанье...
Арсен ТИТОВ
Краткий курс истории ЕО СРП 166
Он между нами жил...
Александр КЕРДАН
Слово о поэте из народной глуши 176
Виктор КОВРИЖНЫХ 177
И шутка с желчью пополам...
Олег ПЕТРОВ
Нежный взгляд сверху. Улицы моего города 181
Друзья, прекрасен наш союз!
Хроника Ассоциации писателей Урала 187
Об авторах 189

И пробуждается поэзия во мне...

Сергей ДОНБАЙ

* * *

На воле небесной опушки,
Как видимый образ души,
Сияет лучина церквушки,
Расстаться с тобой не спешит.

Увидишь – и дышится легче.
Над судьбами, как над рекой,
Поставлены вечные свечи
«За здравие», «За упокой».

Не нами, конечно, не нами...
Но кто запретить бы мне смог
«За здравие» думать о маме
И слышать: «Спасибо, сынок!»

БАЛЛАДА О БЫСТРОМ И МЕДЛЕННОМ ВРЕМЕНИ

А. Ибрагимову

Сядешь в троллейбус на две остановки –
День, как одна остановка, мелькнёт.
Только успеешь прочесть заголовки...
Быстрое, быстрое время идёт.
Как в наказанье, повысили в чине
Или сослали путёвкой на юг,
Словно без очереди в магазине
Быстрое, быстрое время дают.

То ли от радости, то ли от боли:
Сбили?.. забили?.. – качнув небосвод,
Горлом турбин, как трибун, на футболе
Быстрое, быстрое время орет!..
По мановенью крылатого ЯКа
Горный Алтай обступил меня вдруг,
От удивления и для объятья
Медленно руки разводит мой друг.
Улицу всю, заслоняя боками,
Сено везли. «Берегитесь, внизу!» –
Крикнул возница. Казалось, стогами
Медленно, медленно время везут.
В жизни другой, может, был конокрадом? –
Тайную радость мне взгляд принесёт:
Двух лошадей на поскотине рядом
Медленно, медленно время пасёт.
Осень копается на огороде.
Топится баня. Сгущается мёд.
И целый день, как по горной дороге,
Медленно, медленно время идёт.
...Всё же прошло и оно – улетаю!
ЯК незаметно пространство торит.
Снег на вершинах Алтая не тает.
Быстрое медленно время творит.

ОЧКИ

Спит отец... Сняв очки,
Не знакомым стал мне.
Как ребёнок почти,
Улыбнулся во сне.

Будто видит он сон:
– Удивляюсь, Серёж,
Ты чего это, сын,
Меня не узнаёшь?

Ты чего это, сын,
И очки нацепил,

Словно старый совсем,
Ты ж очков не носил?..

Говорю, мол, читать
Прописали врачи....
Улыбнулся опять,
Как ребёнок почти.

Будто слышит меня,
Будто видит до дна –
Среди белого дня,
Из глубокого сна.

Говорит, мол, откинь
Все сомненья... Зачем,
Что ты хмуришься, сын,
Словно старый совсем?

Хмурюсь, силюсь понять –
Это явь или сон?
Как ребёнок, опять
Улыбается он.

* * *

В. Баянову

От дерева или от деда
Наследственно, издалека
Поманит столярное дело,
Потянется к сручью рука.

И, ты погляди, что, откуда,
Я сам и не знал, что могу!
Рубанку – вить стружку – нетрудно,
И гвоздь – подчинен молотку.

Всего-то – оструганa плаха
Для будущего стеллажа.

А вот уж вспотела рубаха!
Обрадовалась душа!

И стало понятней немного,
И стало виднее звезду,
Когда говорят, что – от Бога,
Написано так на роду.

СЛОВО

В древности – до Рождества Христова –
Там, где время седины седей,
Там пророк не зря роняет Слово –
Для других, для будущих людей.

И у нас вначале стало Слово.
Только зимы здешние лютей.
В остальном – от Рождества Христова –
Всё, как у людей, как у людей.

Божий сын не обойдён рождением,
Матерью земной не обделён.
В каждом доме на тебя с терпением
Смотрят, как родня, Они – с икон.

И – от Рождества до Рождества –
Долетает Слово сквозь слова.

* * *

Забирает город в оборот,
Жмут его колеса и пружины,
Надоело тут тянуть резину...
Всю неделю тянет в огород.

Ах, как мало там других забот!
Помогать земле растить посадки,
И следить, как луч играет в прятки...
Ну, когда же выходной придёт?

Обо мне скучает куст малины.
Город снова в пробке что-то ждёт...
Всю неделю тянет в огород,
Тянет, как на родину с чужбины.

БАЛЛАДА О ТОПОРЕ

Защищали с ним Державу.
И ходили напролом.
Церкви рублены – во славу! –
Русским метким топором.

Приходили крестоносцы
С новой верой заодно –
В Чу́дском озере тевтонцы
Топором пошли на дно...

В грозном веке жили-были,
Как написано пером,
Смуте головы рубили
Русским верным топором.

Хоть не быстро, по Сибири
Продвигался стукаток.
Царским топором рубили
За острогом – городок.

Не обидно за Державу,
Если, не кичась рублём,
Терем рублен был на славу
Русским ловким топором.

Или так, крестьянским сходом
«*Помочь*» поднимала дом –
Всей деревней, всем народом –
Русским дружным топором.

Не отвагою кинжала
Дом не выстынет к утру, –

Если печь тепло держала
В благодарность топору.

Передых даёт Держава.
И уснув, но чутким сном,
Вот он, спрятав кончик жала,
Воздух держит над бревном.

Василий КИЛЯКОВ

* * *

Кричит испуганная птица.
Ночь распахнулась, как крыло,
и на уснувшее село
холодный лунный свет ложится.

Я, очарованный луной,
смотрю на дальнее светило.
И вдруг очнулся: что за сила!
И что за бездна надо мной!

А там, в мирах иных полей,
так мрачно облака теснятся,
что хочется к земле прижаться,
как в детстве – к матери своей.

НОЧНОЕ

Река дышала, словно вечность.
Звенели жабы до утра,
ругая жизни быстротечность
и пламя моего костра.

Река плескала и дремала,
и девки пели на току...

Семья лосей переплывала
в восходе плоскую Оку.

Лось плыл и шевелил ноздрями,
хрипел, костра глотая дым,
и даже звёзды егерями
застыли, улыбаясь им.

Потом на берег первозданный
все выбрались –
                и затрубил
сохатый дико и гортанно
в избытке грозных, дерзких сил.

* * *

На сеновале поселился я
и здесь живу на свежем, душном сене.
Корова да баран – вот вся моя семья,
а вместо тюфячка – котомка на полене...

Раскосый взгляд двух щелей надо мной –
в них Неба вечность...
                Всё замкнулось.
Дождём холодным и весной
душа, как пашня к семени, проснулась.

И жизнь сама – как яблоневый сад:
вчера прозрачен, завтра – бел и розов...
Дед трёт виски и курит самосад.
И курица клюёт, гребёт в навозе...

А бабка Поля гонит самогон,
над вешним садом – чад от барды,
и на крыльце играют в карты
мальчишки, как гусары: на патрон!

ВСЁ ЖИВОЕ

Дождь пробежал – грибной, нечастый.
Играет пескарями брод,
и, как овец печальный пастырь,
пасёт три тучи небосвод...

Я в лес нырнул, я стал невидим – зелень!
Кромсает небо пахарь-самолёт...
Встаёт заря – как петушиный гребень,
и самолёт – как клюв, её клюёт!

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...

Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше – сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег...

Кухарка – девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

Валерий ФОКИН

О НЕВОЗМОЖНОМ

Мне с рожденья было невозможно
стать чужим своей родной стране:

это внутривенно и подкожно –
это всё со мной и всё во мне.

Никуда от этого не деться:
как страну и власть ни перестрой,
это всё в меня запало с детства,
чтоб остаться до конца со мной.

С той молитвы деревенской бабы
о заветном самом – о своём:
«Господи, да только не война бы –
остальное всё переживём...»

23 ФЕВРАЛЯ

Кто был студентом – видел юность,
кто был солдатом – видел жизнь...

Я – дембель! Воротник уже расстёгнут.
Нам вслух приказ читает салажня...
Кто не служил, меня понять не смогут.
А кто служил, те вспомнят без меня.
Мы всё смогли и всё преодолели,
и на гражданке со слезой споём:
«Сурова жизнь, коль молодость в шинели,
а юность подпоясана ремнём».
Нам замполит о долге и о чести
высокие слова вбивал в умы,
но что такое «друг за друга вместе»,
по ходу службы понимали мы.
Не стоит, может, поминать под старость
тот дембельский прощальный ритуал:
сурова жизнь, коль связь времён распалась,
как та страна, которой присягал.
Но ведь и эта – не чужая чья-то,
ведь сердце не болит так о чужом,
и не бывает бывшего солдата,
когда он смотрит дембельский альбом...

ПУСТЬ ДАЖЕ БОЛЬ...

Евгению Жуйкову

Ах, друг мой ситный, как же я скучаю,
я по тебе скучаю, дорогой –
на кухоньке твоей за рюмкой чаю
давненько не сидели мы с тобой.
Как быстро догорали сигаретки,
пока скучала водка на столе,
и строчки пробивались, словно ветки
на розовом берёзовом стволе.
И за окошком в сумраке весёлом
так остро пахла первая листва
и намекала: с каждым нашим словом
всё больше будет спроса за слова.
Мы в том застолье, словно в споре яром,
усвоили и поняли одно,
что вместе с нашим очень скромным даром
великое страдание дано.
Так помолчим, как у родной могилы,
о будущем задумавшись опять:
пусть даже боль нам прибавляет силы –
кто не страдал, тому нас не понять...
А с бедами мы справимся со всеми –
ещё совсем не старые на вид,
ведь родина над нами, словно время,
весенними берёзами шумит.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО...

Не отдам отчаянью ни дня,
Выше силы воли – нет богатства:
три реанимации меня
научили, как за жизнь держаться.

Снова крепость обретай, рука,
прежней воли собирай остатки...
«Жизнь неотвратимо коротка!» –
понял я лишь на восьмом десятке...

БОСИКОМ

Я на драки извёл свой пыл,
с детства помня про встречный пал,
даже если в строю ходил,
то всегда на своём стоял.
Вспоминается часто мне
без ненужных тоски и слёз,
как я лихо летал во сне,
потому что так трудно рос.
А под старость другая стать
или, может, другая прыть:
я уже не хочу летать,
а хочу по воде ходить.
Чтоб отправиться налегке,
не жалея себя ничуть,
по любимой своей реке
босиком в свой последний путь...

Александр КЕРДАН

* * *

Анатолию Омельчуку

Жизнь – неизбежные пробы и промахи,
Как светотень бытия...
Ангелы пахнут цветущей черёмухой –
Это придумал не я.

Шум лёгких крыл, ветерка дуновение,
Что унесёт нас с собой,
Как отпечаток цветного мгновения,
Что и зовётся судьбой.

Мы растворимся крупинками сахара
В первом весеннем дожде,

Чтоб возвращаться к живущим метафорой,
Быть и во всём и везде.

ДНЕВНИК

Перо в руке, как памяти костыль:
Не запишу – забуду непременно...
История моя – проста, как быль.
Она и достоверна, и нетленна.

И дарит мне надежду: буду жить,
Пусть даже на земле меня не станет...
Не вычеркнуть былого, не забыть.
Оно – как друг, который не обманет.

РОДИТЕЛИ

Меня без отца подняла и взрастила,
Примером служила весь век...
А семя посеявшего отпустила –
Нестойкий он был человек.

Она отпустила, а я – через годы –
Всё чувствую зябкую связь.
С отцовской нестойкостью алчу свободы,
Срываюсь и падаю в грязь.

Встаю – видно, с рода не знать перевода,
Да, тяжек такой перевод...
Ведь матушка тянет меня к небосводу,
Отец прямо в бездну зовёт.

И я – их потомок – в борьбе бессловесной
С судьбой – беспощадной, как плеть,
Всё силюсь подальше держаться от бездны,
Чтоб к небу однажды взлететь.

Судить никого не имею я права:
Ответчик себе и истец,

Стою, озираясь: вот – матушка справа,
А слева – незримо – отец.

* * *

Перед тем, как земные погаснут огни,
Ты меня ещё раз обними,
Чтоб иные высоты привиделись мне
В миг прощальный, в родной стороне.

Чтобы с этих высот я увидел на миг,
Как наш мир человечий велик.
Чтобы вдруг осознал, как он дорог и мал,
Как судьбой, мною прожитой, стал.

Чтоб вздохнул, что в моей быстротечной судьбе
Так я поздно узнал о тебе.
Столько вёсен и зим без тебя пронеслось,
Столько песен пропелось и слёз пролилось,

До того, как я понял, судьбу не коря,
Что все горы, равнины, леса и моря,
Торжествуя, дерзая, терзаясь, скорбя,
Я прошёл для того, чтобы встретить тебя.

Чтоб в мгновение это я выдохнуть смог,
Что ко мне всё же милостив Бог.
Он позволил понять, как закон бытия:
Ты – любовь, бесконечная песня моя!

УЗЕЛОК ДЛЯ ТЁТИ РИММЫ

Тётя землицы мне взять наказала,
Горсточку милой уватской земли –
В Малом Нарысе, на родине малой,
Где её детские годы прошли.

Ссылка – для взрослых – и спецпоселенье,
А для ребёнка – везде как в раю...

– Мне бы припасть к той земле на мгновенье,
К сердцу прижать ридну неньку мою...

Просьбу я выполнил: вот – узелочек
С бурой, прогорклой сибирской землёй...
Только одна недолга: и захочешь –
Не передашь его тёте родной.

В Киеве тётя свой век доживает,
И между нами – война и беда.
Землю в платочке храню и не знаю:
Этот подарок вручу я когда...

Дал бы Господь одолеть супостата,
К тёте приехать, отдать узелок,
Крепко обняться, как было когда-то,
Чтобы никто разлучить нас не смог!

* * *

Не волнуйтесь — я не уехал,
И не надейтесь — я не уеду!
В. Высоцкий

Игрища сытых московских детей:
День – либералы, другой – патриоты...
Флаги меняют они без затей,
Им подражать никакой нет охоты!

Век свой прожив, никогда не юлил.
Не накопил ни хором, ни заначек.
Отчий свой край бескорыстно любил,
Не ожидая от власти подачек.

...Годы, как дым, улетают в трубу
Печки, что пращур затеплил когда-то,
Мне завещая простую судьбу
Провинциала, поэта, солдата.

Буду любить то, что стоит любить,
И отрицать, что любви недостойно...
Вот бы ещё – никого не судить,
Чтобы о Вечности думать спокойно.

* * *

Пока болел, берёза пожелтела,
И лето незаметно пролетело,
Но нет нужды на это мне пенять:
Всё происходит по веленью рока
И, значит, для какого-то урока
Даётся... А какого? – Не понять.

Ах, это наше вечное желанье –
Найти причину выпавшим страданьям
Тогда, когда причины вовсе нет...
Вернее – есть одна: Адам и Ева,
Что заповедный плод сорвали с древа,
Ища совсем ненужный им ответ.

И обрекли себя и всех нас тоже
Страдать и рваться, как змея из кожи,
В трудах и муках пребывая тут...
Жаль – тщетны стать разумнее потуги!
За листопадом вслед ворвутся вьюги,
А вьюгам вслед – фиалки расцветут.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

* * *

В средоточье города и мира
На туберкулёзном сквозняке
Что тебя спасло и сохранило,
Как ребёнок – пёрышко в руке,

Иногда, стремительно и кратко,
Словно лёгкий солнечный ожог,
Взглядывая на тебя украдкой
И опять сжимая кулачок?

В темноте невыносимо тесной,
Крылышками смятыми дрожа,
Замирала в муке бесполезной
Крохотная слабая душа:

Разве голос? – Где ему на клирос!
Разве сердце? – Купят, не соврут!
Но темница тёплая раскрылась
И открылось тайное вокруг:

Что ж, взлетай легко и неумело,
Где бессчётно в землю полегли...
Родина – таинственная мера
Боли и любви.

* * *

В грязных берцах, широких чёрных штанах,
Куртках с жёлтыми буквами на спине,
Пересыпая словечки от бэ до нах,
Они идут по своей войне:
Бинтуют раны, курят в кулак, стреляют из-за угла –
Такие дела.

Вокруг супермаркет, ткани, туфли и сумочки от кутюр,
Или, скажем, пешеходная улица, выходной,
Полно детей, старушек и всяких беспечных дур
На каблуках и в шляпках... И тут они со своей войной.
И в тёплый воздух врывается ледяной.

Как наложение в фотошопе, или технический сбой портала,
Или музыка, упавшая на три октавы
В прах и скрежет, в тиски смотровых щелей,
В алый кирпич и доски свежих развалин.

Мы слишком привыкли к миру. Жалей или не жалей –
Он нереален.

Так занавеску срывает взрывной волной –
И на грязные берцы, тлея, падают клочья.
Вот реальность. Она никогда не была иной,
И кто-то сейчас видит её воочью.

Мы не наивны. Мы честно предпочитаем ложь.
И нам пока ничего не мешает, ну разве кроме
Этих, в чёрном, идущих сквозь праздник жизни как нож
Сквозь тёплый хлеб, оставляя крошки и капли крови.

* * *

Покуда ехали, стемнело.
И свет, испуганный впотьмах,
Метался, рвался то и дело
И опрокидывался в страх.

Но обочь, с каждого пригорка,
Куда усталый взор ни кинь,
Звенела нестерпимо горько
Сухая серая полынь.

Сама уже почти у края
Апрельского небытия,
Она как будто бы украла
Дыханье жизни для тебя.

Родной земле почти чужая,
Забытый пестуя мотив,
Она немела, провожая,
И умирала, проводив.

* * *

Нельзя ни на миг оставить одну
Эту полночь, эту страну,

Наилегчайший из всех даров –
Эту бессонницу на Покров.

Нельзя ни на миг! Но, закрыв глаза,
Я забываю про все «нельзя»,
Я затеваю почти побег
Пламенем вдоль невесомых век.

Я прохожу по сырой траве
С белым лебедем в рукаве,
С тихим озером на душе –
И открываю глаза... Уже?

Да. Ни на миг. Разверни теперь
Белый свиток своих потерь.
Белым по белому – о былом:
Лебедь, бьющий о лёд крылом.

То-то зима в России долга!
Из году в год на Покров снега,
Да и какие мы сторожа –
Укараулишь тебя, душа?..

* * *

Четыреста лет монастырь стоял
И семьдесят лет – пустырь.
Камень стёрся до дыр и свет золотой остыл.
Храм восстановили, закрыли дверь на замок,
И с этого дня идущий мимо порою услышать мог:

Поют, Господи! Словно издалека,
Пыльцой прозрачной осыпаясь на облака,
Слёзной радугой озаряя глаза –
Высокие женские голоса.

Из-за узких окон и толстых стен
Слов и не разобрать совсем –

Только сам полёт молитвенных голосов,
Понятный без слов.

Подходили к порогу, тяжёлый ключ вставляли в замок,
Слушали: звучит ли хор неведомый, или смолк?
Тихо под сводами. На домотканых половиках
Серебрится прах.

Выходили. Лязгала дверь. Не поют – молчат.
В селе палили костры, лежал удушливый чад,
Внизу в овраге молча журчал родник...
И не у кого было спросить о них.

Как принять на веру вечный небесный труд?
Дадут ли тебе на поруки поруганный этот сад?
Мимо проходишь: Господи, как же светло поют!
Дверь отворяешь – пусто. Нет никого. Молчат.

Но прорезается в сердце лёгкий высокий звук
И прорастает к небу через живую ткань:
Сколько же здесь работать, не покладая рук,
Не раскрывая тайн...

* * *

Холодно сердцу, не видно ни зги.
Жизнь воробьиного пёрышка легче.
Кто-то несёт по дороге навстречу
Белый светильник январской пурги.

Оберегая неровный огонь,
Вьются и стелятся тонкие ткани,
То приникая к мерцающей тайне,
То разлетаясь неровной дугой.

И заметают невидимый след,
И обнимают, и прячут в пелёны

Тьмою немыслимой усыновлённый
Свет одинокий, покинутый свет...

* * *

Сквозная память, тайная беда,
Извечное кочевье в никуда...

Бессонницы зелёная звезда
Бессмысленно горит в пустых осинах,
И низко-низко виснут провода
Под тяжестью вестей невыразимых:

И острый скрип несмазанных колёс,
И полуптичьи окрики возничих,
И сладковатый вкус кровавых слёз,
Из ниоткуда памяти возникших,

И слабый крик младенца, и плащи,
Трепещущие рваными краями,
Безмолвно раздувающие пламя
Нощи...

Ты знаешь всё. Раскрыты небеса,
Как том стихов, и смятые страницы
Сияют так, что прочитать нельзя,
И силятся вздохнуть и распрямиться.

Станислав ГАГАРИН

МЫ – РУССКИЕ

Когда Алексей Степанович Громов собрался лететь в Мурманск, и командировку выхлопотал, и вещи уложил, оставалось лишь позвонить в агентство и заказать билет, он предложил дочери отправиться вдвоем.

Но Ленка отказалась наотрез.

– Папа, не могу, спасибо, конечно, – сказала она. – Мы с ребятами на все каникулы в поход собрались. Может, в другой раз как-нибудь...

И Громов не стал уговаривать её, не стал рассказывать о том, что давно собирался взять её с собой, ему так хотелось побывать в тех местах именно с ней. Громову казалось, что тогда установится с дочерью особый контакт, иная, помимо родственной, связь, необходимая, когда дети становятся взрослыми и отдаляются от отцов, а те мучительно переживают разрыв и ищут пути, по которым завязалась бы дружба, дружба на равных.

С некоторых пор Громов стал считать, что такая дружба могла бы возникнуть между ним и Ленкой в Мурманске. И не потому, что он воевал здесь четверть века назад и имеет право на дополнительное уважение своего дитя. Нет, Громов хотел, чтобы дочь увидела его восемнадцатилетним парнем, длинным и нескладным, в тесноватом комбинезоне, таким был он в сорок третьем году, когда впервые поднял свой «Ил» в боевой вылет над Варангерфиордом. Тогда он лишь на три года был старше теперешней Ленки, и поэтому ближе ей, понятнее, без малого ровесник, ведь девчонки взрослеют раньше.

Весна выдалась неровная. Оттепели сменялись морозами, стояли туманы, закручивала мокрая пурга, и вылететь Громову из Москвы удалось лишь на третий день. Долгое ожидание измучило его, хотя Громов провёл это время дома, справляясь у диспетчера о погоде. Но за эти часы он так много думал о предстоящей встрече с прошлым, так часто представлял первые минуты своего пребывания на кольской земле, что духовный подъем, тихая радость от близкого исполнения давней мечты сменились усталостью, равнодушием и всплывшим из глубины подсознания, пока ещё исполненным зачаточного свойства, желанием: «А не бросить ли эту затею?..»

Сплошная облачность тянулась по всему маршруту, и только незадолго до посадки с крыльев самолёта стали срываться серо-белые хлопья, и внизу проявились сопки.

Два часа полёта помогли Громову вернуться в то состояние, в котором он пребывал с того дня, когда убедился, что полетит, наконец, в Мурманск. Громов забыл о недавней нервозности, о двух днях звонков по телефону и тоскливых взглядов на заплаканные окна, куда стучалась теплая метель, закрывшая аэродромы северных и центральных районов страны, о приходящем в те дни страхе, что в научно-исследовательском институте, где он работал руководителем группы, узнают о погодном барьере, и их шеф, у которого семь пятниц на неделе, вдруг забьёт отбой и отменит не такую уж необходимую для их фирмы командировку.

Теперь уж ничто не могло вернуть в Москву идущий на посадку самолёт, и Громов заволновался. Сознание метнулось сквозь минувшие годы, Громов внутренне подобрался, попытался подвести итог прожитой жизни, будто у трапа его будет ждать командир полка, и Громов вытянется перед ним, приложит руку к сбитому на ухо шлемофону и доложит о вылете, длившемся четверть века. Но Громов тотчас слабо усмехнулся, отвернувшись от иллюминатора, потому как знал, что никто его не ждёт в порту, да и времени подвести итог тому, с чем летит он сюда, у него, Громова, уже не достанет.

Так он и сошёл по трапу, незаметно улыбаясь, не быстро и не медленно ступая по ступеням трапа, сбился с попутчиками в компанию, они взяли такси и поехали в Мурманск, по левому, если смотреть на выход в море, берегу залива, сначала в самый южный угол его, потом по восточному краю.

Ещё из Москвы Громов заказал место в гостинице и попросил таксиста остановить машину, едва увидел знакомые кварталы центра.

Центр почти не изменился, здания были прежними, только за корпусами не было уже бараков. Город разбежался в стороны и, подняв голову, Громов увидел, как громоздились на сопках зеленые, розовые и голубые дома, и та, единственная в годы войны, настоящая улица Мурманска стала наряднее, веселее, и полярное солнце, разогнавшее к полудню облака, прошивало разноцветное кружево из камня золотистой паутиной.

Не расспрашивая прохожих, Громов добрался до гостиницы «Арктика», со страхом глянул на сидевших в вестибюле людей, но заказ его быстро нашли, вежливо извинились, что не могут дать отдельный номер. Праздник Севера, спортсмены, мол, да иностранцы. Громов не спорил и через двадцать минут стоял в пустой комнате на шестерых и ждал, когда горничная сменит белье на его койке в левом углу.

«Вот и приехал, – подумал Громов, когда остался один и присел к столу, не раздеваясь, – надо идти...»

Но он не знал ещё, куда пойдёт, что будет делать, и если б спросить его, зачем он сюда стремился, то он не смог бы связно ответить. Конечно, у него есть задание из института, но решить этот вопрос можно и по телефону, не выезжая из Москвы. Нет, если бы не встреча с Андреем Басовым в позапрошлом году... Громов знал, что Андрей в Москве, но свидеться им не доводилось, всё дела, суета сует... Столкнулись случайно в метро, потом не расставались весь вечер, вспоминали всех ребят, что лежат в мёрзлой земле, или на дне Варангерфиорда.

– Ты знаешь, всем им в Сафонове памятники есть, – сказал Андрей, когда прощались. – Каждому...

Тогда вот и кольнула мысль Громова, что столько лет прошло, а он на могилку друга зимой не съездил... А может, не пришло в голову потому, что зримой могилки нету у Вани, может, потому... А теперь Андрей про памятники сказал.

«Поеду, – решил Громов, – отпуск возьму и поеду...»

Но подоспел отпуск, и Ленке купили пианино, у девочки способности, нельзя их зарывать в землю. Деньги на инструмент были отложены раньше, но их не хватало. Громов добавил из отпускных, и осталось только на прожитье. Он отправил жену на юг, а сам просидел в Опалихе на даче, ещё и работу со стороны взял. А когда зашёл разговор о следующем отпуске, жена взбунтовалась:

– Не видела я твоего Заполярья, туда людей за счёт государства возят, а мы свои кровные будем платить...

Но, слава Богу, всё это теперь позади, и Громов приехал повидаться с другом, хоть и пришлось это сделать за государственный счёт.

Он поднялся и вышел. Закрыл номер, отдал ключ и стал спускаться. Навстречу, весело галдя, шли хоккеисты в жёлтой форме, с большими буквами «СУОМИ» на спине.

«Финны, – подумал Громов, – гости...»

Он проводил их взглядом, рослых, светловолосых парней, и, с сочувствием посмотрев на тщетно ожидающих местечка, толкнул тяжёлую дверь.

Миновав почтамт, он повернул за угол и через сотню-вторую шагов поравнялся с кафе, которое называлось «Юность». Он решил, что нехудо заправиться и собраться с мыслями за столом, и уже стоял в фойе, готовясь снять пальто, когда вдруг услышал:

– Леша?! Какими судьбами?

Громов повернулся на голос и едва увидел подходившего человека, как ощутил нахлынувшую уверенность, что теперь ему сам чёрт не страшен.

Это был Скуратов. Московский писатель и журналист, бывший штурман дальнего плавания, человек, многое повидавший в жизни, умевший ладить с людьми и всюду чувствующий себя как дома. Он был моложе Громова, воевать ему не пришлось, но были они дружны. Скуратов особенно внимательно относился к бывшим фронтовикам и всегда сожалел о том, что не пришлось ему разделить их судьбу.

Он потащил едва успевшего раздеться Громова к своему столу, там сидели уже трое: один был местным газетчиком, а два других в морской форме – товарищи Скуратова по мореходке.

Громова заставили выпить, заказали ему бифштекс, и Громов, улучив минуту, спросил Скуратова:

– Рассказ свой видел?

– Где?

Громов назвал одну из центральных газет.

– Нет ещё, – ответил Скуратов. – Значит, дали...

Он произнёс эти слова так равнодушно, что Громов слегка обиделся: вот так, сообщил человеку, что его труд стал известен миллионам людей, а ему хоть бы что... Но обида не задержалась, Скуратов принялся расспрашивать Громова, как он здесь и зачем, Алексей Степанович сказал, что есть дела по службе, и потом добавил:

– И посмотреть хочу, как всё стало... Ведь воевал в этих краях...

Тут Скуратов перебил его, стал рассказывать ребятам, что Громов – морской лётчик, штурмовик, и вдруг замолчал, внимательно глянул на Громова, словно осенила его неожиданная мысль.

– Ладно, – сказал он, – помогу, если не возражаешь. За мной по журналистским делам и машина закреплена, можем всё объездить...

Громов вдруг почувствовал себя легко и свободно. Исчезли страхи, что ему придётся искать каких-то людей, кто разрешит ему побывать там, где служил когда-то, что придётся много раз объяснять незнакомым, зачем он здесь и что ему нужно, а это так трудно, ведь он и себе до конца не может это объяснить, а теперь рядом будет Скуратов, он всё о Громове знает, и вот теперь, когда неожиданно оборвал рассказ и предложил помощь, теперь Скуратов, наверное, понял его, и, может быть, лучше, чем понимает себя сам он, Алексей Степанович Громов.

...Машина поднялась на перевал, и далеко внизу Громов увидел сиреневую воду гавани.

– Вот и Ваенга, – сказал водитель. – По-новому называется Североморск.

На большой скорости он повёл серую «Волгу» вниз, и Громову почудилось на миг, что это он сам заходит на второй круг. Но ощущение было чересчур мимолётным. Оно легко отлетело прочь, и Громов подумал, что всё дело в том, что за штурвалом машины другой человек...

– Давай в газету завернём, – сказал Скуратов. – Расспросим, как и что, глядишь, найдём твоих однополчан...

Громову и не думалось как-то, что кто-нибудь из его ребят продолжает служить, а теперь, когда стала реальной такая встреча, у него перехватило горло.

...Он загорелся над Тюва-губой, пытался сбить пламя, но ничего не вышло. Громов подтянул повыше, приказал стрелку прыгать, потом помедлил, отвёл машину так, чтоб не шарахнулась куда попало, и прыгнул сам.

Раскрыв парашют, он увидел, как Иван Земсков ходит над ним кругами, прикрывает на всякий случай. Громов следил за другом и рукой ему махнул, уходи, мол, не жги горючее, и только потом понял, что Иван беспокоился не зря: Громов опускался в море.

Потом он узнал, что в такой воде человек выдерживает минут двадцать, ну, полчаса от силы. А его вытянули моряки-торпедники через час с лишним. Едва Громов ока-

зался на палубе, поднесли ему кружку со спиртом. Алексей Степанович не мог и рукой шевельнуть, закоченел, но рот раскрыл, и один морячина спирт ему туда и втиснул. Потом грели Громова шерстяным одеялом и передали медикам уже малость ожившим, только вот от спирта – не в то горло, видно, попало, – не разговаривал Громов с неделю.

Когда вернулся в полк, Иван Земсков предложил отметить «морское крещение» друга. Лётчики собрались в их блиндаже, выбитом в подножье сопки, заставили снарядный ящик, служивший столом, банками с тушёнкой, а уж о выпивке позаботился хозяин.

Громов и Земсков учились вместе, вместе и прибыли в Заполярье. В школе они были в разных группах, здоровались, и только. Громов был у Земскова ведомым, да и не только в воздухе. Так уж случилось, что и на земле Иван вёл Громова за собой... Может, от отца-учителя унаследовал он свойство опекать ближнего, а может, и потому, что был двумя годами старше. В том возрасте это многое значит...

Первую, как водится, выпили за победу, потом за ребят, которым уже не доведётся её увидеть.

Симкин разлил снова и стал сокрушаться, что вот, мол, как скучно отмечают они такой день...

– Сейчас бы шампанского, цветов, девушек, музыки! – воскликнул он. – Чтоб люстры горели, и пол был паркетный...

– Ишь ты, чего ему надо, – проворчал Валя Архипов. – А у нас в деревне и слов таких не знают... Паркет, люстры... А сарай с земляным полом не хочешь? У нас в Лопухах клуб в таком сарае... Вы, городские, с жиру беситесь...

– А ты что, сельский, что ли?! – вспылил Симкин. – Ты – лётчик, значит, теперь – интеллигент. Понял?

– Ладно, ладно, парни, – остановил их Сергей Корольков. – Лучше выпьем...

– Вот фрицев разобьём, тогда и на нашей улице будет праздник, – сказал Андрей Басов.

– Нет. – Иван Земсков отставил кружку со спиртом, она скользнула к краю снарядного ящика и упала бы, если б Громов не подхватил её. – Нет, – повторил Иван. – Я не согласен с тобой, Андрей. Разбить фашистов – это ещё не всё, настоящего праздника от этого не будет. Мы воюем не только ради того, чтоб покончить с Гитлером, хотя это и самая зримая наша цель. Но этого мне мало, понимаешь... Надо не только уничтожить врага, но в этой битве мы сражаемся и за то, чтобы свой собственный мир сделать другим, более возвышенным, чистым и благородным. Дело не только в том, чтоб мы вышли из войны победителями. Нужно победить в себе то, что может помешать нам строить новую жизнь после военной победы... За это я и выпью.

Он взял из рук Громова свою кружку, тот так и держал её, залпом выпил, запил глотком воды из котелка и принялся скручивать цигарку.

– Загибаешь ты, Ванюха, – сказал Андрей. – А я так считаю: победили – гуляй напропалую, заслужили, значит. Новая жизнь, она после победы и так наступит...

– Может быть, Андрюша, может быть, – ответил Земсков. – Давайте споём, парни...

...Полк морской авиации получил приказ вылететь для бомбардировки немецкого каравана, когда часть транспортов под усиленным конвоем уже втянулась в Варангерфиорд. Остальные корабли были неподалёку от фиорда, уже в зоне обстрела вражеских береговых батарей, которые могли бы поддержать огнём конвойные суда.

Это усложняло действия штурмовиков. В первый же заход подбили самолёт Симкина, и Симкин потянул в сторону Рыбачьего, чтоб выброситься там на парашюте.

Громов работал в паре с Земсковым. Уже горели два транспорта и танкер, когда Громов увидел в узком заливе, совсем неприметном с воздуха – его прикрывала сопка, – притаившийся большой транспорт.

– Ваня! – крикнул он. – Посмотри вправо! Видишь?

– Вижу, Леша... Иди за мной, только приотстань...

Земсков отвалил вправо и вышел на боевой курс. Теперь было видно, что к транспорту жмутся три катера из конвоя.

– Держись в стороне! – крикнул Земсков. – Следи за воздухом! Попробую один...

«Ил-второй» слегка наклонил корпус и ринулся на неподвижный транспорт. Навстречу ему потянулись трассы пулемётных очередей, словно клочья ваты, возникли на его пути взрывы зенитных снарядов. Транспорт дал ход и двинулся вперёд, потом положил руль вправо и стал поперек залива.

«Две машину у него, – подумал Громов, – лихо развернулся...»

Штурмовик пронёсся над пароходом, и его бомбы упали там, где только что был нос транспорта...

Земсков возвращался и снова заходил на боевой курс.

«А ведь он пустой, – подумал вдруг Громов, – куда он лезет без боекомплекта...»

– Ваня! – крикнул он. – Прикрывай, теперь я...

– Уйди, – донёсся далёкий голос Земскова, – уйди, Лёшка... Колю убили, стрелка... Покажу им! Сволочи...

– Ты ранен, Ваня! Выходи, выходи из боя! – закричал Громов.

Земсков не ответил. Он снова ринулся на транспорт, и снова навстречу полетела смерть. В шлемофоне Громова послышались хриплые звуки, неясные слова, он снова позвал Земскова, но тот не отвечал. Из левой плоскости его «Ила» вырвался и потянулся шлейфом коричневый дым, машина продолжала мчаться на маневрирующий транспорт... Громов выходил на боевой курс и готовился пойти вслед за другом и ждал, что вот-вот, отвернёт Земсков в сторону и рухнет в воду, но штурмовик, словно заворожённый, летел и летел, дым стлался за ним, и вдруг в хрипевшем шлемофоне Громова зазвенел голос Ивана:

– Мы – русские... Мы – русские! Мы...

«Ил-второй» подвернул к ускользавшему транспорту и ударил его своим телом в среднюю надстройку.

...Молоденький лейтенант не торопясь поднялся за стеклянной перегородкой и открыл окошко.

– По какому вопросу, гражданин?

– Видите ли, – начал Громов, – нам сказали... Подполковник Симкин... Я служил...

Скуратов выступил вперёд.

– В редакции газеты нам сказали, что в вашей части служит подполковник Симкин. Он однополчанин этого товарища. В годы войны они вместе воевали здесь. Попрошу связаться с подполковником и спросить, не может ли он встретиться с нами...

Дежурный узнал у Громова его фамилию и повернулся к телефону. Часовой у входа с любопытством смотрел на двух штатских. Скуратов шагнул к перегородке.

– Товарищ подполковник, – услышали они, – говорит дежурный по части лейтенант Богданов! Вас тут спрашивают... Фамилия? Громов его фамилия... Да какой-то запасник, товарищ подполковник советует обратиться к нему...

Громов медленно повернулся и, сгорбившись, пошёл к двери.

– Куда же вы, гражданин! – крикнул дежурный. – Я вас Блинову сейчас...

– Эх ты, Блинов, – тихо сказал Скуратов оторопевшему лейтенанту и бросился за Громовым следом.

«Волга» стояла у подъезда, но Громов повернул налево, и Скуратов подумал, что пусть побудет один, он подождёт его в машине.

А Громов миновал здание штаба и шёл по разметенной от снег аллее, шёл, не поднимая глаз, а когда поднял их, то увидел, что на него смотрит замкомэска Валентин Архипов.

– Здравствуй, Валя, – прошептал Громов. – Далеко ты от своих Лопухов забрался... Клуб-то, поди, построили там, только сплясать тебе уже не придётся...»

– Мне всегда не везло, – проворчал Валентин. – Но чёрт с ними, с танцами, зато я с ребятами вместе... Узнаёшь их?

– Здравствуй, Леха! Здорово, Громов! – заговорили парни, и тогда он увидел Серегу Королькова, Петра Бирюкова и Куприкова Колю. Они так и стояли вместе в Аллее Героев, ребята из того боя...

Он потерял четвёртого стрелка в тот налёт на Киркенесский порт. Громов вышел из атаки, круто метнулся над Варангерфиордом, осматриваясь и выглядывая товарищей. Он увидел, что вторая эскадрилья заходит снова на Киркенес, и тут на него сели два «мессера». Громов с великим трудов вывернул от них у самой воды. Его коронный номер – прижиматься вниз, когда чувствуешь себя слабее, к земле или воде, не всякий лётчик рискнёт за тобою гнаться. Громов прижался к воде, но пулемётная очередь догнала машину, уложив стрелка наповал. Так он и довёз его, уже остывшим...

Потом была одна из зловещих картин, застрявших в памяти Громова. Они отбомбились, потеряли две машины, он припоминает, что был это их замкомэска Валя Архипов и новенький лётчик, лейтенант с Балтики, его фамилию Громов запамятовал... Обе

эскадрильи возвращались на базу, и Громов шёл предпоследним. И вдруг безо всякой причины отвалил идущий слева Коля Куприков. «Ил-второй» вильнул вниз, и целая на вид машина, с работающим двигателем, нырнула в залив.

Командир эскадрильи успел крикнуть: «Куда ты, Коля?! – и тут выпал из строя головной самолёт Бирюкова. Залив был уже позади, и Пётр ударился в сопки. Его стрелок успел вывалиться за борт, но парашют не раскрылся, и стрелка нашли на вершине утром другого дня.

И у самого аэродрома пошёл вниз третий «Ил», Сереги Королькова. Это было страшно – видеть, как в спокойном небе, в небе без зенитных разрывов и снующих истребителей врага, вдруг один за другим падают самолёты друзей...

Был крупный скандал, подозревали разное, особисты крутились в полку. А потом всё разъяснил приехавший из Мурманска полковник-врач. Ребята, сказал он, были уже мертвы, но вели машины на последних остатках воли.

Смертельно раненые, в бою они держались на нечеловеческом напряжении, остервенении, что ли, и вывели машины из атаки, поставив их в строй идущих на базу друзей. Они изо всех сил отгоняли смерть, но напряжение спадало, смерть снова приходила в кабины, снимала их руки со штурвалов, и тогда они умирали во второй раз...

– Я рад, что вы здесь, ребята, – сказал Громов и вдруг понял, как двусмысленно звучат его слова. – Нет, не то, что вы... А вот вместе...

– Ладно, Громов, – перебил его Валя Архипов, – мы понимаем тебя... Теперь мы многое понимаем. Ты о себе лучше скажи.

– О себе... Живу, ребята, работаю, дочка есть. Вот и всё. Звёзд с неба не хватаю...

– Не хватаешь, значит? А ведь когда-то хватали... Помнишь, что Ваня Земсков говорил?

– Помню, – ответил Громов и хотел Архипова спросить, но тот сказал, перебив:

– Дальше пройди, он с того краю. Ждёт тебя, Громов...

И Громов двинулся сквозь строй боевых друзей, они смотрели ему вслед каменными глазами, Громов замедлял шаги и вот остановился перед Земсковым.

– Это я, Иван, – прошептал он, едва шевеля губами, – прости, что так долго шёл к тебе...

– Пустое, Алёша, не терзай себя. Ты ведь жил, а жить иногда труднее, чем красиво умереть. И не слушай ты Вальку Архипова, он всегда был ворчуном...

– Как тебе здесь, Иван?

– По-всякому бывает, Алексей. К нам приходят разные люди. С одними – хорошо, других я не пускал бы сюда... А раз они есть, такие, значит, не всё ещё гладко у вас... Так ведь, Алексей?

– Сразу не объяснишь, Иван...

– Понимаю... Тогда нам всё казалось более простым. Разобьём Гитлера, и наступит рай... Значит, вам и сейчас приходится трудно. Но вы не сдавайтесь! Слышишь, Громов, не

сдавайтесь! Мы все, которых нет с вами, будем следить за вашей жизнью отсюда. Помните об этом... А теперь иди, Алексей, твое место среди живых...

– Прощай, Ваня, – сказал Громов и побрёл по Аллее Героев к машине, где ждал его Скуратов.

...Вечером Громов и Скуратов сидели в мурманском ресторане «Дары моря» и молчали.

Играл оркестр. Ресторан был полон. Рыбаки с нашивками на плечах, немного ребят в гражданской одежде, морские и армейские офицеры и совсем мало женщин.

– По просьбе наших гостей – моряков БМРТ-244, вернувшихся с Лабрадора, исполняется песня «Штрафные батальоны»! – выкрикнул в микрофон ударник.

– Сколько раз тебя сбивали, Алексей? – спросил Скуратов.

– Шесть, – сказал Громов. – Мне везло...

– А этот твой Симкин...

Скуратов с силой поставил поднятую было рюмку, ножка у неё сломалась, и водка выплеснулась на скатерть.

– Брось, – сказал Громов, – ну чего ты... Он просто не понял, что это я, фамилию забыл. И его сбивали, Симкина...

– Всё равно, – ответил Скуратов, – не могу этого понять...

Он подозвал официантку, попросил заменить рюмку.

– Посмотри вокруг, – заговорил Громов, – кругом столько офицеров, и ни у кого почти, даже у майоров, нет боевых наград, одни юбилейные медали. Молодеет армия...

Он хотел добавить ещё, что и они бы, Громовы, могли пригодиться, а впрочем, с запаса его и не сняли, вдруг вспомнил слова «запасник какой-то» и потянулся к графину.

– Завтра уеду, – сказал он.

Утром они позавтракали в буфете, сели в «Волгу» и стали выбираться из города. Промелькнули внизу причалы рыбачьего порта, заставленные кораблями, осталась позади судоверфь, потом Кола-город и мост через Колу-реку. Пошёл малообжитый левый берег залива, ещё немного – и машина повернула в сторону, в сопки.

Громов сидел со Скуратовым на заднем сиденье, пытался осмыслить всё увиденное в Мурманске и Североморске, но это ему не удавалось... Сознание вдруг переносило его на двадцать пять лет назад, в те самые дни, из-за которых он и приехал сюда. Громов решил, что всё уляжется не сразу и только через какое-то время он поймёт, что вынес из встречи с прошлым, вспомнил Москву, институт, где ждали отчёта по командировке, и Ленку.

– Дочке ничего не купил, – сказал он, повернувшись к Скуратову. – Подарок какой...

Скуратов промолчал. Он смотрел в сторону, на щедро разбросанные сопки, покрытые чернеющими среди снега валунами и карликовой берёзкой.

– Останови машину, Валентин, – сказал вдруг Громов.

Когда Громов вышел из машины, Скуратов, недоумевая, вылез следом, достал сигареты, молчал.

Ярко светило солнце. Весенний снег покрывал сопки. Скуратов повёл глазами, закурил и зажмурился от слепящей белизны вокруг.

А Громов шагнул с дороги и провалился по пояс в снег. С трудом вытаскивая ноги, он двинулся к торчащим из-под снега берёзкам и скоро уже вспотел, стал задыхаться, но продолжал двигаться по пояс в снегу.

Наконец, Громов, стоял у деревца с тонкими прутиками и, всё ещё тяжело дыша, протянул руку, чтоб отломить ветку.

Берёзка не поддаваясь. Понадобилось усилие, чтоб справиться с нею, и, когда Громов одолел дерево, он вспомнил вдруг, как вот так же сопротивлялись тщедушные берёзы на склонах сопок, когда он карабкался по ним, цепляясь руками, чтоб не упасть, и молился, чтоб ветки не обломились...

Его сбили за сто двадцать километров от базы, он снова потерял стрелка и двинулся через горы с плиткой шоколада в кармане и пистолетом «ТТ».

Волки увязались за Громовым на второй день. По глупости он начал сразу стрелять, уложил одного зверя и спохватился, когда в обойме осталось три патрона. На четвёртый день волки пошли в атаку, и, двумя выстрелами свалив матёрого самца, Громов отогнал их. Стая оставил его в покое, чтоб через сутки вновь возникнуть за спиной.

Громов больше не стрелял. Спустив предохранитель, он сунул пистолет за пазуху изодранного комбинезона и думал лишь о том, чтоб хватило сил нажать спусковой крючок, когда он упадёт, и волки бросятся к нему.

Так он и шёл, сопровождаемый волчьим конвоем и храня для себя последнюю пулю в пистолете. И теперь, когда он возвращался к дороге, он увидел себя, молодого парня, с рыжим пушком на обмороженном подбородке, нескладного в тёмном, не по росту, меховом комбинезоне, и Громов опустился в снег, сжимая рукой ветку берёзы, судорожно задёргал плечами и беспомощно, неумело зарыдал...

...Рейс начался вовремя. Громов сидел в кресле, закрыв глаза, и старался ни о чём не думать.

Через два часа самолёт качнулся и пошёл вниз. Не так круто, как ходили когда-то они, но Громову вдруг показалось, будто он снова в кабине «Ила-второго».

Алексей Степанович сжал рукой подлокотник кресла и в который раз услыхал голос Ивана Земскова:

– Мы – русские... Мы – русские! Мы...

...А ветка кольской берёзы у Громова в квартире выбросила листочки на третий день.

Александр ПАПЧЕНКО

МОЯ ИВОТКА

Этюд

Это странно мне, почему я вдруг решил написать про свою речку Ивотку. Может это из-за воробейки? За моей спиной, на высоком шкафу стоит широкая клетка. В ней живёт воробейка с перебитым крылом. Пригрел я её. Удочерил. И вот, особенно по утрам она оглушительно чирикает, и скачет, и рвётся из клетки к своим друзьям, на волю, на заоконный простор...

Символом свободы принято считать орла. Наверное, потому, что птица это крупная. Красивая. Особенно, когда распластав крыла, невесомо парит в небесной выси. И каждый человек, задрав голову, может легко представить, какой малой несущественной запятой, он видится орлу с высоты. И нет у орла человеческих тяжких забот. И не выбирает орёл дорог. И волен орёл лететь куда хочет и когда захочет. Так кажется человеку. Вот поэтому человек и сделал эту хищную птицу символом свободы.

Но, скажу я вам, нет на свете более свободолюбивой птицы чем воробей. Может он и ростом в орла не вышел, и клюв у воробья покороче, чем у орла, и летает он пониже, и не публикуют воробьиный надменный профиль на гербах и монетах и всё же нет на свете более свободолюбивой птахи, чем воробей. Даже не спорьте.

Посадите воробья в клетку, и не будет птицы несчастней на всём белом свете. А орлы живут под колпачком, который напяливает им на голову дрессировщик. И по приказу человека охотятся на зайцев. А попробуйте приказать воробью охотиться на зайца? Смешно? Смешно.

Ну, хорошо. Попробуйте надрессировать воробья взлетать с вашей руки и ловить вам мух? Или поднимать с пола и приносить вам хлебные крошки? Тоже смешно.

Зачем это я про птиц сейчас? Ну, ладно ближе к концу рассказа станет понятно. А теперь, как и обещал, про реки.

Все знают, что есть большие реки и малые. Большие реки воспевают большие художники. Но малые реки малые художники не воспевают. Потому что свет не видывал такого казуса, чтобы малый художник добровольно согласился считать себя малым. Поэтому малые художники тоже воспевают большие реки. Чтобы их причисляли к большим художникам. Экая незадача...

У каждого уважающего себя большого художника есть своя личная большая река, которую он старательно воспевает. Например, Гейне воспел Рейн, Штраус – Дунай, Пушкин – Неву, Шевченко, конечно, воспел Днепр, Гоголь тоже Днепр, а Волгу... ну, кто только не воспевал Волгу!

И, наверное, поэтому, все эти большие реки стали символами и простора, и свободы, и родины, и даже самой жизни. Но, как и орлы под колпачками, так и они, оплетенные

плотинами, крутят послушно турбины электростанций и носят на себе теплоходы. До тех пор, пока обязательно куда-то не впадут.

То есть, все эти прославленные реки где-то заканчиваются. Например, Волга впадает в Каспийское море. Днепр – в Чёрное. Нил впадает в Средиземное море. Правда, есть реки, которые никуда не впадают, а исчезают среди зыбучих песков или теряются в болотах. Но о них вообще не пишут. Таким рекам не повезло. Их можно обнаружить только на географических картах.

Хотя следует заметить, что существуют на свете отдельные, совсем уж странные реки. Которых нет ни на каких картах. Вот, возьмите, например, реку ля Гранж Бательер. Согласно легенде, она течёт под Парижской оперой и, по Виктору Гюго, никуда не впадает. Или вот жутковатая река Стикс. Куда она впадает, одному Богу известно. А это значит, что никому. Или вот – Лета. Река забвения! Таких странных рек на свете считанные единицы. И, казалось бы, к этому списку нечего добавить...

Но я возьму на себя смелость и добавлю. Я знаю ещё одну необычную речку, о которой до сих пор мало кто слышал. Речку под названием Ивотка. Ну что? Ведь не слыхали? Теперь будете знать, что есть такая речка Ивотка. Так вот, несмотря на то, что в географических атласах нарисовано, будто она впадает в Десну, мне кажется, это враки. Ошиблись географы. Потому что в действительности Ивотка впадает прямо в рай...

А ещё, знаете, что странно? А вот что. У каждого человека есть своя первая река. Но начнёт человек рассказывать о своей родине, и перечислит тебе всё: колодец у ворот дома, тополь на углу улицы, рябину у калитки, а про реку и не вспомнит.

Уезжая в дальние края, человек почти никогда не говорит, что уезжает от реки. Опять же, чаще говорит, что уезжает из родного посёлка, города или даже страны. Да и там вдалеке, если и вспоминает родину, то обычно вспоминает родных и друзей, дом, или улицу, по которой бегал в детстве. А вот свою реку очень редко кто вспоминает...

А ведь если задуматься, то что такое родина без реки? Ну или хотя бы без ручья? Это, я вам скажу, всё равно, что человек без родины.

У меня тоже есть родина. А значит. и река. Если посмотреть на мою реку с высоты фотографического спутника, то она напоминает мизерную ниточку, серебрящуюся в лунном свете.

А ещё напоминает тонкую жилку, пульсирующую на виске. На сером от усталости виске земли. Виске планеты. Земля жива, пока эта жилка бьётся.

Как вы уже догадались, мою речку зовут Ивотка. Она у меня не так знаменита, как воспеваемые другими художниками большие реки. Не украшают её помпезные мосты и гранитные набережные. Не теснятся вдоль её берегов туристы с фотоаппаратами, словно фотографы из лакированных журналов у подиума, по которому бродит скучающая томная модель в вычурных туалетах. Но именно в этом прелесть моей речки. В этой простоте.

Моя Ивотка удивительно хороша и без мостов с набережными.

Петляя между взгорками и кочками, она то скользит над песчаными мелями, то с тихим шелестом огибает рухнувшую с берега корягу, то протискивается сквозь склонён-

ные мокнущие ольховые ветви. А то и замрёт вдруг. Потому что здесь плёс! И именно тут речка обычно застывает, зачарованная зрелищем цветущих кувшинок.

Так вот, если вы застали Ивотку остановившейся и очарованной, поторопитесь рассмотреть беглянку. В следующее мгновение она обязательно заметит вас. Смутится, опомнится и вновь бросится бежать. И скроется, и растворится в лесной чаще.

Невозможно нежные губы телят шумно плямкают её воду. Роняют с губ обратно в реку сверкающие на солнце капли. Грустные прекрасные телячьи очи отражаются в её воде. И уплывают. Уносимые течением. И сосны смотрятся в неё с берегов будто в зеркало. Внимательно. Серьёзно. А по ночам, сквозь разрывы в кронах деревьев, смыкающихся над Ивоткой подобно разрушенному своду кафедрального собора, смотрятся в неё звёзды. Или это не звёзды, все эти белые и цветные точечки? А вдруг это некий хулиган тонкой иглой продырявил небесный свод и теперь сквозь него просвечивают другие, совсем нам незнакомые далёкие миры и галактики?

Честно говоря, в отдельных местах моя Ивотка так узка, что могла бы запросто сойти за ручей. Так узка, что и сам удивляюсь, как не растворилась она бесследно в полесских болотах. Нет, Ивотка обязательно бы сгинула в топях и мшарах, если бы не её упрямый характер и природная гибкость. Таких гибких речек, как моя Ивотка, вам не сыскать. Таких не найти на всей земле.

Вот пишу я про тебя, а ты опять качаешь меня на своих волнах. Помнишь, как тогда в детстве? На плоту. Помнишь? Я лежал на утлых досках и пялился в небо. Пялился до головокружения...

Или просто, войдя в воду, ложился на поверхность. И плыл по течению. Будто я и ты – что-то одно...

Так бы плыть и плыть. И не просыпаться.

Какая странная штука со мной происходит – один и тот же сон повторяется и повторяется. Нет, не скажу, что каждый день, но часто. Будто я подъезжаю к дому. Подъезжаю то на поезде, то на автобусе. То зимой, то летом. Иногда даже пешком. Подхожу по мелколесью, взгорками...

И такое щемящее чувство тоски и счастья меня охватывает по мере приближения к нему. Счастья – понятно, почему, но тоски... Тоски – потому, что я уже догадываюсь, что всё равно не приеду, не доеду, не дойду до посёлка.

Иногда уже видны окраинные домики. И я иду к ним. Но по мере приближения, сон утрачивает чёткость и становится хаотичным и расплывчатым. И я просыпаюсь. Просыпаюсь с ощущением потери. Но тяжесть утраты сглаживается радостью, что всё-таки побывал на родине.

Тогда включаю свет и курю. Потом вновь пытаюсь заснуть. Но едва закрываю веки, как сон опять включается. Только на другом месте.

Вот раскатывает старушка вдоль берега речки дёрн, словно это ковёр. Запутались в его изумрудном ворсе алые земляничины. Они так пронзительно пахнут. Таких ароматов

не сыщешь на базарном прилавке или в самом дорогом магазине. Не нанюхаешь никогда. И сосны с трудом, поочередно выдёргивая из песка и глины свои натруженные корни, бредут друг за другом в предутреннем тумане.

И синеют у горизонта складки холмов и перелесков. Туда, в гости к Бабе Яге, наглые лисицы уносят непослушных детей.

И на душе делается тревожно.

И чтобы заглушить тревогу, шепчу: «Неси меня, река, за синие леса...»

И усыпаю. Хотя, я ведь и так уже сплю. Да, но теперь я усыпаю внутри сна. Я утопаю во внешнем сне, проваливаюсь сквозь него в другой, более глубокий сон...

И там, в глубине, я опять плыву по реке. Она покачивает меня. И там тоже ночь. И пряные остывающие запахи травы. И загадочное звёздное небо. Ничего, как будто не изменилось, но всё же здесь во всём другой смысл и значение. Будто теперь я понимаю: и этот лес зачем, и это небо звёздное почему... И так просто мне и легко с ними теперь говорить.

– Зачерпни в ладони моей водицы. – Сказала Ивотка, – Дождись, когда в ней отразится падающая звезда. Успей загадать желание. И оно сбудется.

– Но как трудно дождаться звезду и успеть загадать. – Замечаю я, – Пока буду ждать звезду, вода просочится между пальцев. Как ни стискивай их. Капля за каплей. Капля за каплей.

– Не труднее, чем вернуться ко мне. Чем вернуться в детство... – прошептала река.

Так трудно удерживать в ладонях речку. Капля за каплей она просачивается меж пальцев. Сколько ни стискивай их...

04.10.1960 – эти цифры обозначают чей-то год и день рождения. Об этом знают все, потому что день рождения есть у всех.

52°04′44″ с. ш. – 34°15′01″ в. д. – а это место рождения моей реки Ивотки – координаты её истока. Он около Подлесных Новосёлок, Севского района Брянской области. Места там на удивление укромные и уютные.

Эх, речечка ты моя, Ивотка, воробышек ты мой любимый.

Ольга РЫБАКОВА

БЕЛОЕ ПАЛЬТО

Мама до слёз, до красных пятен на щеках хотела белое пальто. Недлинное, на ладонь выше колена, с перламутровыми пуговицами, широкими рукавами и воротником-стоечкой – оно было пределом её мечтаний. Когда-то она не вышла в таком замуж, не повесила в шкаф на широкие чёрные плечики и не могла гордо демонстрировать его дочери.

– Платье было красное, – рассказывала мать. – Длиной аккурат на ладонь выше колена. Сапоги такие, знаешь, на шпильке. Двенадцать сантиметров! И как я только стояла?

Она тихонько вздыхала, словно поражаясь своему тогдашнему безрассудству, и весело улыбалась.

– Красивые были сапоги, белые, кожаные. Фата на голове крепилась на гребешок из слоновой кости – тот, который папа из Индии привез, с мелкой россыпью алмазиков. Хотя, потом они оказались фианитами. Ох и лопух твой отец! Фата сама коротенькая, до середины спины, и вся дымно-белоснежная, расшитая цветами. Чудо, а не фата!

Мама вела рукой по голове, поправляла гребешок в волосах. Искрились камни в томном свете электрической лампы.

– Погода уже прохладная стояла – снежок выпал. Шубу ещё рано, в курточке несолидно. Я пальто-то и накинула. Ничего пальто, приталенное, с пояском, до колена. Хорошо смотрелось, хоть и чёрное.

Кажется, крылась в этом какая-то роковая взаимосвязь – в том, что не успели чёрное поменять на белое. И пошла-покатилась жизнь, перешитая шерстяными тёплыми нитками. В пожаре сгинул весь свадебный наряд: и платье, и фата, и сапоги. В суматохе потерялись фотографии и прочие нужные вещи. Только каким-то странным образом пощадил огонь пальто в целлофановом – от моли, пакете на дне сундука. Мама тогда досадливо повела узким плечом и хорошенько его встряхнула.

Когда папа попал в аварию, сломал ногу и не смог ходить, мать распустила рукав нелюбимой одежды и вязала ему носки. Он смеялся и обещал купить белую – молочную – говорил, пряжу. Когда папа уходил к другой, она ему это припомнила.

– Давай, – гордо говорила мама, рисуя себе стрелки на веках. – Давай. Не держу. Насильно мил не будешь, так? Шиты белыми нитками все твои обещания!

– Какие обещания? – рискнул робко уточнить он.

Она посмотрела на него своим тщательно отрепетированным пренебрежительным взглядом и вздохнула.

– Пока смерть не разлучит нас, Валентин!

Папа осёкся, побледнел и вышел, плотно прикрыв дверь. Карандаш в маминых пальцах дрогнул и прочертил коричневую кривую линию по её щеке. Никто не мог бы сказать, что папа не держит своих слов. Он больше не вернулся. Он так и рухнул по ту сторону двери и больше не поднялся.

– Инфаркт, – горько цедила мама, распуская второй рукав. Нервно звякали друг о друга спицы. – Переволновался. Но верен, чёрт, остался до конца.

Когда брата забирали в армию, набирала цвет сирень. Мать промокала сухие глаза платком и под рукой проводника проталкивала в тамбур вязаную жилетку.

– Чечня, что ж за место такое, сынок?

Стыл на кухне оставленный чай. Андрей не вернулся тоже.

– Засада, – глухо шептала мать, заправляя под цветастую бабушкину косынку враз поседевшие пряди. Аккуратный чёрный берет она на похороны надевать не стала – в по-

следний момент кинула его в угол прихожей. Оцинкованный серый гроб был будто в снегу – в белых лепестках яблонь.

– Платье было красное, – рассказывала мать, хватала меня иссохшей рукой за запястье. Хрипло дышала. – Как дальше, дочка?

– Сапоги белые на шпильке. Двенадцать сантиметров. Как ты только стояла? Фата дымно-снежная, в цветах на гребешке, который папа из Индии привез. Ну, тот, с россыпью алмазов. Снег уже выпал, но шубу ещё надевать было рано. Ты пальто-то и накинула.

– Пальто? – улыбалась она тонко. – Какое?

– Белое, мама. Белое.

У мамы сияли глаза, и она облегченно откидывалась на подушки.

Ведь мама до слез, до красных пятен на щеках хотела белое пальто.

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

ВСТРЕЧА С БОГОМ

Билтон Джон пытался сочинять музыку, но дело шло туго: все мотивы, рождаемые его помутневшим от кокаина мозгом, уже где-то встречались, уже где-то звучали. Ничего нового, ничего такого, чтобы зацепило, не возникало. Настроение клонилось к нулю, снова подкатывала депрессия. Белый порошок щекотнул ноздрю, противно дёрнул голову, вылезла мутная слеза, застлавшая музыкальную студию.

Напарник, или, как принято в Европе, – член семьи номер один или два, то ли задержался в постели, то ли наоборот уже уполз за своим любимым пивом, не появлялся; и это обстоятельство тоже добавляло уныния и горечи отчуждённости, как казалось композитору, от всего мира.

И всё же заглянувшее в полуподвальное помещение солнышко через открытое настежь окно под самым потолком, пыталось разбавить тоску-печаль.

* * *

Билтон Джон набросил засаленную жилетку на голое испещрённое татуировками тело, посмотрелся мельком в зеркало у входной двери, распахнул её со страшным скрипом, и вышел на улицу. От яркого солнца, пробившего его жёлтые очки, глаза подслеповато закрылись. Выбилась слеза. Джон снял очки, протёр глаза кулаками, снова водрузил очки на нос, пригладил жидкую бородёнку из нескольких волосин. И только теперь заметил привязанного к столбику калитки крокодила, больше похожего на дракона. Такой вид ему придавали непропорционально мускулистые высокие ноги.

– О, Дракон, ты уже готов везти меня в паб?! – слова прозвучали громко, и глуховатый Дракон приосанился, швырнул сухую листву передними лапами под брюхо. Из ноздрей вырвались клубы горячего пара. На улице было прохладно, как бывает по утрам в листопадную пору.

Билтон уселся на спину Дракона, и тот галопом помчал седока привычным маршрутом. Так же резво Дракон притормозил перед протестантской церковью. То есть это раньше она была церковью, но уже три года, как церковь переоборудовали в пивное заведение. Первый год в пабе по воскресеньям проходили воскресные проповеди, куда по привычке ходили три самые древние старушки городка. Но их души вознеслись к Богу уже более года тому назад, и проповеди прекратились. Ну, и, чтобы не смущать посетителей паба, сняли крест с острого шпиля, возвышавшегося над входными вратами.

Джон поднял глаза к небу и увидел крест, которого ещё вчера не было. Будучи человеком неверующим, то есть атеистом, он удивился, открыл рот и так смотрел ввысь долго, с трудом пытаясь переварить такую вот внезапно возникшую реальность. Почему-то рука помимо его воли осенила грудь и чело крестом, Билтон Джон стащил с лысой головы потрёпанную бейсболку. Джон привязал крокодила верёвкой к столбику. С трудом подалась массивная входная дверь. И внутреннее содержание, а вернее совершенно восстановленное каким-то непонятным образом убранство собора совсем прибило сознание Билтона чуть не к плинтусу.

– Вот это чудеса!!! – Воскликнул он, и только теперь заметил пастора в праздничных одеждах.

– Вы же, сэр, не верите в чудеса, – мягко произнёс святой отец.

– И кто же это сотворил? – уже иронично спросил Билтон.

– Бог.

– Милый мой, господин святой отец, Бога нет.

– Во-первых, из ваших уст слово «милый» здесь в стенах святой обители звучат как-то уж очень неприлично, а во-вторых, Бог всё же есть. И вы можете сейчас в этом убедиться.

– И как же я смогу убедиться в этом?

– Если вы помолитесь пред распятием и попросите его сюда явиться, он – явится.

– В каком же обличье?

– Это уже вы для себя решите, в каком обличье снизойдёт наш Иисус.

– Я хотел бы видеть его в человеческом обличье, чтобы я смог его пощупать, – Джон хихикнул.

– Хорошо, он явится в человеческом обличье. Только вот в отношении пощупать, не выходите, пожалуйста, за пределы приличия. А то я ваши замашки знаю, сэр.

– Но я не умею молиться, я же атеист, я не верю в Бога.

– Можете не повторять эту ересь раз за разом, Бог и так давно знает, что вы, сэр, не верите в него. Подойдите к распятию и своими словами попросите его явиться перед вами.

– И всё?

– И всё!

– Бог! Если ты есть, то прошу тебя явиться в человеческом обличье! – произнёс громко Джон, подойдя к распятию.

Вдруг свечи в храме колыхнулись пламенем, хотя никакого ветра не ощутилось. Где-то вверху скрипнула тонко и мелодично дверь, из неё вышел странный человек с длинными волосами, терновым венком на голове. Одежда его была настолько несовременна, что непонятно было – это плащ, накидка, или просто кусок цветной материи самым нелепым образом, как показалось Билтону Джону, намотанный на его худое тело. Человек в странных одеждах, в сандалиях на босу ногу, уверенной походкой спускался по лестнице. И вот он встал перед композитором, протянул руку.

– Познакомимся?

– Билтон Джон!

– Бог, – пожал руку мужчина в странных одеждах.

– Слушай, парень! – возмутился Билтон. Он хотел выдернуть руку, но не смог. И дело не в том, что Бог держал его руку крепко. Нет, рукопожатие было совсем не мощным, но рука не разжималась. Его собственная рука!

– Я есть Бог! – настойчиво прозвучал голос.

– И как вы можете это доказать? – испуганно спросил Джон.

– А вот паспорт, – и человек в странных одеждах достал из-под складок своей одежды книжицу с крестом на титуле.

Композитор трясущимися руками раскрыл паспорт, где прочитал «БОГ». Он перелистнул страницу. Родителями были указаны: Отец – «Святой дух», Мать – «Мария». Пот горячими каплями пролился с покрасневшей лысины. Билтон Джон нашарил в кармане жилетки носовой платок, вытер пот со лба, протёр виски.

– Этого не может быть...

– Но это – есть. Вы же сами наблюдаете всё, вы даже прикоснулись ко мне.

– Это всё подстроено, паспорт поддельный.

– Паспорт настоящий, посмотрите на водяные знаки, – Бог развернул паспорт, – посмотрите на свет.

Джон смотрел сквозь страницу паспорта на яркую свечу. Там отчётливо были видны распятие и матерь божия с младенцем на руках.

– Такие знаки в настоящее время умельцы могут сделать, да так, что не отличишь.

– Ну, если умельцы, по вашей версии, могут сделать такой водяной рисунок, то почему вы сомневаетесь в том, что такой паспорт могут сделать в небесной канцелярии?

– Я не сомневаюсь, я...

– Вот видите, вы уже не сомневаетесь.

– Ну, и где живёт Бог? – издевательским тоном спросил композитор.

– Вот читайте, – Бог развернул паспорт, – на небесах.

– «На небесах», – прочитал Джон, – вы, что хотите сказать, что сейчас спустились с небес? Я же видел, вы спустились по этой вот скрипучей лестнице.

– А вы прочитайте, что там написано, – Бог указал вверх в конец лестницы, заканчивавшейся резной террасой. Под самым потолком над дверью, из которой и появился человек в странных одеждах, было начертано: «НЕБЕСА».

– Это невероятно, это невозможно, это какая-то мистика!

– Никакой мистики: вы всё видите, ощущаете, вы меня слышите, вы, в конце концов, держали мою руку в своей руке.

– Так каждый может сойти с лестницы и представиться кем угодно.

– Ну, если так может каждый, так почему так не может Бог?

– Да, но как я докажу своему... ну, – партнёру и другу, что я видел самого Бога.

– Я знаю вашего члена семьи номер два – Бориса. Так, кажется, вы себя называете: член семьи номер один и номер два. Я видел ваши оргии, я видел всё...

– Что вы видели?

– Всё!

Джон вдруг густо покраснел, чуть не впервые за всю жизнь.

– Да бросьте вы, Джон. Что за смущение? Я давно в вашем доме не живу, там теперь поселились бесы. Так что я в последнее время за вами не наблюдаю.

– А можно сделать с вами селфи?

– Нет, нельзя, но вы унесёте с собой неопровержимое доказательство нашей встречи.

– Какое?

– Господин святой отец, принесите розги. Розги очень хороши в этом деле.

Святой отец подал розги Богу. Бог взял одну, другую, третью. Попробовал каждую на гибкость, взмахнув каждой, как бы имитируя удары. Наконец-то выбрал из многих одну.

– Вот эта, из русской берёзы, хороша. Она хорошо лечит. Сейчас поможет только русская берёза. У меня, видимо, будет много работы, – Бог повернулся ко святому отцу, а тот понимающе подтвердил еле заметным движением головы, – очень многих по всем европам нужно будет лечить. Процесс запущен, не досмотрел я, а тут ещё и искуситель – мой враг, поработал... И лучшее средство избавления от такого недуга – русская берёзовая вичка.

Бог стеганул розгой, со свистом разрезав духмяный от ладана воздух.

– Может, не надо? – спросил жалобно Джон.

– Надо, Джоша, надо... Ложись на лавку и оголи свои срамные ягодицы. Ложись, ложись на животик, – голос Бога зазвучал мягко и даже ласково.

Джон хотел возразить, он хотел сказать что-то вроде того, что так нельзя поступать со свободным человеком, что это есть явное насилие над личностью, он ещё что-то о правах человека хотел произнести, но рот не раскрывался, будто его кто-то держал невидимой ладонью. Джон послушно спустил штанишки и лёг на лавку.

Взвизгнула розга, хлёстко прилипнув к оголённому телу. Удары ложились таким образом, что на коже ягодиц нарисовались параллельные линии, но не сплошные, а пунктирами.

Потом Бог пустил розги в перпендикуляр уже нарисованных линий. И случилось так, что на ягодицах нарисовалось множество крестиков. Розги так хорошо прилипали к коже, что местами выступили капли крови. Такой же рисунок человек в странных одеждах нанёс и на спину композитора. Во время этой процедуры Билтон Джон хоть и дёргался после каждого хлёсткого удара, но молчал, искусав губы в кровь. Из его уст вырывались лишь глухие стоны.

– Ну, вот, – сказал Бог, – теперь у вас, господин композитор, есть доказательство нашей с вами встречи.

– Да уж... – еле вымолвил композитор.

Он натянул штаны, вышел из храма. У ворот стояла его любимая машина-кабриолет розового цвета, почему-то привязанная шнурком к столбику. Отвязав верёвочку, он влез в кабриолет, но сесть на сидение не смог в силу того, что болезненность в седалище пока ещё была свежа. «Хорошо, что у меня кабриолет, можно ехать стоя», – подумал вслух Джон. Кабриолет сам завёлся, выехал на центральную дорогу, направившись в сторону дома. Джон хотел повернуть машину в другую сторону, он думал немного проветриться, поколесив по улочкам родного города, но машина не слушалась. Она вела его к дому.

Подошёл дружок Борис и шлёпнул ладонью по ягодицам.

– О-о-о! – вскрикнул Джон, и глаза его открылись. Солнце яркой вспышкой осветило всё вокруг. Джон встал с кровати.

* * *

– Я соскучился по тебе, мой любимый Джончик, – сказал Борис, нежно положив свою ладонь на ягодицы друга – члена семьи номер один, но Джон взвизгнул по-поросячьи, ловко убрав седалище от неминуемого пошлёпывания.

– Не трогай меня. Пойди прочь, искуситель! – возмутился Джон.

– Молодец, Джон! – услышал композитор уже знакомый голос.

Он повернулся и в проёме двери увидел Бога.

– О, Боже, ты входишь в мой дом?

– Да, я снова поселюсь здесь, – и Бог растворился.

– Ты с кем сейчас разговаривал? – спросил удивлённо Борис.

– С Богом. А ты, Борис свободен. Тебе больше нет места в моём доме.

– Что с тобой, Джон? Ты сам не свой. Ты где пропадал всё это время??

– Я встречался с Богом...

– Бога нет, дружок...

– Оказывается, есть, я с ним встречался. Он явился предо мной в человеческом обличье.

– Откуда ты узнал, что он – Бог?

– Он мне паспорт показал.

– Ты большой оригинал, Джон, ты, кажется, бредил во сне.

– Я не бредил. А ты уже пиво пьёшь? Прямо с утра?

– Да, я принёс пива...

– А куда ходил за пивом?

– Как обычно в наш любимый паб, что в бывшей церкви. А ты говоришь, что встречался с Богом. Там бога уже нет.

– Есть!

Билтон Джон ощутил, что кожа спины и ягодиц просто нестерпно горит.

– Посмотри, что там, – он оголил спину и ягодицы.

– О-о-о-о !

– Это Бог меня так лечил...

– Это Харис тебя плёткой исхлестал вчера по-пьяни. Он же просто изверг в этих своих ролевых играх! А я тебя предупреждал...

– Нет, Борис, – это Бог!

– Бога нет! – свирепо произнёс Борис.

– Есть. Я самолично видел.

– Это тебе приснилось.

– Может и приснилось. Ну, что ж, значит, – сон в руку...

Джон взял гитару, и вдруг струны запели так мелодично, как никогда. Джону показалось, что кто-то свыше, с небес напевает ему мелодию. Ему даже показалось – знакомым голосом.

Александр ЕВСЮКОВ

ЛОДКА САНЫЧА

Саныча к нам, первокурсникам Литинститута, подселили вечером, всего через полчаса, как третья койка в комнате освободилась. Так подкидывают надоевший хлам, о который устали спотыкаться.

Он вошёл после короткого стука с угрюмой усмешкой и, покачиваясь взад-вперёд, пробурчал невнятное приветствие. Из-за его спины маячило озабоченное лицо коменданта общежития. Тот внушительно кивал, подтверждая легальность данного вселения, а затем, не переступив порог, поспешно удалился. Саныч медленно дошагал до своего нового места и, задев тумбочку, подставил к ней потрёпанный жизнью чемодан.

– Я на две ночи, – то ли пригрозил, то ли успокоил он сиплым голосом.

Уже неважно – до конца сессии нам оставалось всего два дня. Не дождавшись ответа, Саныч принялся напевать какой-то неведомый нам, но смутно напоминавший о блатной романтике мотив.

Мы с соседом Геной переглянулись, осознавая, что влипли. За неполную неделю своего пребывания в общежитии Саныч менял уже третью комнату. В Москву он якобы приехал по важным делам, но за всё прошедшее время дальше крыльца никуда не выходил и ни разу не брился, так что щетина на впалых щеках торчала иглами седого дикобраза. Мутным бледно-серым взором он с вызовом впивался то в одного, то в другого собеседника. Успев разменять седьмой десяток, на каждое несогласие непременно вскидывался в боксёрскую стойку. Это могло произойти в коридоре, за столом в комнате или у плиты общей кухни. Доносился неизменный боевой хрип: «Кто на меня?» Правда, эта его стойка была дырявой и едва ли могла защитить от прицельных ударов, если бы кто-то всерьёз решил их нанести.

Однако до драки так до сих пор и не дошло. Тщедушные мальчишки от прямых конфликтов ускользали, а крепкие мужики успокаивали друг друга и аккуратно, с уговорами отводили Саныча в сторону. Боевой хрип прекращался, Саныч позволял угостить себя, чтобы затем, уже «на свои», продолжить ожесточенно напиваться. Среди ночи входил в комнату и, в темноте добравшись до своего места, ничком валился на койку.

Вот и настала наша с Геной очередь. Гена был старше меня и из-за угловатых очков взирал на Саныча с откровенной неприязнью, очень свойственной тем, кто в недавнем прошлом сам отличился на алкогольном фронте. Теперь у него наступил период продолжительной и, кажется, прочной завязки. А тут – будто подставили зеркало, где то и дело отражаются твои былые безобразия.

Находиться поблизости от Саныча оказалось тяжело и мне. Угар первых дней сессии, громогласное веселье встреч всех со всеми и бессонные посиделки закончились, казалось, ещё в прошлую историческую эпоху. Они сменились азартом сдачи экзаменов при крайне избирательных знаниях по каждой дисциплине. Только Саныч, как игрок, выпущенный в важнейшем матче на замену, не думал останавливаться. Гнул свою линию. И каждый раз при мысли о нём, во мне пробуждалась широкая палитра чувств от непонятного уважения до брезгливой жалости.

– И надо было Ромкиной маме сейчас заболеть? – сокрушались мы о спешном отъезде нашего третьего соседа-однокурсника. Вспоминали, как весь вечер после вселения нам с Геной и Ромкой пришлось заниматься сбором и выносом мусора из всех углов комнаты. Как шуршал целлофан, трещали грязные картонки, пованивало тухлятиной. По слухам, до нас здесь проживали строители. Когда всё окончательно вынесли и вымели, остались чистота, простор и прохлада. Но вот вселили Саныча, и появилось стойкое ощущение, что весь тот мусор закинули к нам обратно.

С девушками Саныч заговаривал охотнее и в свою фирменную стойку обычно не вставал. Напротив, он оправлял свитер с неясным уже рисунком и наставительным голосом сообщал, что начал писать, когда никто из нас ещё не родился. Его творческий путь был ознаменован двумя тонкими книжками в мягких потрёпанных обложках, вышедшими в незапамятные для молодёжи годы. Никто, даже самые дотошные книжные черви, никогда о них не слышали. Однако он предъявлял ветхие экземпляры с видимой гордостью, чем нередко наводил даже большее смятение, нежели своими боксёрскими замашками.

Поздним вечером одногруппница Таня, вцепившись в меня на лестничной клетке, возбуждённо зашептала тонким голосом прямо в ухо, что всё, чего этот бич достиг в жизни – пшик. Ни-семьи-ни-детей-ни-нормальных-друзей-только-собутыльники-ни-человеческого-жилья-только-комнатёнка-в-коммуналке-ни-постоянной-работы-две-никчёмные-никому-не-нужные-книжонки-весь-итог.

– Он к тебе приставал? – спросил я.

Таня резко замотала головой и продолжила:

– Всё, я решила – не буду больше писать, – она захлёбывалась от подступавших к горлу слёз. – Случайно сюда попала, правда, случайно, мне казалось – столичный вуз, интересные люди, будущее... Я же медсестра, насмотрелась на больных, новорожденных. Иногда они умирают, как ни спасай, что ни вводи. Об этом и написала, а тут... Так может закончить каждый!

Я стеснительно и неуклюже пытался её успокоить. Но дело было не во мне. Таня отмахнулась и, спотыкаясь о ступеньки, убежала в комнату. Через полгода приехала на сессию ещё раз, забрала документы и больше сюда не возвращалась.

Мы сдавали экзамены и важный зачёт из последних голодных сил. Головы пылали от напряжения, а я всё лучше понимал героя Гамсуна из недавно прочитанного романа. Лишний половник супа или кусочек поджарки в столовой казались спасением. Ради этого стоило состроить перед поварихой самый жалобный вид. Она напускала на себя строгость, но самых горемык всегда жалела и подкладывала добавку.

...Субботнее утро. Почти все наши уже разъехались. Ни Гены, ни Тани, ни остальных. Блаженная тишина и пустота внутри и снаружи. Полная счастливая обессиленность, как у марафонского бегуна после финиша. Оставалось собрать вещи, заварить себе растворимой лапши, позавтракать, сообщить об отъезде и отправиться в путь. А ещё – купить подарок маме.

Когда я встал, Саныча на его койке не было. Прошёл по пустому коридору, умылся, настраивая себя на сегодняшние заботы. От родительского надзора я отказался категорически, сам собирался и ездил между городами, но пока это было в диковинку.

Вернулся в комнату – Саныча не было. Может, это и хорошо – не придётся прощаться с натужным сожалением. У меня оставались последние пятьсот рублей, в обрез на подарок и на дорогу. И ещё картонная карточка с одной поездкой на метро.

Я точно помнил, в каком кармане куртки лежала сложенная купюра, и решил перепрятать её поудобнее. Засунул руку и вдруг понял, что денег там нет. Почувствовав выступившую испарину, вывернул карман наизнанку, расправил каждую складочку и прощупал подкладку – ничего. Проверил другие карманы – пусто.

В отчаянии осел на койку. Так, Гена уезжал вчера одним из первых, я его провожал. У других не было возможности тут долго рыскать. А Саныч оставался тут всё время и ему, конечно, понадобились деньги на опохмел. Больше некому. Значит, ко всему прочему, он ещё и вор?.. Вор, способный взять последнее? Непереносимо. Его надо найти. И что сказать после такого позора человеку, который годится тебе едва ли не в прадеды? Зачем он до сих пор живёт? За этим вот? Козёл старый!

Я выскочил на поиски, даже не заперев комнату, и заметался по этажам. Людей в этот час встречалось мало, и никто не мог ответить ничего вразумительного. Коменданта я сегодня вряд ли найду. Милиция?.. Мобильные были тогда редкостью, однако мог пригодиться бесплатный городской телефон двумя этажами выше. А что им сказать? На кого заявлять? Я вдруг осознал, что не знаю ни фамилии, ни даже имени своего соседа, только отчество. Всё снова упиралось в коменданта – он должен знать.

Обежав всю общажную Ойкумену, я, задыхаясь, встал между этажами. Поглазев на металлические сетки, натянутые в пролёте, уныло побрел к себе. Плотно затворённая дверь теперь была приоткрыта.

На единственном в комнате шатком стуле возле стола боком сидел Саныч и отхлёбывал кофе из металлической кружки. Я внимательно на него посмотрел. В холодном оконном свете он был не похож на привычного себя – выбритый, трезвый, в опрятной одежде.

– Здрасьте, – пробормотал я.

– Проходи, – сказал он.

Я прошёл.

– Присаживайся.

Я присел на тонкую подстилку поверх ржавой сетки опустевшей койки.

– Ты знаешь, что он не утонул? – вопрос прозвучал как на экзамене.

– Кто?

– Сеня Курилов.

Я отрицательно мотнул головой, в которой с трудом сложились вместе фамилия знаменитого драматурга и столь фамильярная форма его имени.

– Тогда слушай. Я был с ним на озере. В той самой лодке. Сеня всегда был самый компанейский. Совсем не красавец, с виду – вылитый бурят. Но все бабы с ума от него сходили. Я был старше, у меня раньше вышла книга. Иногда похлопывал так вот Сеню по плечу и чему-то учил. А его настоящая слава ещё стояла на пороге.

Я попробовал вообразить их – молодых, переполненных неистощимой силой и бесконечным будущим.

– У нас на двоих была лодка. Ничего почти не было, а лодка была. Больше моя, но мотор покупал Сеня. Решили половить хариуса и раздобыть вина. Спустились к берегу, закинули снасти, столкнули на воду. Только рыбалка не задалась – штук пять рыбёшек. Обратно Сеня сел на руль, а я вперёд смотрел с носа. Надо было наоборот, не прощу себе, что не настоял. Но так ему хотелось самому порулить в своей штормовке и в широких мореманских ботинках. А ветерок казался лёгким, волны не было. Он посмотрел вот так в глаза и спросил: «Тебе что – жалко?» Я махнул – заводи. Так и полетели по воде на резвом моторе. Красотища кругом. Тут Сеня окликнул меня, попросил закурить. Повернулся, достаю пачку и сразу – удар, я в воде барахтаюсь, лодка перевернутая рядом. Хватаюсь за неё, она из рук рвётся. На топляк налетели, как бы я со спины разглядел? Вижу, Сеня плывёт к берегу. Он одет легче, ору ему: «Сеня, плыви, плыви!» Сам вцепился в лодку намертво, одежды на мне много, до берега точно не дотяну. А там – люди видят нас. У меня

ноги свело, руки как клешни растопырил. Сеня всё тяжелее плывёт, но до мелкой воды близко. Вот он встал на ноги, приподнялся над водой и – всё...

– Так значит, утонул? – негромко спросил я.

Он резко мотнул головой, смерил меня взглядом. Для Саныча было важно, что его товарищ не утонул, не захлебнулся, не проиграл волнам или дистанции. Он как будто снова встал в эту свою нелепую защитную стойку. Не поднимая рук, внутри себя.

– Нет. Потом сказали, сердце остановилось. Перепада температуры не выдержало. Когда вытащили, лицо было совсем синее. Так не взаправду, что не верилось. Думал, его обязательно откачают и сам он за жизнь ухватится. Он мне снился потом – синим лицом улыбается широко во весь рот. Жутко. Совсем скоро его пьесы прогремели. Писали, что он гений, молодой и ранний. А у меня – всё кувырком. Он плыл в нашей... в моей лодке, столько всего хотел успеть. И вот – сплыл куда-то, на небо, наверно... А я, бездарь, остался. Уцепился за край и не отпустил, пока не дождался помощи. Многие пеняли мне за это, я их не виню.

Он шумно отхлебнул кофе и замолчал. А я вдруг почувствовал, как жёсткий каркас койки больно впивается в меня, но не пошевелился.

– Так и живу, – произнёс он, глядя повыше моей головы. – Нет, не как эту неделю. Я тоже писал, упорствовал, часами, ночами. Только редко когда что-то удавалось по-настоящему. Он был моложе, но как будто всё наоборот, и ты с ребячьими силёнками должен продолжить работу здоровенного мужика. Вырулить до берега. Вот, например...

Не глядя на меня, он прочитал одно стихотворение – сокровенную боль за внешней бравадой. Настоящее. Но, может быть, мне это показалось именно там и тогда. Память не удержала ни строчки.

– Это ваше? – робко спросил я.

– Ага, – рассеянно кивнул он.

– От души.

– Наверно, так. А знаешь, почему перо у писателей и у блатарей звучит одинаково?

Ещё один вопрос с экзамена по неизвестной мне дисциплине. Я не знал.

– Потому что перо, твоё или моё, тоже должно колоть в самое сердце.

Я не мог понять, почему он подвёл к этой странной морали.

– Ну, пойду я, пацан. Собирайся в свою дорогу. А сегодня и правда дела.

Он встал, накинул своё потёртое пальто, как-то необычайно легко подхватил собранный чемодан и вышел.

Слыша из коридора его затихающие шаги, я осознавал, что так и не спросил его о пропавших деньгах и уже не смогу ни догнать, ни выспросить. Не смогу, рот не откроется, а язык не вытолкнет нужные слова. Придётся выкручиваться непонятно как.

Я встал и принялся укладывать вещи, думая совсем не о вещах и не о предстоящей дороге. И собрал почти всё, когда сложенная вчетверо купюра вдруг нашлась во внутреннем кармане дорожной сумки. Я сел, ошеломлённый чудом. До сих пор не могу припомнить, когда именно туда её положил.

Александр КЕРДАН

НОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТЁРЫ

Подполковник, командир группы ГРУ – главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, откликавшийся на имя-отчество Василий Петрович, заглянул в штабную мазанку горно-пехотного батальона после ужина.

Обменявшись коротким и крепким рукопожатием с комбатом майором Игнатенко, он сказал:

– Сергей Алексеевич, пошептаться надо. Тэт-а-тэт...

– Сейчас организуем, Василий Петрович, – отозвался Игнатенко и приказал дежурному связисту. – Сходи, покури!

В просьбе «грушника» ничего необычного не было: служба секретная, действующая по ленинскому принципу: «Конспирация, конспирация и ещё раз конспирация, товарищи!»

Подполковник и пятеро его подчинённых: офицер, прапорщик и трое срочников: переводчик-таджик, водитель БТР – молдаванин и связист-сибиряк в гарнизоне у Игнатенко даже размещены были в отдельно стоящей мазанке. И питались они самостоятельно, и контактов с личным составом батальона всячески избегали, общаясь только с Игнатенко и начальником штаба батальона капитаном Тетёркиным. Ходили обычно Василий Петрович и его подчинённые в афганках без знаков различия, все отпустили себе бороды и загорели до черноты. Повяжи таким чалму или напяль на голову шапку-моджахедку, и от «духов» просто не отличишь. Они и вели себя, как «духи». Среди ночи срывались с места и, оседлав свой БТР, уезжали неведомо куда, или уходили в ночь поодиночке, и возвращались, пока весь гарнизон ещё спал, за исключением дежурных служб, конечно. Так же, в темноте, которая здесь, в горах, наваливается внезапно, как диверсант на зазевавшегося часового, к ним почти каждую ночь на КПП приходили какие-то таинственные визитёры, завёрнутые в длиннополые одежды с головы до ног. Их обычно встречали сам Василий Петрович или майор, его заместитель, и уводили в свою мазанку, о чём-то беседовали, и спустя несколько часов провожали за ворота гарнизона, где эти визитёры мгновенно растворялись в чернильной темноте.

Однажды стоявший на часах солдат из восьмой роты доложил Игнатенко, что у такого визитёра, когда он проходил мимо него выпала на землю пачка афгани, которую тот тут же поднял и ловко спрятал под одеждой. А шедший за ним следом Василий Петрович приложил палец к губам, а затем погрозил часовому, дескать, об увиденном молчи.

«Помощнички-то у Василия Петровича не бескорыстные... По идейным соображениям никто помогать шурави не хочет! Разве что те, кто сам от душманов пострадал...» – догадался Игнатенко.

Результатами разведдеятельности группы Василия Петровича, у которого была любимая присказка: «война план покажет», он, к слову, довольно успешно пользовался в сво-

ей боевой работе – практически все разведданные по близлежащим кишлакам реализовывались именно через его батальон. Да и как иначе? Во всей провинции Саманган батальон Игнатенко – единственная боевая единица советских войск. В своей зоне ответственности от Ташкургана до перевала Мирза-Атбели, батальон охранял трассу: Хайратон – Кабул, обеспечивал работоспособность проходящих здесь двух ниток трубопровода, по которым под высоким давлением подавались бензин, авиакеросин и дизтопливо, и в целом, Игнатенко со своими подчинёнными поддерживали зыбкий мир и относительную безопасность на этом участке испокон века немирной и небезопасной земли. Это осознавали и местные власти, назначенные Наджибуллой, и противостоящие им банды моджахедов, поддерживаемые недругами СССР, понимали это и сам Игнатенко и, конечно, Василий Петрович.

Надо заметить, что зона ответственности выпала Игнатенко непростая. Территория провинциального центра Айбак – столицы провинции Саманган занимала достаточно большую площадь в долине одноимённой реки. К югу от Айбака начиналось тридцатикилометровое ущелье Дараи-Зиндан. По его дну текла река Саманган, а с обеих сторон ущелья высились отвесные четырёхсотметровые скалы. Вдоль упомянутой реки, там, где ширина ущелья позволяла, располагались зелёнка и кишлаки. Закон Афгана неизменен: где есть вода, там есть растительность и жизнь.

Военная обстановка в провинции летом 1983 года была крайне напряжённой. Из всех населённых пунктов один только Айбак контролировался правительственными войсками и царандоем, но и он только в центральной своей части. Остальная территория находилась под контролем разных бандформирований, которые выходили поживиться и на трассу Хайратон – Кабул и к трубопроводу. После их обстрелов наливников и трубопровода то там, то тут вспыхивало красное пламя, видимое на десяток километров. Но ещё больше хлопот приносили диверсии с целью наживы – душманы в светлое время суток подкрадывались к трубе, ручными свёрлами делали в ней отверстия, затыкали их деревянными пробками – чопиками, а по ночам извлекали затычки и наливали горючее в канистры. Не раз и не два бойцы Игнатенко, поднятые по тревоге или заблаговременно предупреждённые ГРУшниками, захватывали караваны по тридцать и более верблюдов, нагруженных заполненными горючим канистрами.

Бандформирования с завидной регулярностью нападали на колонны и на сам гарнизон. Особенно дерзким был главарь Вакиль Дивана, чья банда хозяйничала в зелёнке в непосредственной близости от места дислокации батальона. Душманы донимали Игнатенко, обстреливая территорию гарнизона не только из стрелкового оружия, но и из миномётов. Кличка у этого борца за веру говорила сама за себя: Дивана на дари обозначало – юродивый, а проще говоря – сумасшедший. Этого безбашенного главаря даже сами афганцы не любили, побаивались и называли меж собой беспредельщиком.

Но, кроме шайки Дивана, в ущелье и других банд было видимо-невидимо: у каждого кишлака – своя банда. Они практически ежедневно совершали диверсии на трубопроводе и нападения на колонны. Действовали неожиданно и умело. Совершив налёт, тут же воз-

вращались в свои кишлаки, где сразу же превращались в мирных дехкан, улыбающихся «шурави» и с благодарностью принимающих от них гуманитарную помощь в виде мешков с мукой и сахаром. Достать этих перевёртышей, выковырять их из родных кишлаков никак не получалось. Хотя, по наводке того же Василия Петровича, проводились несколько раз войсковые операции, но толку от них не вышло никакого. Пока роты Игнатенко шли с двух сторон поверх каньона, а батальоны афганской армии прочёсывали кишлаки на дне ущелья, моджахеды через кяризы и тайные тропы каждый раз заблаговременно уходили и прятались по пещерам. Оттуда их и бомбоштурмовыми ударами выкурить не представлялось возможным, и никакими ухищрениями ГРУшников выманить не удавалось.

И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была просто незаменимой. Игнатенко, понимая это, поддерживал дружеские отношения с их командиром и сам, похоже, вызывал в нём такие же добрые чувства.

Василий Петрович по возрасту и воинскому званию был старше Игнатенко, но подчёркнуто относился как к равному, а в служебных вопросах – как к начальнику гарнизона.

Вот и на этот раз, когда они остались с Игнатенко наедине, Василий Петрович заговорил по-дружески и без обиняков:

– Сергей Алексеевич, вот такое дело: надо нам с тобой съездить на переговоры. На меня через моего человека вышли главари трёх банд, которых этот бешенный Вакиль Дивана тоже достал. Они хотят, чтобы мы совместно его потрясли. Обещают его загнать в ущелье, а тебе надо будет по нему сверху ударить.

– Что же получается, Василий Петрович: мы на стороне духов должны будем воевать? Исполнять желание одних бандитов по устранению другого?

– А нам какая разница? Всё равно, на стороне духов или самостоятельно, главное этому Вакилю хвост прищемить!

– Ну, прищемим ему хвост, а что дальше?

Василий Петрович усмехнулся:

– Война план покажет! Если всё у нас с тобой получится, главари обещали отправить делегацию в Ташкурган и договориться с тамошними бабаями, чтобы они не обстреливали больше наши колонны и не трогали трубопровод в твоей зоне ответственности.

Игнатенко поскрёб затылок. То, что говорил ГРУшник было актуальным и перекликалось с задачей, которую вчера поставил перед ним комполка – больше работать с местным населением и постепенно начать договариваться с руководителями бандформирований во избежание ненужных жертв с обеих сторон.

– Когда поедем, Василий Петрович, сегодня? – спросил он.

Грушник замялся:

– Понимаешь, Сергей Алексеевич, тут есть одна особенность... Нам надо будет выехать с тобой ночью. На твоём бронетранспортёре. Место встречи я укажу дополнительно. Вернее, я пока его сам не знаю. Нам надо будет двигаться по трассе. С правой стороны трассером укажут место, где нас будут ждать. Там и остановимся. На переговорах будем

я, мой переводчик и ты. Оружия с собой брать нельзя. И радиостанцию тоже придётся оставить в гарнизоне... Таково условие с их стороны.

Представив такую ночную поездку по району, напичканному бандами, Игнатенко внутренне поёжился, хотя и был человеком далеко неробкого десятка:

– Ну, ты даёшь, Василий Петрович... Ночью, в зелёнку и без оружия... – поскреб он затылок. – Да там за каждым кустом – по душману и все оружием с головы до ног обвешаны! А мы с тобой даже перочинного ножичка взять не можем...

– На той стороне мне обещали, что всё будет нормально.

– Неужели ты веришь «духовским» обещаниям? Для них обмануть неверного сродни подвигу...

– Так оно, конечно, но интуиция мне подсказывает, что на этот раз можно поверить...

При слове «интуиция» Игнатенко поморщился, как при зубной боли, хотя и сам на эту капризную госпожу зачастую полагался. Но всё-таки возможность повстречаться с врагом лицом к лицу и без оружия оптимизма у него не вызвала.

– Кстати, объясни, я-то здесь при чём? Это ведь ваши штучки: внедрение, вербовка, тайные переговоры... – как будто ища пути для отступления, поинтересовался он.

– Опять ты прав, Сергей Алексеевич: специальные операции – мой хлеб, – понимающе усмехнулся Василий Петрович и развёл руками. – Но бабаи сказали, что командор шурави-батальона должен быть на переговорах обязательно. Или ты забыл, что сам мне всегда повторял много раз: у тебя – сила, ты – гарант!

Игнатенко нечем было возразить подполковнику. Действительно, у комбата под началом проверенный в боях личный состав и серьёзная огневая поддержка – приданная батарея 122-миллиметровых гаубиц Д-30 и танковый взвод.

А Василий Петрович продолжал выкладывать аргументы моджахедов:

– Они говорят, дескать, мы командора шурави-батальона в лицо знаем, мы его слову верим. – Он вскинул такие же как у самого Игнатенко васильковые глаза, и сказал главное. – Мы, конечно, рискуем, Сергей Алексеевич, но, пойми, мил человек, если дело выгорит, стольких наших ребят спасём...

– Да, к чему столько слов... – устыдился вдруг собственных колебаний Игнатенко. – Раз надо, значит, поедем!

– Ну, вот и договорились. Только одна просьба у меня к тебе, Сергей Алексеевич: никому о нашем разговоре ни слова. Даже своему начштаба... Если где-то протечёт, нас просто зароют, а перед этим шкуру с живых снимут.

– Ты всегда находишь, чем успокоить... – настала очередь усмехнуться Игнатенко, но усмешка у него вышла кривою.

Спустя два дня Василий Петрович, заглянул во время обеда в офицерскую столовую батальона и шепнул Игнатенко на ухо:

– Сегодня в двадцать два часа выдвигаемся.

– Я буду готов! – кивнул Игнатенко.

В назначенное время они выехали из гарнизона на БТРе комбата и двинулись по трассе в сторону перевала Саланг. Дорога была пустынной. Они проехали по ней километров семнадцать, когда справа хлопнул выстрел и ночную тьму прорезал красный трассер.

– Тормози! – свесившись вниз, приказал Игнатенко водителю.

БТР остановился. Василий Петрович, переводчик и Игнатенко спрыгнули на землю. Из люка высунул голову сержант:

– Товарищ майор, а нам что делать, в случае чего?

– Услышите стрельбу, Мирзоев, лупани по зелёнке из всех стволов и немедленно возвращайтесь в гарнизон... – негромко отдал указание Игнатенко.

В это время из темноты вышел весь замотанный в ткани моджахед с автоматом наперевес. Он махнул рукой, призывая следовать за ним, и первым углубился в зелёнку. Парламентёры двинулись следом. Впереди – переводчик, вторым шёл Василий Петрович, замыкал колонну Игнатенко. Сквозь мрачные заросли, рискуя напороться на ветки, шли по каким-то едва заметным и перевитым корнями тропам около полукилометра. Пахло ночной сыростью и свежим кизяком, как будто двигались они по овечьей тропе. Заросли расступились. То слева, то справа стали возникать какие-то едва различимые дувалы, затем снова потянулась зелёнка, и опять дувалы. Спина у Игнатенко, хотя ночь была довольно прохладной, взмокла от напряжения, которое всё нарастало. В душе от неизвестности кошки скребли.

Наконец, они подошли к высокому дувалу. Сопровождающий отыскал в нём какой-то узкий проход и первым протиснулся в него. Нырнув следом за ним в тесную щель, парламентёры оказались во дворе перед глинобитной мазанкой. У входа, прикрытого домотканым пологом, топтался вооружённый бородач, показавшийся Игнатенко точной копией сопровождающего. Он узнал проводника, молча откинул полог, предлагая парламентёрам войти. Сопровождающий и охранник остались снаружи.

В помещении, похожем на предбанник, ослепительно ярко после темноты горели свечи. На полу сидели четыре бородатых афганца-бабая, в чалмах, с автоматами на коленях.

Ничего не говоря, один из них указал рукой на следующий проём, мол, проходите дальше.

Во второй комнате с такими же грязными глиняными стенами и низким потолком так же ярко полыхали свечи. На полу был расстелен толстый ковёр с богатым орнаментом, на котором, поджав ноги, сидели трое бородатых «духов» в традиционных длинных афганских рубахах до колен, с автоматами «Калашникова» в руках.

Один из моджахедов, очевидно старший по возрасту, предложил вошедшим сесть и начался долгий, традиционный обмен приветствиями, которые старательно переводил таджик-переводчик. Отвечая на вопросы о его здоровье, о здоровье его отца и матери, о том, успешны ли его дела и дела его батальона, Игнатенко всё время хотелось ущипнуть себя, настолько сюрреалистической казалась ему ситуация, и только холодные струйки пота, стекающего по спине, убеждали, что всё происходящее – реальность.

Наконец, дошло и до сути переговоров. Старший из бабаев неожиданно коротко и ясно, почти слово в слово так, как говорил два дня назад Василий Петрович, изложил их предложения. Подполковник в ответном слове чётко обрисовал видение проблемы и путей её решения со стороны «шурави».

Душман, выслушав его, повернулся к Игнатенко и через переводчика спросил, гарантирует ли командор шурави-батальона выполнение условий заключаемого сейчас соглашения.

Игнатенко молча кивнул.

Моджахеды заулыбались и вознесли хвалу Аллаху.

– Начнём через три дня. К вам прибудет один из нас, чтобы указать цели для удара и место, откуда надо стрелять, – старший душман скосил взгляд на сидящего от него справа бородача.

– Хоп, – согласился Василий Петрович. Это тюркское «ладно» было понятно «духам» и без перевода.

И снова началась длинная церемония – теперь уже прощания. После всех поклонов и пожеланий доброй дороги, парламентёры вышли из мазанки, и тот же проводник, что привёл сюда, проводил их назад к дороге. При этом обратный путь показался Игнатенко куда короче, чем прямой. Они благополучно вернулись в гарнизон.

В назначенное время, как и было обещано, к месту дислокации «шурави» приехал один из трёх участвовавших в переговорах главарей. На карте он довольно толково, как будто был выпускником советского военного училища, показал, откуда и куда погонят моджахедов Вакиля Дивана, где командору шурави-батальона лучше разместить орудия и танки, и пообещал, что завтра, ровно в семь утра будет ждать на этом месте командора шурави-батальона и его людей.

Всё ещё ожидая от моджахедов подвоха, Игнатенко заблаговременно отправил к месту встречи своих разведчиков и лишь после их доклада, что засады нет, выдвинулся туда сам.

Остальное происходило в точном соответствии с намеченным планом. «Духи» дружественных бандформирований погнали «духов» беспредельщика Дивана по ущелью, выдавливая их на окраину кишлака, куда и должен был нанести свой артиллерийский удар Игнатенко. Удар был точным, и следивший в бинокль за тем, как убивают в каньоне его единоверцев, бородатый главарь, только что стоявший с каменным лицом, вдруг радостно запрыгал, как ребёнок, впервые увидевший праздничный салют. Потом, к вящему удивлению Игнатенко, он даже совершил какой-то ритуальный танец, прихлопывая в ладоши и напевая что-то себе под нос.

– О чём он поёт? – поинтересовался Игнатенко у переводчика.

– Благодарит Аллаха, что дал ему возможность увидеть смерть его кровного врага Дивана... – пояснил таджик.

Главарь, закончив свой танец с песнопениями так же неожиданно, как начал, долго жал руки Игнатенко и Василию Петровичу, клялся святым пророком Мохаммедом, что все обещания, данные «шурави», будут выполнены.

В обещания врага, хоть и оказавшегося временным союзником, верилось с трудом. Но «дух» не обманул. Через неделю он и двое других главарей на УАЗике местной администрации отправились в Ташкурган, и Игнатенко снова, теперь уже днём и при оружии, пришлось сопровождать их, как признанному гаранту мирного процесса. Он, в очередной раз рискуя, оказался в самом логове моджахедов этого района. Но не зря говорят, что риск – благородное дело. Дневные переговоры тоже прошли успешно: было заключено мирное соглашение с ташкурганскими моджахедами.

Это соглашение соблюдалось неукоснительно. За всё время, пока Игнатенко командовал батальоном, колонны в его зоне ответственности не подвергались «духовским» обстрелам, а число диверсий на трубопроводе снизилось в несколько раз.

Василий Петрович вскоре после этих событий уехал в Союз по замене, и Игнатенко за время службы в армии с ним больше не встречался.

Сам комбат досрочно получил звание подполковника и после возвращения из Афганистана поступил в военную академию имени Фрунзе, окончил её с отличием и долго командовал мотострелковым полком в Уральском военном округе. В середине девяностых годов, не в силах спокойно взирать на то, что творится с его родной армией, Игнатенко, будучи уже полковником, написал рапорт на увольнение в запас и осел в Екатеринбурге.

Здесь его неожиданно разыскал соратник по Афганистану Василий Петрович. Бывший ГРУшник к тому времени стал генеральным директором одной из региональных нефтяных компаний и предложил Игнатенко пойти к нему начальником службы безопасности. Время тогда было лихое, вовсю шёл передел бывшей народной социалистической собственности, ставшей вдруг капиталистической и частной, и даже в центре областного города то и дело звучали выстрелы и лилась кровь.

Игнатенко, не раздумывая, согласился.

Новая работа, хотя и потребовала новых знаний и навыков, но в целом понравилась ему. Своей непредсказуемостью она напоминала Игнатенко период боевой службы «за речкой», но в то же время требовала и определённых дипломатических навыков, мудрости и выдержки. И того, и другого, и третьего у полковника запаса было предостаточно.

Однажды в служебной командировке в Тобольск, где у Василия Петровича должны были состояться очередные переговоры с деловыми партнёрами, у Игнатенко внезапно случился обширный инфаркт. Он упал на пол и захрипел прямо в приёмной тамошнего начальника, где дожидался выхода своего «шефа». По счастливому стечению обстоятельств, «скорая» приехала быстро, городская клиническая больница оказалась рядом, и тобольские врачи были специалистами высокого класса. Им удалось буквально вытащить пациента с того света.

Когда дело пошло на поправку, молодой хирург, делавший операцию Игнатенко, сказал:

– Повезло вам, Сергей Алексеевич. Ещё бы пару минут, и поймать тромб, который оторвался у вас в аорте, мы не успели бы... А сердце-то у вас и так подраненное, всё в рубцах. Как минимум, пару микроинфарктов вы когда-то на ногах перенесли... Так что в

рубашке вы родились... Но впредь, настоятельно рекомендую вам своё сердце поберечь! Регулярно принимайте лекарственные препараты, соблюдайте режим питания и побольше гуляйте на свежем воздухе. И главное – не допускайте впредь физических перегрузок и стрессовых ситуаций...

– Я буду стараться, доктор, – пообещал Игнатенко, не преминув про себя добавить памятное: война план покажет...

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИСТ

Капитан Кондратюк сидел за столом дежурного по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа и машинально перелистывал журнал учёта происшествий. Переводя взгляд с одного телефона на другой, он размышлял о том, что его нынешнее дежурство – это чистой воды профанация, а точнее, перестраховка, ибо на два этажа ниже, прямо под ним, располагался оперативный дежурный округа с целой свитой помощников. Они неусыпно следили за всем, что деется в войсках округа на обширной территории по обе стороны Уральского хребта. Дежурство Кондратюка – это своего рода наблюдение за наблюдающими, партийно-политический контроль за работой штабных служб. Будучи инструктором отдела пропаганды и агитации, Кондратюк, конечно, осознавал, что политорганы в Советской Армии и Военно-морском флоте, как полномочные представители КПСС, должны вести свой собственный учёт всему, чем живёт и дышит военный округ. Но, осознавая всё это, всё же недоумевал и надеялся, что предстоящая ночь пройдёт без ЧП.

А ещё Кондратюк мечтал, что чуть позже, когда темнота войдёт в свои законные права и на главной улице Свердловска за штабным окном вспыхнут жёлтые, как молодые одуванчики, фонари, он достанет припасённую для дежурства книгу Паустовского и с головой уйдёт в захватывающую прозу, на страницах которой пленяют и «водянистая полоска рассвета», и «старательные глаза застенчивого молодого солдатика», и сверкающие алмазными гранями мудрые мысли...

Читать Кондратюк с детства любил, но раскрыть книгу на этот раз не удалось.

Требовательно и властно зазвонил телефон засекреченной связи – «ЗАС». Матовый, цвета слоновой кости, с выпуклым гербом СССР на телефонном диске, аппарат стоял чуть в стороне от других, словно держа дистанцию – только генералы и полковники из самых высоких инстанций могли позвонить по этому телефону. И отвечать на его звонки дежурный по политуправлению должен был соответственно – важно и многозначительно: «У аппарата члена военного Совета дежурный по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа капитан такой-то...».

Сняв трубку и услышав булькающее: «Ал-ло-у», Кондратюк внутренне напружинился, расправил плечи и представился положенным образом.

Телефонная трубка пробулькала в ответ:

– ...У аппарата начальника-у особого отдела КГБ по-у Белорусскому военному округу капитан Лебеде-ув...

Засекреченная связь была специфической. Она так изменяла голос и корёжила некоторые слова, что Кондратюк вынужден был переспросить:

– Вас не понял. Прошу повторить!

– Андрюха-у, да что-у ты не понял?.. Это я-у – Серёга Лебеде-ув из семьдесят четвёртого классного-у отделения...

Связь стала устойчивей, и Кондратюк узнал знакомые интонации в голосе далёкого абонента.

– Птица, ты что ли? Откуда? – ошарашенно, и всё ещё не веря своим ушам, снова переспросил он.

– Я-у, я-у... – живо отозвался Лебедев. – Узнал по-у своей линии, что-у ты сегодня дежуришь... Дай, думаю, позвоню однокашнику-у...

Сергей Лебедев, по прозвищу Птица, среди курсантов Курганского высшего военно-политического авиационного училища был и впрямь «птицей» особого полёта. Уже на первом году обучения он чем-то приглянулся училищному начальству и был избран секретарём комитета комсомола курса. Щуплый, невысокого роста, сутуловатый, с пепельной чёлкой, низко спадающей на серые, почти бесцветные глаза, и незапоминающимся лицом с каким-то недовольным выражением, он обладал всё же неким магнетизмом. Вокруг него всегда теснились однокашники, к нему прислушивались сержанты, командиры взводов и даже строгий командир роты. На выборных должностях Лебедев оставался все годы обучения: до третьего курса руководил уже упомянутым комитетом комсомола, а затем стал членом парткома батальона. Несмотря на все эти посты, он умудрялся сохранять добрые отношения с однокурсниками и не поссориться командирами, а также удерживать звание Ленинского стипендиата, дававшее ему повышенное денежное довольствие в сто рублей, тогда как все остальные курсанты получали на разных курсах от восьми рублей с копейками до пятнадцати.

Уже на втором курсе всем было ясно, что ведут Лебедева на золотую медаль. В учёбе он не особенно блистал, но преподаватели ставили ему на экзаменах пятёрки, понимая и общественные нагрузки экзаменуемого, и руководящую линию – стипендиат обязан быть отличником!

Кондратюк отличником никогда не был, но и отстающим тоже. На втором курсе его неожиданно выбрали в бюро ВЛКСМ роты, и он стал больше общаться с Лебедевым, участвовать в разных молодёжных делах и инициативах.

Однажды Лебедев, Кондратюк и ещё два курсанта-активиста Процик и Бумдаладзе оказались в составе группы, выезжающей на три дня в подшефный пионерский лагерь неподалёку от Кетово – районного центра, славящегося своим животноводческим комплексом. Перед самым въездом в райцентр на каменном постаменте возвышался огромный

бронзовый бык. Каждый год, накануне выпуска, курсанты-четверокурсники надраивали быку до блеска рога и причиндалы, несмотря на милицейский пост, выставляемый поблизости. Зачем это делалось, с риском угодить в милицию и испортить себе выпускные торжества, никто объяснить не мог, но традиция эта неукоснительно соблюдалась.

В пионерском лагере курсантов уже ждали, чтобы дать старт военно-спортивной игре «Зарница». Курсанты – каждый со своим отрядом – весь день до одури бегали по сосновому бору, искали спрятанные «пакеты с секретной информацией», устраивали «засады», брали «пленных», переносили «раненых».

Вечером, когда для уставшей ребятни трубач протрубил «отбой» и курсанты надеялись завалиться в кровати, Лебедев неожиданно бодро сказал:

– Мы идём на праздничный ужин! Девчонки из столовки приглашают...

– Товарищеская встреча с местными комсомолками? – мерзко подхихикнул Процик.

Но комсомольский вожак своего земляка-курянина одёрнул:

– Ты, Толя, давай, без намёков! Мы – будущие политработники. Идём укреплять тылы!

Комсомолки-поварихи, студентки кулинарного техникума на производственной практике, расстарались: в комнате для поваров накрыли стол. В большой сковородке дымилась жаренная картошка, аппетитно поблёскивал зелёный лучок в салате из помидоров, политом пахучим подсолнечным маслом, здесь же – открытая банка килек в томате. Завершали натюрморт две бутылки дешёвого плодово-ягодного вина, которым в Зимбабве негров травят, в США заборы красят, а в СССР граждан поят и – никто пока не отравился.

Четыре девахи – румяные и простодушные – радушно усадили курсантов за стол и стали потчевать.

Курсанты ели с аппетитом, говорили ни о чём, но было весело. После ужина, спонтанно разделившись на пары, разбрелись в разные стороны по спящим лесным дорожкам.

Доставшаяся Кондратюку спутница – толстая, в два обхвата, девушка по имени Света – никаких романтических чувств не вызывала. Ему куда больше понравилась хрупкая пионервожатая, с которой он носился на «Зарнице», но она на его дневные ухаживания ответных чувств не проявила.

Погуляв со Светой полчаса по окрестностям, отмахиваясь от голодных комаров, Кондратюк вернулся к себе в корпус. В комнате ещё никого не было.

Кондратюк улёгся в кровать и уже было заснул, когда на веранду с шумом ввалились Процик и Бумдаладзе, обсуждая свои любовные подвиги. Голоса у них звенели, как набат, но Кондратюк так вымотался за день, что заснул, несмотря на бравурные возгласы товарищей.

Проснулся он от храпа соседей ещё до побудки и увидел, что кровать Лебедева пуста. Ленинский стипендиат появился в комнате за несколько минут до сигнала пионерского горна.

Он уселся на кровать и вытянул ноги. Серое лицо его, как всегда, ничего не выражало.

– Как ты, Птица, в порядке? – вполголоса спросил Кондратюк.

Лебедев ушёл вчера с Валентиной. Рослая, фигуристая девица, в застолье выступавшая заводилой, была на голову выше Сергея.

– Затейливая комсомолка попалась, – многозначительно сообщил Лебедев. – Увела меня подальше в лес и полезла на развесистую берёзу.

– А ты?

Лебедев устало откинулся на подушку и прикрыл глаза:

– И я полез!

– Ну, а дальше-то что? – окончательно проснулся Кондратюк.

Лебедев сказал с деланым равнодушием:

– Ну, примостился рядом с ней. Она меня как к стволу притиснула... Так до рассвета и не выпускала из своих объятий...

– Что же вы всю ночь на берёзе просидели? – развеселился Кондратюк. – Да ты – герой, Птица! Настоящий орёл!

Лебедев потянулся, закинув руки за голову:

– Ну, орёл не орёл, а сытным хавчиком на всё время пребывания в лагере нас обеспечил! Валюшка пообещала! Она тоже, оказывается, комсомольский секретарь. Сказала – значит, сделает!

И, действительно, кормили их в пионерлагере два оставшихся дня, как на убой. Эти сытные летние дни они ещё не раз вспоминали в училище, где разносолами их не баловали.

На стажировке после третьего курса Кондратюк с Лебедевым попали командирами взводов в отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения. Батальон обслуживал полк фронтовой бомбардировочной авиации в городке Черляны подо Львовом. Комбат тут же загрузил прибывших курсантов таким объёмом обязанностей и поручений, словно хотел за месяц сделать всё, что не было сделано за минувшие годы: и ленинские комнаты отремонтировать, и дисциплину подтянуть, и разные хозяйственные работы выполнить. В офицерское общежитие они возвращались затемно, и то, если не оказывались помощниками дежурного по батальону или ответственными в роте. Если же добавить к этому ночные полёты, разгрузку угля на ближней железнодорожной станции, выкашивание травы вокруг аэродрома и копание траншей при прорыве канализации, то было вообще непонятно, как они ещё держатся на ногах.

Через две недели комбат, словно закончив проверку на прочность, смилостивился и предоставил им первый выходной. Надев парадную форму, курсанты отправились на танцы в гарнизонный Дом офицеров. Представительниц женского пола там явно недоставало, и Кондратюк весь вечер простоял в сторонке, наблюдая за счастливчиками, нашедшими себе пару. Лебедев танцевал с высоченной – на полторы головы выше него – и весьма пышногрудой девицей Мариной. Кондратюк уже заметил, что Лебедеву нравятся именно такие девушки...

На следующий день курсанты снова погрузились в служебные заботы. Только теперь, возвращаясь в гостиницу, Лебедев переодевался в гражданку и спешил на свидание со своей новой пассией, которая оказалась дочерью заместителя командира авиаполка. Свидания эти продолжались почти до самого конца их пребывания в Черлянах, пока Марина не захотела познакомить Лебедева со своей мамашей.

Лебедев вернулся с означенного рандеву неожиданно быстро.

– Андрюха, ты не представляешь себе какая у Марины маман круглая дура... – с порога посетовал он.

– Ну, что ж ты так о будущей тёще? – заинтересовался Кондратюк.

– Да, какая тёща!.. Оглядела меня сверху вниз и говорит: «Мариночка, что это ты себе такое низенькое строеньице подыскала... Этажности явно не хватает!».

Кондратюк едва не поперхнулся:

– А ты что, Серёга?.. Неужели стерпел?

– Нет, конечно. Я так же демонстративно окинул её взглядом с головы до ног и отчеканил: «К вашему сведению, мадам, у высотных зданий обычно плохо меблируются чердаки». Тут у неё челюсть и отпала, а я вежливо откланялся... Ну не получилось с маман подружиться, значит, и тёщей ей не быть, если она самого главного не понимает...

– Может, оно и к лучшему, – согласился Кондратюк.

Лебедев уселся на стул в позе роденовского мыслителя и сказал задумчиво:

– Да, женщины безжалостнее, чем естественный отбор... Нельзя позволить им почувствовать свою власть над собой. Ты читал Кафку?

– Не доводилось.

– Очень мне нравится, что он о женщинах пишет. Называет их капканами, которые повсюду дожидаются мужчин, чтобы затащить их обратно в Конечное... Женщины – они и есть настоящие капканы, – Лебедев вскочил со стула и энергично потёр ладони. – Так, Андрюха! Коль скоро мы этих капканов на данный отрезок времени избежали, пойдём-ка осмотримся на местности. А то ведь месяц, почитай, на львовщине, а ничего, кроме гарнизона и железнодорожной станции, не видели...

Они вышли за ворота и пошли в сторону ближайшего села, до которого на глаз было километра три-четыре. В окрестные сёла им рекомендовали не соваться: русских и солдат в особенности там не любили и бывали случаи нападений на военнослужащих и избиения их... Но молодость жаждет приключений и не ведает страха...

Стояла жара. В июльском небе – ни облачка. Послеполуденное солнце нещадно слепило глаза и, казалось, дотла выжигало округу. Трава на обочинах пожухла, на деревьях вдоль шляха, по которому они шагали, вздымая тяжёлую золотистую пыль, мелькали первые пожелтевшие листья. На лугу звонко трещали кузнечики. Слепни вились над ними назойливой стайкой, периодически пикируя вниз и заставляя отмахиваться от них пилоткой, сдёрнутой с головы. Пока дошли до ближайшей околицы – взмокли, хэбэшки насквозь пропитались потом. Нестерпимо мучила жажда.

Хаты в селе – все, как на подбор: добротные, каменные, крытые шифером и листовым железом – не чета белёным мазанкам, что мелькали в окне поезда, когда проезжали по восточной Украине. Все дома прятались за высокими, крепко сколоченными заборами, так, что вблизи только крыши виднелись.

И во всём селе – ни одной колонки с водой.

Они постучали в ворота первого дома – отозвалась хозяйка:

– Хто?

– Солдаты! Водички бы испить, хозяюшка...

– Немае воды.

Отошли, переглянувшись: как это – нет, если колодезный журавель из-за забора торчит.

Стукнули в другой дом. Та же история: нет воды – и всё тут. Во всём, словно вымершем, селе им так никто и не открыл калитку и не подал кружку воды.

Как говорится, несолоно хлебавши, поплелись в обратный путь, шевеля пересохшими губами:

– Что ж это такое, Серёга! Мы – в Советском Союзе или в каком-то вражьем стане?

– Сам ничего понять не могу! Что за люди? У нас в деревне, когда солдаты идут, ребятня из калиток выбегает, руками машут. Хозяйки пироги и крынки с молоком выносят, яблоками угощают... А чтобы так вот – воды не дать напиться... Бандеровцы недобитые! Это Хрущёв всё с западенцами заигрывал, раньше времени их амнистировал... Вот и дозаигрывался!

– Ты, смотри, в училище такое не ляпни, а то вылетишь за клевету на советскую действительность, и золотую медаль свою не получишь!

– Да какая же это клевета? Чистая правда! А за чистую правду из училища не исключают.

– Исключить могут за всё... – глубокомысленно изрёк Кондратюк. И его пророчество чуть было не сбылось.

На четвёртом курсе, когда уже в ателье Кургана для будущих лейтенантов были пошиты на заказ первые мундиры, и уже примерки состоялись, умудрился Лебедев попасть в переделку. На танцах в ЦПКиО он вступился за девушку, к которой приставал пьяный мужчина. Завязалась драка, вызвали милицию, и Лебедев вместе со своим противником очутился в отделении. Пьяный оказался офицером внутренних войск, и их обоих передали в комендатуру. Тут же обо всём доложили начальнику училища, и тот сгоряча объявил Лебедеву трое суток ареста.

Вернувшись в казарму, Лебедев, ещё более сумрачный, чем обычно, поделился с Кондратюком своими опасениями:

– Не видать мне, Андрюха, медали... Фингал офицеру мне не простят...

Но инцидент неожиданно не получил дальнейшего развития. Ни тебе общего собрания курсантов, ни заседания парткома... Даже в карточку дисциплинарных проступков трое суток ареста не занесли.

Говорили, что за Лебедева вступились начальник политотдела и училищный особист – майор Фицев.

Этот майор был личностью загадочной и неуловимой. За четыре года учёбы Кондратюк видел его вживую один или два раза и то издалека. Кабинет у майора располагался в бараке за санчастью. Там же размещались почтовое отделение связи и тыловая служба училища. Никогда не поймёшь, куда идёт тот или иной курсант – в кабинет к Фицеву или на почту за посылочкой...

Злые языки утверждали, что комсомольский и партийный вожак Лебедев с особистом водил особую дружбу, но Кондратюк считал, что Фицев помог его другу избежать наказания за драку по справедливости: кому же ещё чекист должен был помочь, как ни Ленинскому стипендиату и активисту?

В общем, Лебедев получил-таки свою золотую медаль и после выпуска из училища распределился в Белорусский военный округ, и связь с ним на несколько лет оборвалась.

С тех пор, как Лебедев вышел на связь из Минска, они с Кондратюком стали периодически созваниваться и обмениваться письмами. Кондратюк узнал, что Лебедев прослужил год замполитом роты, затем окончил Высшие курсы военной контрразведки в Новосибирске и перешёл в особый отдел КГБ при Белорусском военном округе. Новое место службы бывшему Ленинскому стипендиату нравилось, скоро обещали выдвинуть его на новую должность. О том, что это за должность, Лебедев умолчал по соображениям секретности, но вскользь заметил, что участок работы доверят ему ответственный. Также он поведал, что женат. Жена Мария – красавица и родом из его же деревни. Он заприметил её ещё школьницей, дождался, когда подрастёт, женился, и вот теперь у них растёт сын Гоша, а супруга работает концертмейстером в областной филармонии.

Лебедев всякий раз приглашал Кондратюка в гости:

– Будешь в Минске, обязательно заходи! Живём мы в самом центре, на улице Комсомольской... Можешь нагрянуть в любое время, безо всяких церемоний. Мы с Машей будем рады... Она у меня такая хозяюшка...

Кондратюку очень хотелось повидать Лебедева, который, если уж положить руку на сердце, можно сказать, осуществил его собственную юношескую мечту служить в КГБ. Да и на красавицу Машу посмотреть тоже хотелось: кого же выбрал в спутницы жизни золотой медалист и Ленинский стипендиат?..

Но служебная командировка в Белоруссию как-то не складывалась.

Так продолжалось несколько лет, пока военная планида всё-таки не забросила Кондратюка в Минск, где проводились всеармейские сборы офицеров-пропагандистов.

Столица советской Белоруссии поразила широкими проспектами и просторными площадями, чистотой и какой-то размеренностью жизни, выгодно отличающей её от Москвы и других крупных городов, где Кондратюку довелось побывать. А ещё диковинным было то, что в магазинах свободно продавалось бутылочное пиво, когда на Урале таковое

можно было получить только в подарочных наборах к празднику, а за разливным любители пенного напитка простаивали длиннющие очереди у пивных ларьков. В кинотеатрах вовсю показывали документальный фильм Рязанова «Четыре встречи с Владимиром Высоцким», куда армейских пропагандистов, к удивлению Кондратюка, привели на коллективный просмотр, а затем устроили обсуждение. Словом, заявленная ЦК КПСС перестройка, широко шагавшая по стране, здесь бежала впереди паровоза.

Плотный график сборов был расписан практически по минутам, но Кондратюк всё же улучил время и однажды вечером отправился в гости к Лебедеву.

Доехав подземкой до станции Немига, Кондратюк зашёл в ближайший магазин, купил торт и бутылку коньяка, затем безо всякого труда отыскал нужную ему улицу и дом.

Поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру, предвкушая, как обрадуется Сергей его появлению, как посидят за дружеским столом, вспоминая родное училище и однокурсников...

Дверь открыл незнакомый квадратный мужчина с тяжёлым, словно высеченным из гранита, лицом. Взглядом незнакомец как будто придавил Кондратюка и расплющил.

Мужчина довольно грубо спросил:

– Вам кого?

– Лебедева Сергея Васильевича, – оторопел Кондратюк, увидев незнакомца.

– Нет тут такого, – отрезал мужчина.

– Как же нет? Это квартира двадцать девять?

Квадратный мужчина ответил ему вопросом на вопрос:

– А вы, кто такой? Представьтесь! – скосил он взгляд на майорские погоны Кондратюка.

Кондратюк внезапно разозлился:

– Я – друг Сергея Васильевича. А вы кто? Что за допрос мне устроили?

Мужчина сунул ему под нос невесть как оказавшиеся в его руках красные «корочки», с золотым тиснением. Кондратюку сразу бросились в глаза три заглавных буквы «КГБ», а на развороте – звание «майор». Краска прихлынула к его щекам.

Кэгэбэшник властно потребовал:

– Предъявите ваши документы.

Кондратюк растерянно полез в карман за удостоверением личности офицера и командировочным предписанием.

Кэгэбэшник внимательно изучил оба документа:

– Вы, товарищ майор, приехали на сборы. Так почему по городу бродите, в чужие квартиры трезвоните? Вам что – заняться больше нечем?

Кондратюк снова разозлился:

– У нас сейчас личное время. Я – старший офицер, сотрудник политического управления округа, а не какой-то военнослужащий срочной службы, чтобы мне за пределы казармы выход был запрещён без увольнительной записки... И вообще, на каком основании

вы со мной разговариваете в таком тоне? Я вас спросил, товарищ майор, могу ли я видеть Сергея Васильевича Лебедева? Вы не ответили. Скажите прямо: если Лебедев здесь не живёт, то, где я могу его найти?

Кэгэбэшник неожиданно смягчился:

– Ну, ладно, майор, не кипятись. Если был неправ, извини. Но, послушай сюда... – он перешёл на «ты». – Забудь этот адрес, наш разговор, и главное – больше никогда не ищи Лебедева. Поверь, так будет лучше для тебя и для него. Для всех нас... Уяснил? Тогда, честь имею! – и захлопнул перед носом Кондратюка дверь.

Постояв с минуту перед закрытой дверью, ничего не понимающий Кондратюк, чувствуя себя абсолютно раздавленным, поплёлся к выходу...

О дальнейшей судьбе Лебедева Кондратюк долго ничего не знал...

Сам он успешно окончил военно-политическую академию имени В. И. Ленина, стал замполитом полка, а после – заместителем начальника политотдела военного училища в Сибирском военном округе, где и получил звание полковника.

Все прошедшие годы Кондратюк нет-нет, да и вспоминал о своём однокашнике и гадал о его судьбе. Однажды он даже хотел написать письмо матери Лебедева, живущей под Курском, но, памятуя строгий наказ минского майора с тяжёлым лицом – судьбой товарища больше не интересоваться и расспросами о нём никого не тревожить, делать этого не стал.

Безвестность, конечно, мучила Кондратюка.

«Наверное, Птицу перевели в Первое Главное управление КГБ! А там все сотрудники на нелегальном положении... – нафантазировал он себе дальнейшую судьбу Лебедева, и несколько утешился этой фантазией. – Сейчас Серёга где-нибудь «за бугром», тихо работает себе клерком в каком-нибудь учреждении одной из стран НАТО, или торгует финиками в какой-то недружественной арабской, а то и африканской стране, зорко поглядывает вокруг из-под своих кустистых бровей, собирает нужную для Родины секретную информацию и за свершённые подвиги получает закрытыми указами звания и награды...».

Уже в двухтысячных, выйдя в запас, приехал Кондратюк в Курган на юбилей родного училища, встретился с однокашниками. Растолстевший и полысевший подполковник запаса Процик, тот самый, что ездил с ним в пионерлагерь на «Зарницу», на банкете оказался соседом Кондратюка по столу.

После нескольких торжественных тостов Кондратюк спросил Процика, знает ли он что-то о Лебедеве. Спросил, честно говоря, не надеясь на утвердительный ответ.

Процик живо отозвался:

– Конечно, знаю. Умер Лебедев в родной деревне. Сердце остановилось.

– Как же так, Толя?.. Серёга ведь всегда таким живчиком был... Вроде, и не курил никогда, да и пил умеренно...

– Скажешь тоже – умеренно... Да его в запас турнули за то, что в пьяном виде стрельбу в ресторане устроил...

– Он же где-то за границей служил, в службе внешней разведки... Какая стрельба в ресторане?.. Я думал, он полковником уволился, как минимум...

Процик захохотал:

– Хо-хо, полковником, хо-хо-хо в СВР... Наш ленинский стипендиат и золотой медалист закончил службу обыкновенным майором! Да!.. А насчёт заграницы – это ты точно заметил! Последнее место его службы – столица независимого Узбекистана Ташкент!

Кондратюк не поверил:

– Ты что-то путаешь! Наш Птица, и вдруг – майор? Да он майора в восемьдесят седьмом вместе с нами получить должен был!

Процик отёр вспотевшую лысину ладонью:

– Точно, Андрюха, говорю! Лебедев – майор. И службу окончил в ТуркВО... Сам мне жаловался, что погорел из-за одной юбки. Мы же с ним земляки! Однажды в Курске поехал я в магазин за газонокосилкой для своей дачи... Гляжу – Серёга грабли выбирает! Хо-хо!.. Тут мне про судьбу свою и поплакался.

Кондратюк покачал головой.

– Как же так неосторожно... Влюбился, что ли?

Процик снова захохотал:

– Ага! И на старуху бывает проруха... Когда Серёгу начальником особого отдела назначили, одна баба, жена его подчинённого, закрутила с ним шуры-муры. Записала всё на камеру и стала Серёгу шантажировать, требуя выдвинуть её мужа на повышение... Птица шантаж терпеть не стал. Он же у нас идейный! Пошёл к начальнику управления и доложил всё без утайки. Мол, надо шантажистку приструнить. А генерал Серёгу снял с должности и сослал в особый отдел по Туркестанскому военному округу. Вот как бывает... с идейными-то! Жена с ним развелась, уехала с сыном обратно в Минск... Серёга приуныл было, но потом взял себя в руки и попытался приподняться, вернуть себе прежнюю должность. Да тут его бывшая сошлась с пианистом-евреем, и задумала эмигрировать в Канаду. Стала требовать от Серёги разрешение на вывоз сына за рубеж. Серёга отказал. Она стала писать письма во все инстанции. Словом, шум пошёл: как это у особиста жена, пусть даже бывшая, за пределы Родины выезжать собралась! Ни о каком повышении речи быть не могло! Так и уволился майором...

Процик наполнил рюмки водкой и продолжал, духарясь всё больше и больше:

– Вот ведь как бывает, Андрюха. Ленинский стипендиат, гордость училища – майор, а мы с тобой, училищные троечники... Давай, выпьем, за нас, за настоящих полковников! – накинул он себе лишнюю звезду.

Кондратюк, ошалевший от всего услышанного, машинально чокнулся с Процикoм, который вызывал в нём всё большую неприязнь. Как-то не вязалось всё, что рассказал Процик, с образом чекиста Лебедева, который Кондратюк себе придумал.

«Наверное, Птица, случайно столкнувшись с Проциком, выложил ему одну из припасённых на всякий случай легенд... Не мог же он ему при встрече в магазине раскрыть всё, чем долгие годы на своей секретной службе занимался, где именно служил и в каком звании уволился... Вот и наплёл с три короба... А Процик уши развесил, принял всё за чистую монету и разносит сейчас эту легенду прикрытия по миру...»

И внезапная ранняя смерть Лебедева вызывала много вопросов.

«Разведчики ведь в запас не уходят! Наши спецслужбы вполне могли смерть Птицы имитировать, пустой гроб в землю зарыть... А сам он, как настоящий нелегал, уже где-нибудь в неизвестной стране под новым вымышленным именем выполняет новую тайную миссию!» – с этим глубоким убеждением Кондратюк и ушёл с банкета. Ушёл по-английски, не простившись с Проциком и другими однокурсниками, перебравшими на радостях от встречи с прошлым...

По дороге к гостинице, где он остановился, Кондратюк снова и снова возвращался к своим раздумьям о судьбе Сергея Лебедева, о тайне, которая её окутывает, и всё больше укреплялся в мысли в том, что золотой медалист и в Африке остаётся золотым медалистом, а секретная служба – на то и секретная, что подлинной информацией о судьбах своих сотрудников никогда не станет делиться с простыми смертными.

Арсен ТИТОВ

ОСОБНЯЧОК

новелла

1

К Мише Морозову пришла ночной дежурный Майя Серафимовна, которой выпало дежурство на новогоднюю ночь, и сказала, что в новогоднюю ночь она никак не может, что готова отдежурить всю неделю подряд, но на новогоднюю ночь надо её заменить. Нравы в коллективе у Миши были самые простецкие, контора его занимала всего две комнаты в старом и пустующем особнячке, и Миша решил отдежурить новогоднюю ночь сам. Ему, здоровому, жизнерадостному сорокалетнему бессемейному человеку, тотчас пришла мысль пригласить своих друзей и Юлию Юрьевну, на этот момент его женщину. Надо отметить, что Юлия Юрьевна была не только недурна собой, но и даже очень мила, энергична, изящна, остроумна и была бы просто прелестна, но, к сожалению, она обладала некоторой неровностью характера, порой невинной, а порой прорывавшейся в неподдельную к Мише Морозову неприязнь – это при его-то жизнелюбии, которое, как известно, является показателем довольно простоватого характера, но одновременно является гарантом характера легкого, счастливого, терпеливого и всепрощающего.

Их свели, или, более деликатно, их познакомили муж и жена Ивановы. Муж Иванов, с редким для его поколения именем Степа, был кем-то в спорткомитете города, а жена Иванова, Катя, вместе с Юлией Юрьевной преподавала в одном высшем учебном заведении. Миша с ними познакомился – ну да, собственно, случай их знакомства здесь значения не имеет. Оно могло бы произойти, например, в совместной туристической поездке за границу или, например, на лыжне в окрестных парках, роскошным поясом обернувшихся вокруг города. Но для достоверности скажем, что их знакомство произошло вот таким образом: вошёл Миша Морозов в троллейбус, уселся на сиденье рядом с пока ещё не известным ему Степой Ивановым и почувствовал, что не может весь вместиться в сиденье. Пока ещё не известный ему Степа Иванов сидел на сиденье так вольготно, что Мише места не хватило не то что для удобства, но вообще. Миша насмелился попросить пока ещё не известного ему Степу Иванова чуть-чуть подвинуться. А неизвестный ему Степа Иванов был не в духе. И быть ему не в духе было много причин. Но в момент их знакомства с Мишей причиной быть не в духе у него был троллейбус, в котором он вынужден был оказаться потому, что его собственный мерседес закапризничал, застучал карданным валом, засопел карбюратором, отсырел свечами зажигания, или чем там, то есть попросту в его мерседесе отказала везде ныне присутствующая и потому высокомерно-капризная электроника. Был Степа Иванов в троллейбусе и был он не в духе. А некто подсел к нему и попросил подвинуться – такие пошли нравы, понимаете. И Степа Иванов ответил пока ещё ему неизвестному Мише по полной программе.

– Я тебе что, за периметр вылезу? – вопросом на просьбу ответил он.

А периметр – это же не только геометрическое понятие, полученное из сложения длины и ширины площади. Периметр – вещь более серьёзная. Потому что периметр – это ещё и специфический профессиональный термин, означающий определенное сооружение в виде преграды перед серьёзным, требующим особого внимания, объектом. А сам Миша имел в свое время серьёзное отношение к этому термину, служил во внутренних войсках, охранял объект чрезвычайной важности и даже получил звание сержанта. Естественно, слово «периметр» возбудило в нём воспоминание, и он как человек здоровый и жизнерадостный тотчас на это слово откликнулся.

– Земеля! А ты не в вэвэ служил? – спросил он, подразумевая под аббревиатурой «вэвэ» внутренние войска.

Степа Иванов нехотя скосил на Мишу Морозова глаз и сказал:

– Ну!

Вот так познакомились Миша Морозов и Степа Иванов.

Другая семья друзей Миши состояла из его одноклассника Виктора и жены Клары. Тут о случае знакомства говорить лишне. В день своего первого прихода в первый класс дербалызнули друг друга ранцами – вот и всё знакомство. Одноклассник Виктор был очень хорошим специалистом в одной из областей медицины, а жене Кларе, натуре увлекающейся, как-то не везло с начальствами, и она часто меняла работу и даже заговаривала

с Мишей, чтобы он взял её к себе. Миша краснел, напрягался не в силах отказать прямо и разводил руками, мол, ну, кем же я тебя возьму, Кларочка, ведь у меня контора специфическая – дизайнеры да архитекторы. Клара же, как натура увлекающаяся, вполне серьёзно говорила, что и она найдёт в ней свое достойное место.

– Например, принять заказчика, сварить всему коллективу кофе, устроить корпоратив, устроить музыкальную паузу, разнести почту, создать атмосферу уюта, да, в конце концов, создать бюро знакомств! – говорила Клара и от последней озаренной мысли всякий раз загоралась. – Михаил Михайлович! А ведь правда! Это же такие деньги! И не надо искать ваших заказчиков! Они пойдут сами! Пойдёт масса богатеньких женщин! А тебе, неженатому и интересному мужчине, это должно быть очень немаловажно!

Так говорила Клара, а Миша только отрицательно мотал головой:

– Нет, Кларочка, нет! Потом! Как-нибудь потом, а сейчас у меня очень срочный заказ!

Третьей семейной парой друзей Миши были Коля и Юля, молодые люди, намного младше всех остальных, очень любящие Мишу, с которым познакомились как-то так исподволь, что теперь сами не могли точно установить, как именно.

Юлию Юрьевну муж и жена Ивановы звали сокращенно Юю, как звали одну своеобразную героиню в рассказе писателя Куприна. А Миша её звал полным именем – Юлия Юрьевна. Возможно, по этой причине и она его называла не Мишей, а Михаилом Михайловичем, а возможно, это ей казалось остроумным, или это было просто преподавательской привычкой. Но они были друг с другом на «вы» даже в самых откровенных ситуациях.

С первого дня Миша отнёсся к Юлии Юрьевне с полным чувством восторга, которого долгое время не могла погасить уже упоминаемая некоторая неровность характера Юлии Юрьевны. В качестве примера этой некоторой неровности можно привести вот такой имеющий на самом деле место быть случай. Юлия Юрьевна четвёртого июня пригласила Мишу к себе домой на ужин, была нежной и страстной, говорила, что Миша редкостный мужчина, что никто так за ней не ухаживал, и отдавала себя ему с юной доверчивостью. А десятого июня, в день следующего свидания, голосом классной дамы она в телефон сообщила, что никакого свидания в этот день не будет, а будет оно только двадцать девятого июля. Почему именно двадцать девятого и почему именно июля, а скажем, не ноября или мая следующего года, она не стала уточнять.

– Вы можете на это время себе завести другую! Но к двадцать девятому июля будьте любезны её уже не помнить! – сказала она.

– Ну, хорошо! – сказал жизнерадостный человек Миша.

Но уже через неделю – тринадцатого июня – он не выдержал и позвонил. И Юлия Юрьевна со всей своей женской страстностью ответила, что ждёт его (я Вас жду!), что он просто самый настоящий мужчина (Вы самый настоящий мужчина!), что он великолепен в своей чуткости, отнюдь не присущей мужчинам (Вы обладаете редкостным даром быть чутким!). Так она ответила и тотчас прибавила, сколько же он при своем великолепном даре не чуток.

– Вы мне сейчас говорите, что очень хотите свидания со мной! Вы чуткий мужчина, но сколько же вы порой не чутки! – со всей страстью сказала она.

– Да что такое я натворил, Юлия Юрьевна! – в кружении головы вскричал Миша.

– Вы были у меня в прошлый раз всю ночь и ни разу не поинтересовались, как мои дела на работе! Вообще Вы холодный человек! Но я ничего с собой поделать не могу. Потому я Вас жду в субботу! – со всей страстностью ответила Юлия Юрьевна.

Вот так у них получилось, и опять у них всё было великолепно. Но великолепно было только до той минуты, или, как сказал французский поэт Бодлер в одном из стихотворений (это из области знаний Юлии Юрьевны), «в какой-то грустный час» у неё опять проявилась её неровность характера, и месяц между ними ничего не было. Он ей позвонил только первого сентября, чтобы поздравить с Днём знаний. А она выдохнула в трубку, что он всё-таки великолепный и чуткий мужчина, отменила последние занятия и прилетела к нему обожать его (я обожаю Вас! Я даже пошла на административное преступление! Я отменила последние занятия!).

Вот как было у Миши Морозова с Юлией Юрьевной.

Муж и жена Ивановы, сознавая себя ответственными за знакомство Юлии Юрьевны и Миши, были постоянно как бы начеку. Жена, Катя Иванова, выслушав от подруги Юю, то есть от Юлии Юрьевны, всю самую подробнейшую, можно сказать, подноготную информацию про каждое её свидание с Мишей и вообще про каждое движение души Юлии Юрьевны в отношении Миши, передавала их мужу Степе. И они обсуждали, передавать эти сведения Мише или не передавать. Конечно, они принимали решение – не передавать. Но муж Степа передавал эти сведения Мише, так как считал недостойным мужчины что-либо скрывать. Катя как педагог и в женской солидарности с подругой мужа корила. Он отвечал, что передавал всё Мише, потому что был уверен в Мише на все сто, уверен в его благоразумии, в его порядочности в умении встречать всё без суеты, без прикрас и без искажения. Ещё Катя чувствовала, что подруга Юю мужу нравилась. Она знала, что любая одинокая и недурная собой женщина нравится любому и не обязательно одинокому мужчине, так сказать, apriori, по древнему инстинкту прибирать всё то, что ничьё – имеется в виду, прибирать женщин. Конечно, Кате не нравилось, что мужу нравится подруга Юю. Но Катя была уверена в порядочности мужа, и в большей степени была уверена как раз в связи с характером Юю, которого муж Степа не выносил и на сотую долю того, что «без суеты, без прикрас и без искажения» выносил Миша. И всё-таки можно было бы подумать, что она выступила инициатором знакомства подруги Юю с Мишей в связи с определенными гарантиями собственной безопасности, так сказать, сделала упреждающий ход в этом направлении. Но такое предположение было бы неправдой. Подругу Юю и Мишу она познакомила с искренним желанием им обоим счастья. Да, собственно, какая же нормальная женщина пройдёт мимо бесхозного (ничьего) нормального мужчины – ведь это тот же древний инстинкт, только, в отличие от мужского древнего инстинкта хватать себе, женский древний инстинкт предусматривает ещё и заботу о ближнем.

Таким же древним инстинктом обладала и Клара, жена Виктора. В силу множественной смены рабочих мест, у неё было и множество подруг, среди которых были одинокие. Клара, как натура увлекающаяся, тоже искренне желала познакомить их с Мишей. Но Миша или уходил от самого акта знакомства, или сдавался и знакомился, но отношений не развивал – за редким исключением, которое выражалось в том, что провожал он новую знакомую не до подъезда её дома, а сдавался и заходил к новой знакомой на чашечку кофе, а там оказывалось, что уходить уже поздно, и уходил он поутру столь же безвозвратно, как ушёл бы вечером. Клара назначала Мише свидание. Они гуляли по городу. Клара внушала Мише немужественность его поведения, то есть такого поведения, которое не присуще мужчине. Она говорила, что женщина всё понимает лучше мужчины, а уж интуиция у женщины развита настолько, что она мужчину чувствует, ещё не видя его – чувствует в том плане, хорош они или не хорош. То есть, говорила Клара, если женщина увлеклась мужчиной, то мужчина просто обязан считать себя счастливым.

– Это вам, мужчинам, сначала надо поглядеть! А женщина, если соглашается на предложение о знакомстве, то это значит, что она почувствовала мужчину и согласна быть с ним! – учила она Мишу и старалась во всех тонкостях узнать, что же такое вдруг Мише не понравилось в её подруге.

А потом Виктор в привычном и добродушном снисхождении спрашивал Мишу о свидании его со своей женой Кларой.

– Ну, что? – спрашивал он. – Опять моя тебя клеила? – и назидал. – Терпи! Я же терплю! – и в знак общего терпения они заворачивали в ближайшее заведение на стопарик.

Ну и, собственно, что? Собственно, осталось немного сказать о третьей паре друзей Миши, о молодых Коле и Юле, чтобы не было какого-то пусть и невольного, но небрежения к молодым.

Коля был из программистов и тоже успешных. А Юля работала администратором в хорошей гостинице, что само по себе говорило об её в соответствующем возрасте успехе.

Из всех Миша выходил самым заурядным. Но здоровый, жизнерадостный, со счастливым и простоватым характером Миша вполне был доволен своим положением. Развиваться в плане конторы, то есть в плане бизнеса, он не хотел. Его более привлекала творческая сторона работы. И он брал только то количество заказов, которого хватало для спокойной творческой работы шестерым его сотрудницам – дизайнерам и архитекторам по ландшафту и малым архитектурным формам.

Юлии Юрьевне до конторы Миши не было никакого дела. Она здесь даже ни разу не была, говоря, что не хочет видеть, как алчные сотрудницы конторы ежеминутно его, Мишу, вожделеют. При этом она вдруг критически осматривала Мишу и говорила:

– Вы такой видный от природы мужчина, вы успешный бизнесмен, и мы могли бы быть превосходной парой, если бы вы одевались иначе! – говорила она.

Ради правды надо сказать, что Миша и в самом деле одевался довольно небрежно, то есть не особо обращал внимания на свой внешний вид. И из слов Юлии Юрьевны он при-

нимал к сведению только слова о возможности превосходной пары, а к остальным ничуть не прислушивался – надо ведь знать, что не прислушивался к словам женщины, которая ему чрезвычайно нравилась. Легко жилось Мише. Да в целом, все мужчины таковы (это к слову). И к слову сказать, Степа с Виктором тоже в плане одежд недалеко ушли от Миши.

А вот Коля одевался хорошо, даже как-то изысканно. И ещё особенностью Коли было то, что он любил заглянуть к Мише в контору и кое-что выставить на стол. А если того оказывалось недостаточно, то он не считал за трагедию сбегать ещё. И они с Мишей бывало засиживались долго. А наутро Юля, жена Коли, в тревоге и в сдержанной ярости юной тигрицы звонила Мише и спрашивала про Колю, ибо Коля от Миши ушёл, а домой не пришёл. В конце концов, всё разъяснялось. Коля оказывался у кого-нибудь из знакомых, а позвонить оттуда Юле забывал или делал вид, что забывал. Но пока всё разъяснялось, встревоженная и разъяренная юная тигрица могла сказать Мише много чего и очень доходчиво – так, что Миша от обиды превращался в быка, которых любят в качестве устрашения упоминать древние поэмы.

Вот как было всё к тому дню, когда ночной сторож Майя Серафимовна пришла к Мише и сказала, что согласна отдежурить все новогодние каникулы без перерыва, но в выпавшую на её дежурство новогоднюю ночь она дежурить не сможет. Миша отпустил старушку с миром, а сам тотчас придумал пригласить в особнячок на новогоднюю ночь своих друзей.

Разумеется, все на приглашение откликнулись, все пришли к Мише в контору, полузаброшенный его двухэтажный особнячок того стиля конца девятнадцатого века, который называют нововизантийским или краснокирпичным. Особнячок был единственным старинным зданием на старой, но застроенной по-новомодному улице. И было непонятно, как он, полузаброшенный и полупустой, не очень опрятный с виду, уцелел и не попал под снос. Все так Мишу и спрашивали – как особнячок до сих пор ещё не снесён. А Миша сам не знал, как. В управлении по охране памятников ему сказали, что особнячок являет собой памятник областного значения. Плату за аренду своих двух комнат Миша вносил исправно. Плату за тепло и воду во всём особнячке он тоже вносил исправно. И к праздникам он соответствующим областным начальствам всегда приносил стильные подарки. Одна из его сотрудниц умела как-то так очень изящно оформлять подарки, совсем небольшие, совсем недорогие, совсем ничего не стоящие, но изящные по замыслу и изящно оформленные, всегда вызывающие восхищенное «Ооо!». И с соответствующими областными начальствами отношения у Миши были хорошие. Они ему говорили, что если вдруг кто-то богатенький когда-то на особнячок положит глаз, то Мише, конечно, придётся съезжать. Но тут же советовали выкупить особнячок в собственность и владеть себе на здоровье. Миша соответствующие областные начальства благодарил, но особнячок не выкупал – не было у Миши таких средств.

Вообще особнячок был не полупустой, а более чем полупустой. Ведь Миша занимал там только две комнаты на втором этаже. А весь первый этаж особнячка был пустой. И

несколько комнат второго этажа были пустые. И вообще сама ситуация нахождения особнячка в центре города вот в таком более чем полупустом состоянии была необычной. И кое-кто спрашивал Мишу, не боится ли он в особнячке чего-нибудь нечистого, в плане криминала и в плане потусторонности. Миша ничего нечистого не знал ни в первом плане, ни во втором. Ему очень нравился особнячок. И он думал, что будет для него большой неприятностью, если когда-то вдруг придёт известие от соответствующих областных начальств, что на особнячок положил глаз некто очень богатенький. Но в своем хорошем характере жизнерадостного, пусть из-за этого и недалёкого человека, он всё-таки, пока такого известия не было, очень себя хорошо чувствовал, и многое для его хорошего чувствования доставлял ему сам особнячок.

2

И вот пришли к Мише в особнячок красивые, нарядные, заранее восторженные, заранее предчувствующие и не без основания ждущие хорошую новогоднюю ночь его друзья.

Был, конечно, мрачноват Степа Иванов. Ну, так это можно было предвидеть, зная его реакцию в момент знакомства с Мишей в троллейбусе. То есть он вообще, видимо, был мрачноват.

Был чуть напряжён одноклассник Виктор. Но из этого можно было предположить о не совсем хороших отношениях у него в семье на данный момент – и только-то.

Искренне рад празднику был Коля. И из этого можно было сделать предположение, что у него в семье как раз отношения были очень хорошие. А что говорить о женщинах – так ведь, что бы кто бы ни сказал, всё равно он бы ошибся, потому что женщины есть существа более совершенные, более цельные, более целеустремленные – то есть, если уж праздник, так праздник, а не какие-то там мрачности характера. Если прямо сказать, то ведь женщины живут моментом. И в этом их счастье. И Богородица наша такова. И все они, женщины, таковы. А мужья их немного другие. Идет такой муж на праздник, а сам тащит в праздник все свои далёкие от праздника невзгоды, отчего в душе далёк от праздника.

Тяжело с мужчинами. И это надо знать. Но ещё надо знать и то, что без них – никому никуда, даже самым феминисткам, а никуда. Без них феминисткам бороться будет не с кем, и движение их зачахнет, а ведь известно, что они борются именно ради самой борьбы.

А среди пришедших в особнячок женщин феминисток не было. Среди пришедших в особнячок женщин все были в высшей степени достойными членами общества. Потому в особнячке сразу установилась нормальная предпраздничная атмосфера, ну, правда, с некоторым ворчанием женщин на Мишу, вернее, на его, по их мнению, мягкотелость в отношении своих подчиненных, которые не совсем прибрали после праздничного ужина накануне и не совсем прибрали за собой, уходя на новогодние каникулы. Общими усилиями под руководством Клары все допущенные небрежности и недочёты сотрудниц Миши были устранены и даже их архитектурно-дизайнерские воззрения на новогоднее оформление офисного интерьера были в какой-то степени поколеблены, в чем опять преуспела

Клара, правда, не без помощи Юли (не Юлии Юрьевны). Затем по проекту Клары был создан превосходный стол, если и уступающий столам пресловутого древнего любителя попировать и полакомиться Лукулла, то уступающий в какой-то малости. Да и сам вопрос превзойти сего известного чревоугодника не ставился. Да и никто, собственно, о нём самом и его столах не вспомнил.

Стол создали, на часы посмотрели – до Нового года оставалось ещё более часа. Потому все расселись по углам и занялись кто чем. Мужчины уставились в телевизор, хотя все дружно сказали, что смотреть там нечего. И они оказывались правы. Смотреть всевозможные шоу со звёздами, которые звёздами считались только по всеобщему упадку вкусов и по упорному старанию телепрограмм их таковыми считать, было скучно. Они там беспрерывно хохотали, а народ здесь в скуке вздыхал и прикидывал, не выпить ли по маленькой. Катя и Юля (не Юлия Юрьевна) сели рассматривать архитектурные журналы. Миша пошёл шарашиться по хозяйству, ну, там, проверить особнячок на предмет всё ли в порядке, нет ли где, как в стихотворении у Некрасова, трещины-щели, и всё такое прочее. Пошёл, конечно, от нечего делать. Коля спросил, не пойти ли с ним. Миша сказал, да ладно, не надо.

А Клара и Юлия Юрьевна в две руки стали играть на пианино, оставленное кем-то из тех, кто пребывал в особнячке до Миши. Миша нашёл его совершенно расстроенным и с западающими клавишами. Меломаном Миша не был. А пианино он вдруг пожалел, пригласил мастера, заплатил хорошие деньги. Клара и Юлия Юрьевна сели играть в две руки, и, пока не вошли в лад, заиграли наперебой. Но уже сама музыка поплыла по особнячку, поплыла и будто оживила особнячок, будто враз заселила его.

Миша от этой музыки вдруг и, может быть, не к месту вспомнил одну свою сотрудницу, стильную женщину с удивительными, орехового цвета и чуть-чуть азиатскими, источающими идущий из глубины свет глазами. Она и была мастерицей по оформлению подарков, такой мастерицей, что её сманивали в другие и более респектабельные конторы. Но она всем конторам отказывала. Миша вспомнил её рассказ о том, что в детстве её повели в музыкальную школу на фортепиано, а она того страшно не хотела. И дедушка её, большой и красивый человек, стал уговаривать её, и они сошлись на том, что он будет покупать ей чёрную икру, которую сотрудница в детстве просто обожала, а она будет ходить на это ненавистное фортепиано. Дедушка обещание исполнял неукоснительно, неизвестно где и как во время так называемого всеобщего дефицита эту икру доставал, а она чисто по-женски сочла возможным свое обещание не исполнять. Она кушала икру, говорила, что на фортепиано ходит, а сама не ходила.

Миша вспомнил эту сотрудницу и даже остановился в полутёмном пролёте лестницы на первый этаж. Эта сотрудница вдруг предстала ему маленькой девочкой с чуть-чуть азиатскими орехового цвета глазами, уже тогда излучающими свет. Миша нахмурился от неожиданности своего представления, захлопал ресницами, не понимая, отчего ему так представилось, искоса украдкой посмотрел по сторонам, будто хотел увидеть что-то новое в

своем особнячке, потом себе улыбнулся. И трудно было сказать, что было у него в его улыбке. Хоть простоват был Миша, а, однако, и у него в улыбке было что-то не сразу читаемое.

Он ходил по особнячку, открывал комнаты, подходил к окнам, проверяя, заперты ли, трогал батареи отопления, проверяя, исправны ли, и музыка вместе с ним заходила в эти комнаты. И свет орехового цвета глаз сотрудницы, то маленькой девочки, то взрослой и стильной женщины, тоже заходил вместе с Мишей в пустые комнаты особнячка. И Мише было странно. Ведь не было раньше такого, чтобы он как-то, кроме глаз, кроме стильных её одеяний и кроме умения превращать самые заурядные подарки в чудесные, выделял эту сотрудницу. Он снова непонятно улыбнулся. И вспомнил, что всё-таки он эту сотрудницу выделял, как-то незаметно для себя, а выделял. Он стал вспоминать, чем именно выделял. И вспомнил, что выделял её просто так, как бы и ни за что, но за что-то выделял.

– Тьфу! – сказал Миша от приплывшего на сердце тепла.

И сказал он это потому, что сотрудница была замужем и, сколько он знал, была она замужем счастлива. То есть как бы никаких причин Мише выделять её не было. А если и была такая причина, то в свете её счастливого замужества была она для Миши пустая и бесперспективная.

Миша вернулся в контору и первым делом, вопреки себе, посмотрел на то место, где работала эта сотрудница, а уж потом посмотрел на всех, зацепившись взглядом, конечно, за Юлию Юрьевну, вдруг будто почувствовавшую его и оглянувшуюся на него в великолепной улыбке.

Оглянулись и мужчины. Они, как оказалось, оглянулись в ожидании.

– А что, позволено нам будет по одной? – спросил Степа.

– Народу надо освежиться! – поддержал его Виктор.

– По маленькой! – сказал Коля.

При этих словах все женщины, словно ждали, сразу отвлеклись от своих занятий.

Катя осуждающе сказала:

– Степан!

Клара осуждающе сказала:

– Виктор!

Юля подошла к Коле и молча приобняла его. Юлия Юрьевна оставила пианино, опять великолепно улыбнулась Мише.

– Да, товарищи, давайте все вместе выпьем! – сказала она.

Миша в ответ Юлии Юрьевне тоже улыбнулся. И все собрались за столом, и все под различные пожелания выпили, а потом стол продолжили, выключили свет, зажгли свечи, прилепив их за отсутствием подсвечников на пластмассовую тарелку. Миша в целях противопожарных мер хотел воспротивиться. А ему сначала указали на недочёт в хозяйстве – на отсутствие подсвечников, а потом заверили, что никакого пожара не будет.

– И это шесть женщин! – в осуждение сотрудниц конторы сказала Юлия Юрьевна.

Свечи замерцали. По стенам конторки затрепыхались неясные тени.

– Ой! – первая откликнулась на тени Юлия Юрьевна. – Товарищи! Михаил Михайлович! Что мы так бездарно сидим в какой-то конторе, где шесть сотрудниц оказались способны только на то, чтобы вожделеть не принадлежащего им мужчину! Они оказались не способны обеспечить даже самой элементарной доли романтики! А можем мы пойти в какую-нибудь пустующую комнату, в самую дальнюю, и там обустроить нашу новогоднюю ночь?

– Можем! – сказал Миша.

– Можем! – отозвались все.

И все подхватились. И Миша открыл самую дальнюю комнату на своем втором этаже. И все стали переносить в неё столы и стулья, всё необходимое для праздника. Хотели даже перенести кожаный диван из кабинета Миши, и Миша не возражал. Но возразила Юлия Юрьевна. Она очень выразительно посмотрела на Мишу. И Миша – на что уж простоватый – а и он понял, что диван надо оставить. Диван оставили. Всё остальное перенесли. Юлия Юрьевна подождала задержавшегося в кабинете Мишу и стала его со всей страстью целовать, спрашивая, понял ли он теперь, для чего нужен будет диван. Миша, конечно, сказал, что понял, стал сам страстно целовать Юлию Юрьевну и, негодяй, повёл её к дивану. Негодяй – потому что она так ему сказала, но покорно поддалась его напору. И хорошо, что зашла в кабинет Клара (всё-таки Новый год – праздник всеобщий).

В новой комнате было пусто и гулко. Но в ней было на самом деле как-то романтично, как-то необычно выспренно, будто витал в комнате какой-то дух, например, далёкого предреволюционного времени или ещё чего-то такого же далёкого, но ощутимого.

Пока снова создавали стол, пока в общей выспренности выпили, пока прогалделись, каждый выговаривая свое мнение по поводу новой комнаты и своего в ней выспреннего состояния, вдруг Миша вспомнил, что в кабинете оставлены свечи на пластмассовой тарелке. Он побежал туда – и вовремя. Свечи прогорели, тарелка на треть расплавилась, воск протек на стол Миши. Миша взял тарелку. И все, дурачась, стали всматриваться в её контуры, в растекшийся воск, стали выискивать в них определённый знак и смысл, и все в своей выспренности признали, что новый год принесёт удачу. И все почему-то посмотрели на Мишу с Юлией Юрьевной. И сами они тоже посмотрели друг на друга. И что увидела Юлия Юрьевна во взгляде Миши, неизвестно, – возможно, так, кроме влюблённости, ничего иного, а Миша увидел во взгляде Юлии Юрьевны разгорающийся пламень.

Ну, что дальше? Вовремя пришёл новый год. Бурное веселье покатилось и по особнячку, и по за стен особнячка. Фейерверки за стенами особнячка трещали непрекращающейся чередой, и порой от их треска вздрагивали оконные стекла. Тосты за столом были велеречивы и полны надежд на хорошее будущее – ведь все в компании были ещё не стары, были сильны, здоровы, красивы, и ждать от будущего много хорошего было вполне уместно. Говоря хорошие пожелания, Катя со Степой и Коля с Юлей без обиняков смотрели на Мишу и Юлию Юрьевну. Юлия Юрьевна лучезарно Мише улыбалась и в своем слове почти прямо об этом же сказала.

– Я не знаю, какого мнения обо мне Миша, но я иного мужчины себе не представляю! – напрямик сказала она, а все в восторге зааплодировали.

Миша же, как красна девица, опустил глаза и в смущении, несообразно опущению глаз, по-стариковски крякнул. Ему снова вспомнилась ореховоцветная сотрудница – на миг, и непонятно, почему. Он за этот миг вдруг постиг в отношении сотрудницы, что, возможно, глаза её вовсе не были цвета ореха, а такой цвет они приобретали из-за её всегда простых и в простоте стильных одеяний. Ведь есть же в живописи нечто такое, когда одно влияет на другое. А может быть, и одеяния были ни при чем. Может быть, весь её облик и вся её натура сами по себе влияли на цвет её глаз. Так подумал Миша, пока Юлия Юрьевна говорила про него, как единственного для неё мужчину. Сам он в своем слове ничего такого, то есть про Юлию Юрьевну как единственную для него женщину не сказал. Но он сказал в общем и целом, и в это общее и целое, хорошее для всех, составной частью как бы входило и то, касаемое Юлии Юрьевны, чего он не сказал открыто.

– Ах, какой мужчина! – в восхищении объяла Юлия Юрьевна его взглядом.

Потом организовали танцы. И Миша, помня о диванчике в его кабинете, утащил туда на некоторое время Юлию Юрьевну. Через некоторое время они вернулись и увидели картину совершенно противоположную той, какую оставляли. Всем без них, оказывается, не праздновалось.

– Это недопустимо – хозяину оставлять гостей одних! – сказала Клара.

– Да я как раз – по хозяйским делам, проверить, всё ли в порядке! – попытался оправдаться Миша.

– А Юлечка? – обличающе спросила Клара.

– Так ведь одному страшно! – попытался отшутиться Миша.

– В другой раз проверять пойдём все! – сказала Клара.

– Или по очереди и парами! – сказал Виктор.

– Не обязательно семейными! – сказал Степа.

– Нет, я с Колей! – сказала Юля (не Юлия Юрьевна).

– Нет! Кому кто выпадет! Давайте кидать жребий! Давайте крутить бутылку! – в один голос предложили Виктор и Степа.

И в самом деле, стали крутить бутылку. И Юле бутылка показала на Колю, Степе – на Юлию Юрьевну, Виктору на Катю, а Мише на Клару. И надо было видеть, как напряглась и отошла в сторону Катя, и как ненатурально засмеялся Виктор.

– Нет, – сказал Миша. – Нет! В следующий раз проверять особнячок всё-таки пойду один я!

– Да что! Пойдём вместе! – сказал Коля.

– И нечего ходить проверять! – сказала Клара.

И в это время подал сигнал домофон.

– Не отвечайте! – дружно сказали Мише женщины.

– Нехорошо! – сказал Миша и пошёл открывать, и привёл двух сотрудников охранного предприятия.

Они, оказывается, ехали мимо и увидели подозрительно мерцающий в окнах свет свечей. Сотрудникам охранного предприятия все обрадовались, пригласили за стол, отчего они, конечно, отказались.

– У нас, конечно, нет с вами договора. Но мы советуем его заключить! Очень приманчивый особнячок! – сказали они Мише и рассказали самый свежий случай в их работе. – Вот два дня назад сработала сигнализация в ломбарде. Мы были через пять минут. А уже – никого! И в ломбарде – шаром покати! Две минуты взламывали замок, две минуты всё выносили! Во, как работают! Так что!..

Миша возражать не стал, хотя увидел в словах сотрудников охранного предприятия отсутствие логики – если они за пять минут не успевают застать преступников, какой же смысл на них надеяться и им платить. Но вспомнил Миша про Майю Серафимовну и её сменщика, такого же старенького человека, и нашёл, что рисковать их жизнями в случае, рассказанном охранниками, он не имеет права.

– Хорошо, товарищи! Приду к вам! – сказал он, но сразу же пожалел и Майю Серафимовну, и её сменщика, ведь лишит их заработка.

Сотрудники охранного предприятия уехали, а Мишу стали спрашивать, почему, правда, он не поставит особнячок на сигнализацию. Мише не хотелось отвечать, почему: ну, не поставил и не поставил. И он вдруг придумал.

– Да какая сигнализация! Здесь никакая сигнализация не работает! Здесь во время революции поселился один из тех, кто расстреливал царя! – начал придумывать он.

– Ничего себе! – выдохнули все враз.

– Так он не только в расстреле царя участвовал, он ещё и хозяйку этого особнячка расстрелял! Теперь здесь она ходит и его ищет! – сказала дальше Миша.

– Вот почему я никогда не ездила к Михаилу Михайловичу на свидания в особнячок! – воскликнула Юлия Юрьевна.

– Почему? – спросил Степа.

– Потому что у него и хозяйка особнячка в любовницах! – сказала Юлия Юрьевна.

– Пикантно! – сказал Виктор.

– А что, Михаил Михайлович настоящий мужчина! – сказал Коля.

– Ну, со старушкой-то не стоит состоять в любовниках! – сказала Клара.

– Ой, давайте выпьем! – предложила Юля (не Юлия Юрьевна).

Катя ничего не сказала. Но, в общем-то, как это ни странно, как это, что называется, – ни в какие ворота, а видно было, что все женщины как-то затревожились. Мише стало стыдно за свою выдумку. «Вот дурак! Царя приплёл, потревожил. И хозяйку – тоже!» – со стыдом подумал он.

– А кто именно из тех, кто расстреливал? – выпив, спросил Степа.

– Да ладно, ребята! Я всё это сдуру придумал! – сказал Миша.

– А я всё равно теперь никуда в особнячке одна не пойду! – сказала Клара.

– Да, может, и расстрельщик здесь же ходит! Они с хозяйкой давно уже сожитель-

ствуют! Почему никто, кроме, Миши, здесь себе контору не снимает? Потому! – сказал Виктор.

– А Михаил Михайлович почему? – спросила Юлия Юрьевна.

– Так он и не женится потому! – сказал Степа.

– Ну, это уже извращение! – сказала Юлия Юрьевна и обдала Мишу прежним своим пламенем.

Миша даже ощутил этот пламень на своем лице.

– Ребята! Я пошутил! – сказал Миша.

– Да чего там, хорош! Можешь дальше не рассказывать! Всё понимаем! – сказал Виктор.

– А что всё все понимают? – спросила Клара.

– Так, кто всё-таки из расстрельщиков здесь жил? – снова спросил Степа.

Миша посмотрел на него с вопросом, дурачится он или спрашивает серьёзно. Посмотрел и ничего не понял. Степа был по-всегдашнему хмур.

– Не знаю! – сказал Миша и в простоте свой подумал, что вот так, небось, пишется история.

– Я где-то слышал про расстрельщика и его квартирную хозяйку! – сказал Степа.

– Да я сам это только что придумал! – едва не закричал Миша.

– Нет! Кто-то об этом писал. Это исторический факт! – сказал Степа.

– Юровский! – подсказал фамилию главного расстрельщика Коля.

– Нет, Юровский поселился в особняке, в котором сейчас музей истории города! – сказал Степа.

– Ну, больше никого не знаю! – сказал Коля.

А Миша вдруг сам в себе засомневался – может быть, ничего он не придумывал, может быть, он где-то прочитал и потом забыл.

– Они там все после расстрела напились. Этот пришёл сюда и спящую хозяйку изнасиловал и застрелил! – сказал Степа.

– Ребята, хватит! Давайте праздновать! – сказала Катя.

– Привели прекрасных женщин, а сами взялись за своё! Вы ещё возьмитесь футбол смотреть! Михаил Михайлович! Вы плохо исполняете обязанности гостеприимного хозяина! – сказала Юлия Юрьевна.

– А я всё равно одна никуда не пойду! – сказала Клара.

– Шампанского и танцы! – вскричал Миша.

И праздник продолжился, и праздник удался. По домам все разошлись только утром, когда стал работать транспорт. В особнячке остались Миша и Юлия Юрьевна. Они стали прибирать со стола. Но в какую-то минуту, вероятно, ещё в жарких углях того пламени, которым обдала его ночью Юлия Юрьевна, Миша обнял Юлию Юрьевну, и они оказались на кожаном диванчике. И потом Юлия Юрьевна сказала, что эта новогодняя ночь и это новогоднее утро были самыми превосходными из всех прежних. Правда, она при этом сказала слово «наверно». Они пробыли в особнячке до середины дня. Потом Миша пошёл

провожать Юлию Юрьевну до метро. Он спросил, не проводит ли он её до дома. Но она нежно отказала – всё-таки надо отдохнуть. Он спросил о завтрашнем дне. Она нежно отказала и завтрашний день.

– Нам нельзя уставать друг от друга! – сказала она.

Они шли по пустому притихшему и оттого похорошевшему городу. Мише было хорошо. В метро перед турникетом они остановились, потом отошли в сторону. Миша держал её руку. На них несколько раз приветливо оглянулись охранники. А потом, когда Миша подвёл Юлию Юрьевну к турникету, одна из охранников, миловидная женщина, не выдержала.

– Что, молодой человек, не хотите отпускать свою даму? А вы не отпускайте! – сказала она.

Миша виновато улыбнулся. А Юлия Юрьевна не преминула ответить.

– Это самый превосходный мужчина на свете! – сказала она.

– Вот как вам повезло! – сказала охранник, миловидная женщина.

Юлия Юрьевна прошла на эскалатор, оглянулась и опять обдала Мишу пламенем. Миша подождал, пока она скроется из виду и поехал домой. Дома, где он, можно сказать, не был целый год, он некоторое время не знал, чем заняться. Он обзвонил своих сотрудниц, поздравил с Новым годом, и они в ответ сердечно поздравили его. Мише показалось, что особенно сердечно и даже с более богатыми нотками в голосе, чем просто сердечно, поздравила его сотрудница с ореховым цветом глаз. А одна сотрудница вдруг пригласила Мишу к себе на вечер, сказала, что они с мужем будут очень рады. Миша согласился. И правда, всё было очень хорошо.

3

Наутро Миша проснулся очень рано и почему-то с неприятной мыслью о придуманной им истории про расстрельщика и хозяйку особнячка. Правду сказать, история вполне могла быть. Но ему было неприятно. Хозяйка ему мнилась не какой-нибудь старухой, толстой и сварливой. Хозяйка ему мнилась молодой и интересной женщиной. И вполне могло быть так, что хозяйка жила в своём особняке, и ничего такого, что он придумал, не было. А он придумал, что она была застрелена, да Степа от своей мрачности ещё прибавил, что была изнасилована. В общем, получилось нехорошо.

Миша пошёл в контору, будто на месте хотел свою историю исправить. Майя Серафимовна открыла ему. Он сухо, в своем неприятном настроении кивнул ей и прошёл к себе в кабинет. И прежде всего у себя на столе он увидел со вкусом оформленный поздравительный конверт, в котором оказался листок розовой плотной, явно старинной бумаги. «Михаил Михайлович, я вас люблю!» – было написано на листке. Он хорошо помнил, что ни в канун Нового года, когда был у них в конторе праздник, ни в новогоднюю ночь никакого конверта у него на столе не было.

– Ну, явно Юлия Юрьевна подстроила! – сказала Миша, а вдруг себе не поверил. – Нет, не Юлия Юрьевна! – сказал он.

Потом он подумал, что вообще конверт и записка на старинной бумаге относятся не к нему, но снова не поверил – не к нему, так зачем же лежат у него на столе – тем более, что ни в канун Нового года, ни в новогоднюю ночь, ни даже утром новогоднего дня его не было?

Он спросил Майю Серафимовну, уже пошедшую домой, не приходил ли кто-нибудь в контору.

– Нет, никто! – сказала старушка. – Никто, нет! – да вдруг вспомнила. – Вот же я дура старая! Я же чуть обратно с собой не утащила. Это вам в благодарность! – и она вынула из сумки бутылку водки. – Вот, спасибо вам, Михаил Михайлович! У меня ведь как вышло! Мне зачем новый-то год нужен был!..

– А что, Майя Серафимовна, а давайте за Новый год выпьем! У меня хороший коньячок есть! А то вы у нас уже не первый год работаете, а по душам мы так и не познакомились! – вдруг сказал Миша.

– Ой, Михаил Михайлович, какой я вам питок! – закраснелась Майя Серафимовна.

– А что? Ведь Новый год! – сказал Миша и достал свой коньяк.

– Да, ну что вы! Я и раньше-то никогда не пила. А теперь-то уж... Ну, вот разве водочки с вами пригублю! – стала отказываться, да вдруг согласилась старушка. – Совсем немного, только пригубить! – сказала она Мише, начавшему открывать бутылку водки, и рассказала, зачем ей оказалась нужна новогодняя ночь. – Я сейчас вам расскажу, так вы не поверите! – сказала она, выпив сразу полрюмки. – Мне надо было поехать, Михаил Михайлович. Отыскалась моя тётка, родная сестра моей мамы-покойницы, девяностолетняя старушка. И отыскалась совсем недалеко, в соседнем городе. Я про неё сроду не знала. Нас по свету разбросало так, что друг про друга никто не знал. А отыскала меня её дочь, моя двоюродная сестра. Она и пригласила меня на Новый год. И ведь как совпало, Михаил Михайлович! Я до сих пор без вашей рюмки пьяная! Я у вас тут работаю, а ни сном ни духом не знала, что я родилась в этом доме, на втором этаже в угловой комнате!

– Ну, здорово! – вырвалось у Миши и тотчас почему-то вспомнилась придуманная им история.

– Да. Вот так и вышло, что я тут родилась! Тётка мне всё рассказала. Мы, говорит, все жили в одной комнате: твоя мать, ты и я. Куда, говорит, твой отец подевался, я не знаю, а мои родители в сорок первом ушли на фронт и оба там же, в сорок первом, погибли. Мне, говорит, было тринадцать лет. А ты, говорит, только родилась. Ещё года тебе, говорит, не было. Стал к твоей матери приходить мужчина в форме и с наганом. По тогдашнему времени это, говорит, было спасением. Он то буханку хлеба принесёт, то сахару, то ещё чего, а то вовсе колбасы или тушёнки. Твоя мать стала его привечать.

– А почему вы говорите, что именно в этом доме жили? – спросил Миша.

– Тётка сказала. Она назвала нашу улицу и наш номер дома! – сказала Майя Серафимовна.

– Так ведь всё уже здесь перестроено, сами видите! Номера домов совсем другие! – сказал Миша.

– Мне и тогда ёкнуло, что про вот этот наш дом тётка рассказывала. А приехала я, пошла сюда – а на доме рядом с новым номером старый висит, весь ржавый, а цифры разобрать можно! Отодрать поленились. Сами посмотрите! – сказала Майя Серафимовна.

– Просто не верится! – воскликнул Миша.

– Вот такое бывает! Но это ещё не всё. Дальше тётка вот что рассказала. Стал, говорит, он приходить к нам и всё чаще пьяный. У нас, признался он как-то твоей матери, работа такая, что после неё без водки нельзя, и знать тебе о моей работе не надо! Ну, не надо, так не надо. Подкармливает семью, и на этом спасибо. А однажды, говорит, я прихожу из школы, дверь в дом открываю, а он мне навстречу с каким-то свёртком выходит, сам совсем пьяный, меня не видит, и в руке наган. Я так перепугалась, говорит, что с места сойти не могу. Он оттолкнул меня и пошёл по улице из стороны в сторону. Я опомнилась, побежала к себе спрятаться. А дверь в комнату настежь, и твоя мать на полу в крови лежит. И тебя нет. Ты у него в свёртке, говорит, была! Вот, что, Михаил Михайлович! Так уж ревели мы с тёткой и двоюродной сестрой, ревели! Я и узнала, почему я в детском доме воспитывалась. А тётку в другой детдом поместили. Я, говорит, после этого в больницу попала, потом уж в детдом. А с тобой, говорит, уж и не знаю, где, что и как было. Так мы потерялись. То есть я даже знать не знала, что у меня тётка есть и сестра двоюродная. Вот какой Новый год был у меня нынче! – Майя Серафимовна выпила остаток в рюмке. – Вот какой был Новый год! – ещё раз сказала она.

– Ну, вот! Вы нашли родственников! Хороший, значит, был у вас Новый год! – поздравил Миша старушку, весь как бы замёрзший от совпадения своей придуманной истории и рассказа старушки.

– Наревелись! Я ведь знать ничего не знала про маму. И сейчас ничего не знаю, ни могилки её, ничего! – сказала Майя Серафимовна.

– По этому поводу надо обратиться в городской архив ЗАГСа! – подсказал Миша.

И далее у него хватило ума, у простоватого человека, рассказать Майе Серафимовне о своей придуманной истории.

– Помните, вы мне рассказали про свою трагедию? Так я такую же историю и именно в этом нашем особнячке придумал в Новогоднюю ночь, то есть, получается, вчера и, получается, одновременно с рассказом вашей тётушки! – сказал он старушке.

Старушка Майя Серафимовна ничего не поняла, и он стал ей объяснять.

– Ну, мы дурачились. Приехали сотрудники охранного предприятия, стали говорить, что надо заключить с ними договор, а мне стало жалко вас, ведь пришлось бы вас уволить. Я придумал про расстрельщика царской семьи и хозяйку, которую он, пьяный, тоже застрелил! – стал Миша объяснять.

– Как это вы? Мне тётка рассказала. Как это вы? Какого царя? Кто? Как это вы! Мне тётка рассказала! – опять ничего не поняла Майя Серафимовна.

Миша же, неумный человек, пытался ей что-то втолковать, но только так напугал старушку, что она тут же ушла, а потом не вышла на смену и вообще уволилась. Бог знает, что она стала думать.

А когда она ушла, Миша посидел просто так, потом пошёл по особнячку, вспоминая, как за ним в новогоднюю ночь плыла музыка. Он зашёл и ту комнату, где была новогодняя ночь, и о которой рассказала Майя Серафимовна. Ему показалось, что в комнате до сих пор звучит музыка, хотя в то время, когда они были в этой комнате, уже никакой музыки не было, и музыка плыла за ним только тогда, когда он один обходил особнячок.

С легкой печалью Миша вернулся к себе в кабинет. Изящно оформленный конверт и листок розовой старинной бумаги вернули его в день насущный. Он набрал номер телефона Юлии Юрьевны. Она отозвалась тотчас.

– Михаил Михайлович! А я думаю о вас! Лежу в постели, как последняя наяда на песчаной отмели какого-нибудь Эгейского виноцветного моря, и думаю о вас! И мне не стыдно! – радостно сказала Юлия Юрьевна и далее рассказала о том, что вчера была с Катей в филармонии и повстречала там Клару с Виктором. Клара отвела её в сторону и неожиданно спросила, какие у Юлии Юрьевны отношения с Мишей. Юлия Юрьевна в карман за словом не полезла и сказала, что отношения у них высокие. Клара сим не удовлетворилась и спросила, чем Юлия Юрьевна и Миша занимались в особнячке, когда все ушли. Юлия Юрьевна опять не полезла за словом в карман.

– Михаил Михайлович вполне здоровый мужчина, чтобы знать, чем заняться с хорошенькой женщиной наедине! – отчеканила Юлия Юрьевна. – А знаете, Михаил Михайлович, – ещё сказала она. – Я стала меняться под благотворным знанием о вашем существовании на земле! Я вас обожаю! Я хочу видеть вас! Мне, как молоденькой девке, без вас свет не мил!

– Юлия Юрьевна, это вы оставили мне на столе конверт? – спросил Миша.

– Конверты с валютой на стол начальству кладут только глубоко коррумпированные люди! Вы принимаете меня за коррупционера? – в шутку сказала Юлия Юрьевна.

– Нет, Юлия Юрьевна! У меня на столе я сейчас обнаружил конверт, в котором был листок бумаги со словами «Я люблю вас, Михаил Михайлович!» – счастливо поправил её Миша.

– Михаил Михайлович! – вдруг потянуло из телефона холодом. – Я никогда подобными вещами не занимаюсь. Я вам не... – и не нашла, что сказать. – Я вас обожаю! Но влюбляться, а тем более самым пошлым образом вас любить, как какая-нибудь последняя дура, мучать себя – нет, увольте, Михаил Михайлович! И больше не предъявляйте мне таких претензий! Поищите кого-нибудь из ваших, вожделеющих вас сотрудниц! А я сама определяю и выстраиваю отношения с мужчинами! – сказала она.

Вот так сказала Юлия Юрьевна. А Миша совершенно невежливо помолчал, а потом отключил телефон. И не стал её слушать на следующий день, когда она стала просить прощения и снова говорить о том, как она его обожает.

– Всё! Гитлер капут! – сказал Миша, бывший сержант внутренних войск и не очень большого ума человек.

То есть все отношения с Юлией Юрьевной он взял да вот таким образом враз прекратил. Однако новогодняя ночь ему вспоминалась долго. Ему вспоминалось, как плыла в

новогоднюю ночь за ним по пустым коридорам и комнатам музыка, а он видел глаза своей сотрудницы, на которую он, оказывается, уже давно обратил внимание, только в этом не признавался себе. Он хмурил брови, полагая, что, возможно, вовсе и не она оставила конверт. Она, замужняя, не могла оставить такой конверт. Вернее всего, кто-то попросил её оформить конверт и потом положил в него записку для Миши. А кто это мог сделать, он найти не мог. И его простоватое лицо, кроме вопроса, кто бы это мог быть, выражало ещё и иную мысль, трудно прочитываемую, но явно хорошую. А если сказать проще, то ему очень хотелось, чтобы конверт с запиской положила именно та сотрудница.

И уж коли старушка Майя Серафимовна уволилась, Миша Морозов заключил договор с охранным предприятием. И про изящно оформленный конверт с запиской на розовой, будто старинной бумаге он ничего не стал узнавать. К сожалению, не особо он интересовался делами своих сотрудниц, не особо хороший был начальник.

Станислав ЮРЧЕНКО

* * *

Маневрового хрипатый
поутру орёт гудок.
За окном семидесятый –
молод, статен и высок.

У щелей на стенках – иней,
но уже никто не спит.
Ах, как звонко утром зимним
снег под валенком скрипит.

Север пробует на прочность
озорную молодежь,
и тут хочешь, и не хочешь,
а вперёд других пойдёшь.

Полушубок – распашонка,
хоть на улице мороз,
парень – гоголь, а девчонка
в полушалок прячет нос.

На работе – не до смеха!
Но работа – не страшит.
Каждый, кто сюда приехал,
был суровой ниткой сшит.

Каждый знал, что новый город
не построить просто так,

но когда силен и молод,
всё горит в твоих руках.

И весёлые подружки
не дают грустить парням,
звон гитары, спирт из кружки –
послесловие к тем дням.

Непростой семидесятый –
песни, пляски до утра,
сон короткий, холод в хате,
и опять вставать пора.

Лебединых песен стая
отлетела в никуда.
Отчего теперь вздыхаем,
вспоминая те года?

* * *

Широкое травное поле. Река под горою.
Колодец замшелый, где пара тритонов играет.
Картошка в золе. Дикий лук. Ощущенье покоя,
и чистое, синее небо до самого края.

Краюха подсохшего хлеба вкусна и душиста,
а сердце от вида раздолья и счастья трепещет.
На солнечном склоне лежит и мечтает мальчишка
про то, что когда-то случится, и прочие вещи,
про мамины руки, которые помнит с рожденья,
про папину лётную куртку – в ней можно согреться.

...Опять возвращается памятью, как наважденье,
ко мне босоногое лето и светлое детство.

ЦЕРКОВЬ ПОДО РЖЕВОМ

Годы не спеша стирают даты.
Вижу, как тогда, июньским днём,
храм в полях, разрушенный когда-то
перекрёстным, гибельным огнём.

О красе былой не беспокоясь,
в утренней звенящей тишине,
он стоял, осыпавшись по пояс,
памятником про́клятой войне.

Я стоял, смотрел. Жена вздохнула
с горечью, как русским надлежит,
а потом с ресниц слезу смахнула,
деда вспомнив: где-то здесь лежит.

Разгоралось подо Ржевом утро,
птичий гомон плыл со всех сторон,
и тогда услышал я, как будто
небо донесло набатный звон.

Он плывёт над матушкой Россией
с тех далёких лет и до сих пор,
потому незваные стихии
не сорвали гордый триколор.

Знаю, почему на сердце больно:
сколько их, кто был в огне убит?
Колокол гудит на колокольне.
Память, будто колокол, гудит.

СРЕТЕНСК

Я помню заборы, покрытые пылью,
и вкус огурца, принесённого с грядки.
Тогда коноплю втихаря не курили,
хотя её произрастало в достатке.

Ещё вспоминаю затон и рыбалку
с добычей, которой не стыдно, поверьте,
девчонку в сандалиях и со скакалкой,
что мне надоела кривляньем до смерти,
плашкоут, что вёз нас с отцом через речку,
и звёздною ночью гудки пароходов,
сверчка с его песней за русскою печкой,
да радость щенячью в любую погоду.

Там бабушка чёрная, как головёшка,
укрыв под платком заплетённые косы,
дымит на крылечке своей папиросой,
а рядом, мурлыкая, ластится кошка.

Пожарная вышка под самой горою,
где лазили мы, несмотря на запреты,
отвесные скалы над бурной водою
и вмиг пролетевшее жаркое лето.

Как славно мне было в те юные годы
поехать к ней в гости, где брат мой, Володя,
летал на моторке по водным угодьям,
шальной представитель бурятской породы.

Глаза закрываю, и видится город
тогда ещё песенный и не унылый
на Шилке-реке, в забайкальских просторах.
Но как бесконечно давно это было...

Полощется детство цветною рубахой,
сигналит с небес до последнего вздоха.
А бабушкин город рассыпался прахом,
зарос коноплёю и чертополохом.

* * *

А для счастья мне нужно немного...
Только солнечный день...
Небо... Одиночество...
И тишина...
Чтобы, если телефонный звонок –
То только твой:
«Как ты мне нужна!..»
И возможность думать о тебе,
представлять тебя,
твои глаза, твою улыбку...
И благодарить Бога
За его прекрасный мир,
В котором есть ты.

* * *

Прилетела увидеть твои глаза,
Я без них задыхаюсь от тёмной боли.
Как дела? А что я могу сказать?
Привезла в душе чемоданы горя...
Раствори его, как морскую соль,
И прими меня на ладони-волны,
Пусть недолго, но – подышать позволь,
Счастья бриз вдохнуть грудью полной.

* * *

Я поняла, что никогда не бросим
С тобой друг друга.
И снова переходит осень
В шальную вьюгу,
А нам с тобой теперь осталось –
Согреться рядом.

И мы несём свою усталость
Уснувшим садом.
И нам до счастья осталась малость,
Мы грусть развеем.
Друг друга никогда не бросим –
Мы не успеем.

* * *

Иногда нужно просто выжить –
Без претензий на правоту.
Петь, смеяться, бежать на лыжах,
Снега вкус ощущая во рту.

Иногда просто вспомнить нужно,
Как в овраге родник поёт,
Как над лугом гудит натужно
Шмель, как маленький самолёт.

И ведёрка с грибами тяжесть,
И черемухи горький цвет...
Остальное – не так уж важно:
Шмель шепнул мне, что смерти – нет.

Дмитрий МУРЗИН

* * *

Сергеев-Мценский. Новиков-Припой.
Как странен нынче путь в макулатуру...
Найти между страницами купюру
Страны иной.

И прошлое вскипающей волной,
Пощёчиной и бешеным аллюром,

Забытым поцелуем, пулей-дурой,
Беспомощностью, счастьем и виной

Нахлынет, неотвязно как икота...
Откуда здесь зелёная банкнота,
Прекрасен ли, ужасен наш союз
Советский и поди-не разбери
Аптека, ночь, канал и фонари...
Над трёшкою слезами обольюсь.

БЛОГЕР

Ваши пальцы пахнут...
А. Вертинский

Пальцы пахнут никотином
Мышкою, клавиатурой,
Пальцы пахнут Украиной,
Кровью, гарью, миной-дурой.

Пальцы пахнут Волновахой,
Славянском, Донецком, Счастьем,
Пеплом, Горловкой и прахом,
И расстрелянной медчастью.

Сиротой, убитым сыном
Да непризнанной виною.
Пальцы пахнут мертвечиной,
Мертвечиной и войною.

* * *

Накосячил наш конь с бороздой.
Накосячил со щукой Емеля.
Поманило нас небо звездой –
Вот и цель. Ну а кто мы без цели?

А куда нам без цели? Куда?
Лишь на кладбище, либо к острогу...
Путеводная светит звезда,
Освещая, к примеру, дорогу,

По которой – ни славы, ни мзды,
По которой шагаем повзводно
Мы на свет путеводной звезды.
Биполярной звезды путеводной.

* * *

Старый виски в правильном бокале,
На плече – партак с единорогом.
Ничего не знает о Байкале
Маугли, воспитанный тик-током.

Кубик льда в бока виски тает,
но не растопить хандру и скуку.
Ничего не знает об Алтае
Маугли, воспитанный фейсбуком.

Ест окрошку только на кефире –
Как ему в отчизне одиноко...
Ничего не знает о Сибири,
Маугли, воспитанный тик-током.

Наплевать, что обстреляли Счастье,
Слышал лишь, что «лайнер сбили “Буком”» –
Ничего не знает о Донбассе
Маугли воспитанный фейсбуком.

На себя примерил роль мессии,
Гибель нашу скорую пророчит.
Ничего не знает о России,
И, что характерно, знать не хочет...

* * *

Снимается наш Афоня на фоне Левиафана
То трезвый, то в шлемофоне, то, извините, пьяный.

Снимается наш Афоня, да там этих снимков – с горкой,
В Берлине и на Афоне, да в Пальма-де-блин-Мальорке.

Афоня дерзит – но в меру, Афоня наш меру знает,
Он терпит с трудом премьера, но Путина – уважает.

Афоня такой спокойный, Афоня такой понятный,
Откроет окно Овертона, потом закроет обратно.

Афоня будильник вертит, ему на работу рано...
Пройдут и Левиафаны, Афоня и не заметит.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

* * *

Живётся мне неспокойно –
Глупое сердце ропщет.
Надежда горько-солёная,
Похожая на слезу,
Росой опадает на листья
За домом в знакомой роще.
И знаю, что среди буден
Горести не спасут.
Я душу пущу на волю,
На непогоду, на ветер,
Чтоб выстрадала по праву
Любить, ничего не страшась.
Нельзя, чтоб прошло бесследно
Моё пребыванье на свете,

И знаю, что от страданий
Окрепнет моя душа.
Меж жерновами времени
Молодость раскрошится,
Сквозь годы и листопады.
Однажды себе не солгу –
Большую любовь придумала,
И страшно мечты лишиться.
Что найдено?
Что потеряно?
А жить просто так не могу.

* * *

Казалось бы, от сердца
отлегло,
но отчего крадутся сны,
как тати,
по лунным ниточкам
по-над кроватью
и серебрят
оконное стекло?
Такие сны не жалко
и вспугнуть!
Смеётся месяц
юный понарошку.
Он спелых звёзд
из жёлтого лукошка
насыпал за ночь
к моему окну.
Они в траве мерцают
и горят,
как угольки...
Или глазами зверя
мне чудятся...
Я, веря и не веря,
слежу, как звёзды
чудеса творят:

за столь совсем
коротенькое время, –
в полночной тьме
мечты и свет даря.

* * *

Скажу, не поверишь.
Нет сил больше плакать
Надрывисто, зло, горячо,
Когда поняла,
Что губительной плахой
Мне стало родное плечо.
Ни взглядом, ни словом
Тебя не ославлю,
Сполна я за всё заплачу!
Твой грех забирая,
Свой крестик нательный
Сорву
И подам палачу.

* * *

Слово доброе мне скажи,
Не раскладывай всё по полочкам,
Чтоб как ниточка за иголочкой,
Нужно многое пережить.
Посчастливилось нам узнать
Непредсказанное и светлое,
Но, чтоб чувства остались свежими,
Не старайся меня понять.

* * *

Силы в себе копила,
Нежное берегла.

Счастье весной штормило –
Пенило берега.
Вызрело многотравье –
Запах хмельным-хмельной.
Дни отношений странных
Между тобой и мной.
Осень. Кочуют грозы.
Белая даль видна.
Наперекор прогнозам
В сердце цветёт весна.

Владимир ПЛЕХОВ

ЛЕТНЯЯ КУХНЯ

Снова морозы уйдут постепенно,
Снег перестанет быть белым и пухлым,
Вдаль утечёт и тогда, неизменно,
Встретит весною нас летняя кухня.

Только скворцы поменяют маршруты,
Почками новое лето набухнет,
Нас запускает в свой сумрак уютный
Место заветное – летняя кухня.

Пекло разбавит прохладой тенистой,
Квасом из банки большой, трёхлитровой,
Кровлей укроет своей неказистой
В град суматошный и в ливень свинцовый.

Вновь нам свои доверяет секреты,
Балует сказочным маминым хлебом,
Кухня из тёплого детского лета,
Маленький домик под солнечным небом...

САЛЕХАРД

Снегом колючим за ворот,
В марте, а, может, и в мае
Встретит нас северный город,
Маленький город на сваях.
Здесь, когда воздух застынет,
Землю по-своему нежит
Белое солнце пустыни,
Но не песчаной, а снежной.

Солнечный луч обернётся
Не обязательно зноем,
Светит над городом солнце,
Только оно ледяное.

Тундра проснется не скоро,
Вновь зацветёт, не оттаяв.
Лета ждёт маленький город,
Северный город на сваях.

ВОРОТА ЯМАЛА

Я пройду по тундре спящей,
Белых сов собой пугая,
По тропинкам россомаховым, песцовым.
Быстрой поступью горячей
Мерзлоту отогревая,
Греясь сам порой крутым, кипящим словом.

Небо скоро станет ниже
И Ямал всё ближе – вот он,
Наступает мелким ельником на фланги.
И пройдя чуть-чуть, увижу
Полуострова ворота,
Над воротами табличка – Лабытнанги.

Александр РУХЛОВ

МОЛИТВА

И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним.
Матф 4:20

Дай мне, Господи, сердце.
Дай мне, Господи, голову.
Дай мне, Господи, сети.
Дай мне, Господи, голубя.

Я бы с сетью пошёл на берег,
Где земля, небеса и море,
Чтобы Слову учились верить
Ум и сердце глухонемое.

И когда бы в сетях забилась
Серебристая рыбы россыпь,
Мне хватило б ума и силы,
Чтобы сети свои отбросить.

Чтобы стало светло и просто.
И, надеясь на Божью милость,
Я бы голубя в небо бросил,
Чтобы сердце сильней забилось.

ГОЛУБОК

Инне

Утром веточка дрожит на ветру,
Точно жилка на виске голубом.
К человечьему жилью поутру
Прилетает ворковать голубок.

У рассвета уворует часок,
И пока его любимая спит,
Он воркует и глядит на восток,
А потом к церковной крыше летит.

Там простор для голубиной гурьбы –
Кружат в небе да пророчат весну.
Дал Бог силы голубиной груди,
Чтобы утром нарушать тишину.

И чего бы им, крылатым, не спать?
Всё выводят свой нехитрый припев.
Видно, утро может и не настать,
Если песню о любви не пропеть.

ПЛАЧ ОДИССЕЯ

День ото дня. Снова сузил глаза горизонт,
Грубо ревнуя ко мне светлоокую Эо.
Слышит ли небо немое мой горестный стон?
Будь она проклята, эта ахейская эра!

Я эти звёзды давно заучил наизусть
И по узорам созвездий свой парус заштопал.
Тысячи раз по ночам вырывалось из уст
Имя твоё. Только слышишь ли ты, Пенелопа?

А на округу знакомых – один Полифем.
Будь она проклята, эта слепая пещера!
Примешь ли, если вернусь никудышным совсем?
Время щедро на морщины и в палубе щели.

Но я клянусь: натяну неподатливый лук
И окровавлю разлуке прожорливой горло.
Будет наш пёс – мой старинный и преданный друг, –
Полуслепой, в загорелую тыкаться голень.

Только пока равнодушная к плачу волна
Тянет к ладоням незрячую мокрую морду.
Боги, скажите, за что суждена мне вина –
Мыкать весь век винноцветное горькое море?..

КУРГАН

Ты спишь, ты спишь, мой город красных крыш,
Под белым тополиным одеялом.
Я буду тих. Но ты меня услышь.
Нас долго расстоянье разделяло.

Полупустой московский самолёт,
Настойчивая утренняя птица,
Кричит в рассвет, бьёт крыльями, и вот –
Восходит солнце. И тебе не спится.

Здесь запах лета, гари и тоски.
Покачиваюсь на сиденье заднем –
Мне говорливый утренний таксист
Расскажет всё о тайнах мирозданья.

И строчки улиц, как родная речь,
Пускай асфальт, как рубище, в заплатах.
Вот здесь отец и мать топили печь,
Когда ещё и не были женаты.

Страна Окраина, краюха голубям,
Бревенчатое царство двухэтажек,
Пристанище бумажным кораблям,
Простор для самолётиков бумажных.

Ты стол накрыл, встречая сыновей:
В районе Дрожзавода пахнет брагой.
Есть города красивей и новей,
А мы всё возвращаемся обратно.

К твоим дворам, как на плечо отца,
Щекою уколовшись о щетину,
Я припаду. Слезу смахну с лица.
Я припаду – усталый и счастливый.

Светлана МАЙОРОВА

ВОЕННОЕ ФОТО

Посвящается моему деду А.П. Кондакову

В бабушкином деревенском доме,
В сереньком потрёпанном альбоме
Пара фотографий пожелтевших:
Дед на них – уставший, поседевший –
В офицерской форме, грудь в медалях...
Потускневший взгляд уносит в дали.
Лет, наверно, деду – сорок с гаком...
Это фото снято в сорок пятом...
Лихорадочно в уме считаю:
Он с двадцатого... Я точно знаю.
Боже! В сердце затаился крик –
Смотрит с фото молодой старик.

Галина ШУБНИКОВА

* * *

Ветром весенним
ворвусь в твою жизнь,
летней жарой
укутаю.
Стрелки часов –
только держись, –
вмиг закружу,
запутаю.
Дыханием
самых заветных
слов
к тебе прикоснусь
нечаянно –
цветочным нектаром
моих лугов,
как поцелуем
отчаянным.

* * *

Когда горы устанут звать за собой,
Когда море прошепчет – больше не жду.
Потеряю я всё – и любовь, и покой,
И навеки смирение я обрету.

Я забуду, как бьётся о скалы волна,
Как над ней облака чайки режут крылом.
Одинокою галькой – с глубокого дна
Меня выбросит к берегу в шторм. А потом

Мне привычными станут тепло и покой,
Вспоминать буду – море прибоем ворчит.
И солёные брызги сотрутся рукой,
Словно слёзы – то память морская горчит.

* * *

Обещай, что меня не разлюбишь в пути:
День и ночь неразлучны на белом на свете.
Память будет хранить, как горчила полынь,
А лицо обжигал и сушил знойный ветер.

Будет верностью лебедя клятва твоя –
Оберегом на долгие-долгие годы.
Сквозь печали и радость – огнём маяка
Для таких бесприютных, как мы, при дороге.

Обещаю, что будешь любим ты всегда –
Я нательным крестом на груди твоей лягу.
И вокзалы, с которых идут поезда,
Не признают во мне – без билета бродягу.

В непогоду сторожкою вмиг обернусь,
Окачу в знойный день ледяными ручьями.
Я к губам и рукам твоим птицей прижмусь.
И молитвой своею, творимой ночами.

* * *

Ты помнишь Балтийское море?
Стальное, холодное, буйное:
Беснуется на просторе –
И зверем рычит, безумное.
Иль в пенном своём смятении
На пирс всей мощью взбирается.
И кажется: жизнь в мгновение –
Обрывается.
А стихнет ночью уставшее –
Прижмётся к берегу спящему.
И в наши с тобой ладони
Янтарные крошки обронит.

* * *

Стихи пишутся
Из бессонницы –
Ночь темна,
И не ждёшь рассвета.
Заполняешь лист
Звёздами.
И кажется – они светят.
Но ручка нечаянно на пол
Обронится...
А утром достаёшь
Лист бумаги:
Он – светел,
Как в праздник
Горница.
Единственную из звёзд
Бог приметил:
Она светит!

* * *

Голубая быстрая вода,
Ты стекаешь у меня с ладони.
Знаю я – уходишь навсегда,
Но не в силах продолжать погоню.

Ты смеялась смело надо мной,
Ты была изменчива, как ветер,
И порхала птицей голубой,
По бескрайней солнечной планете.

Я подкрался, горе птицелов,
И закинув сеть, поймал удачу
Ты теперь моя – царица снов,
Смелая красивая чудачка.

Но чужих не принимая рук,
Ты взмахнула крыльями тревожно
Ты водою обратилась вдруг,
Мне раздвинув пальцы осторожно.

Над мечтой потерянной скорбя,
Понял я, что счастье не догонишь,
Все, что мне осталось от тебя –
Капли на протянутых ладонях...

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ

Я на площади людной был жалок и наг
На помосте, средь лобного места.
И палач, нацепив свой дурацкий колпак,
Замесил на спине моей тесто.

Я молчал, лишь от боли зубами скрипел,
Бился рыбой, попавшейся в сети.

Ах, как стыдно и больно на голой спине
Ощутить танец бешеной плети.

Да, я жил, как умел – не подстраивал шаг.
В одиночку смеялся и плакал.
Но, бывало, в пути я подхватывал флаг,
Если он неожиданно падал.

Скольких спас я и скольких предостерёг,
Мне теперь даже вспомнить непросто.
Ну, так, где же они – те, кого я сберёг?
Почему их не видно с помоста?

За ошибки платить моё время пришло,
Но я должен под пыткою выжить,
Чтобы снова идти, согреваясь теплом
Неубитой любви к своим ближним!

* * *

Закрывая на всё глаза,
Мы уходим в ночную тень,
Где на небе слегка дрожат
Звёзды, яркие как сирень...

Не поверив и не простив,
Не закончив и не поняв,
Мы до боли сжимаем гриф,
Вновь гитару-судьбу обняв.

И поёт, возносясь, душа,
Побеждая сомнений тишь.
Ах, как дивно она хороша
Где-то там – чуть повыше крыш.

* * *

Всё происходит в жизни неспроста,
Сердитый ветер бьётся у ограды.
Я слышал: воцарилась пустота.
И понимал, что мне уже не рады.

Так значит, я не нужен никому,
Судьба моя, выходит, чёрной масти...
Что делать? Тьму и холод обниму –
Попутчики, свободы вечер скрасьте!

Меня спасал в дорогах только Бог:
Я дом забыл, приметы и поверья.
Чего я жду? От неба звёздных крох.
И годы провожу в земном задверье.

Проходит жизнь, но вся она – моя,
И с небом не прерву я разговора,
Я возвращаюсь в отчие края –
На Сретенье встречайте зимогора.

* * *

Знаю, смерть хлопотливо,
Предъявит свои права,
Я в упряжке расшива,
Вырви меня сперва.

Мне перекаты, выри
Давно уже нипочём,
Смотрю я вокруг пошире
Ждёт меня вскоре дом.

Верю, в бурлацкой столице
Мой поднебесный кров,

Ночами который снится,
В него вернуться готов.

Стрежни, заливы, мели
Сердце бросают в жар,
Выжил один в артели,
Свиделись крутояр.

* * *

Василию Килякову

В баню позвал механик,
И мы, бутыль прихватив,
Зашли, болтая, в предбанник
Под шутки соседских фиф.

Ввалились гурьбой в парилку,
И жаром встретила печь,
Катился пот по затылку,
Желавший меня обжечь.

Жгло уши на верхней шконке,
Хозяйничала полутьма,
И банщик стоял в сторонке,
Увидел я след клейма.

Заика, хромец, невольник,
Поведай про лагеря!
Под горькую и рассольник,
Пока отмирает заря.

* * *

Проплыло солнце вдоль калитки,
Но не зайдут на чай ко мне
Ни дед, вернувшийся с отсидки,
Ни прадед, павший на войне.

Я выпью, закурю спросонок,
Перекрещусь на купола,
Пойду к одной из разведёнок,
Искать прощального тепла.

И будут пристально и колко
Смотреть два берега реки,
И в тихий омут втянет Волга,
Измены, сплетни, и долги.

И прочитав юдолям строчки
Найду в безбожный век возврат,
Где в детских снах приходит к дочке,
Пропавший без вести солдат.

Любовь ГУДКОВА

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Я сегодня отпускаю обиды,
даже тем, кто не попросит прощенья.
За врагов своих молиться привычно:
Пусть Господь их вразумит и простит.
Ничего, что их нападок и злобы,
и насмешек их живая мишень я.
Бог – моя неразрушимая крепость,
прочный мой непробиваемый щит!
Ничего, что их наточено жало,
я оружия из ножен не выну.
Пусть любовь и состраданье достигнут
даже тех, кто слепы к ним и глухи.
И по заповеди божьей подставлю
им без страха я и щёку, и спину,
уповая, что Господь милосердный
и мои тогда забудет грехи...

ПАМЯТИ ТЁТИ ВЛАДИ

Знаете, она не умерла!
Видите, как светом осиянна!?
Серебрится как вокруг чела
аура живая непрестанно!?
Или это сквозь завесу слез
локоны седых её волос?

Нет, я ошибиться не могла.
На лице разгладились морщины,
и с неё сошла печали мгла,
будто не жила и половины
этих девяноста трудных лет.
Их следа теперь в помине нет!

Перемены сложно осознать,
осязать их пробуя несмело.
Повернулось – чувствуете? – вспять
время, и пространство закипело.
И предсмертный горестный оскал
на губах улыбкой заиграл!

Вышло солнце. По его лучу
Бог спустился, светом озаряя
все вокруг.
Я в тишине шепчу:
Видите!? По воздуху босая
рядом с Ним беспечна и легка
девочка идет за облака!

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

ПУТЁМ ЗЕРНА

Пахали в ночь. Погожие деньки.
Успеть, успеть посеять в землю зёрна.

Седые небеса пространны, глубоки,
Земля вздохнувшая покорна.

Кормилица и ласковая мать.
Тебе не занимать терпения и воли,
Ты не устала со смиреньем принимать
Людей, не помня ни обид, ни боли.

Падёт зерно в твою святую плоть,
Его пробудит дождь, взлелеют ветры.
Путём зерна, считая километры,
Пойду и я, благослови Господь.

СОН

Отцу

Как счастлив я, когда приснится,
Мне нежность строгого отца.
Июльский день. Овраг. Криница.
И гул пчелиный без конца.

Отец ко мне коня подводит,
И, силою крылатых рук,
Меня возносит, и поводья
Даёт. И мы идём на круг.

Так сладко пахнет свежим сеном!
И жарки конские бока.
Я чувствую своим коленом
Верблюжий волос армяка.

Отец потёртую уздечку
Сжимает в твёрдом кулаке.
Я сверху вижу нашу речку
И грозный кнут в его руке.

Как счастлив я, когда приснится,
Мне нежность моего отца.

Тот жаркий день, наш круг, криницу
Я буду помнить до конца.

ОБРАЗ

Вся наша жизнь поэзии полна!
Её волшебным ароматом сердце дышит,
Горячий воздух ветерок колышет...
Но как она невыразима и темна.

Мертвы на полках пыльных словари,
Слова твердим и повторяем снова.
Они для нас поэзии основа,
Но в них невыразимое внутри.

Так в духе сочетаний слов иных,
В повторах и провалах непонятных
Язык безумца росчерком невнятным
Находит красоту явлений неземных.

Но лишь тогда ты благостен, поэт,
Когда ты чуешь, что за тёмной гранью
Незрим бессмертный образ мирозданья,
Что нет страданья в нём и времени в нём нет.

ТЕПЛО

Как будто не было снегов.
Смотри, уж роща зеленеет.
Ещё от влажных берегов
Туман едва заметный веет.

Палящим солнцем облита,
Земля летит теплу навстречу,
Живит и душу человечью,
И плоть травинки, и листа.

Стою во мгле ночного сада
И слышу в сумраке немом:

Земля питает родником
Лозы бессмертной винограда.

РОЖДЕСТВО

Вмерзли сосны в снега.
Колкий ветер с позёмкой,
И ребристою кромкой
По утрам берега.

Одинокая степь,
Перелески пустые,
Да столбы верстовые,
Впору песню запеть,

Про покинутый край
Сиротливого детства.
Только небо в наследство,
Да обещанный рай.

Ольга МЕХАНОШИНА

БЕЛОМОРЬЕ

Берег – наружу развёрнутый глиной –
Скрашен лучом, как старушечьей хной.
Тени дымят и ложатся в низины
Душной полынью и тишиной.

Разом остыть до размеров рябины,
Ветра хлебнуть, чтобы горло прожгло,
Медлить, окончить «аминь» воедино
И удивиться конечности слов.

Любо икается нам, кочевые,
Дайте своих подержаться чуть-чуть...
В окнах, блеснувших по чёрной России, –
Сродные, дальние – вся наша суть.

* * *

На ночь совесть поправляю –
Жмёт и жжётся утюгом.
Неумело умоляя,
Поживаю напролом.

А вселенная витает,
утешая малых сих.
По минее понимаю
день и час... Глас пятый тих.

Запросто даются люди,
Так привязаны они...
Обнадёженных не судят,
Что осудишь – то пожни.

Сложно лгать, егда узнахом.
После – спой, а в горле вой,
Только памятнее страха
Взор во свете –
Я с тобой.

* * *

Цветастые сны выгорают на скорости лет,
И вот остаётся пребелая даль, как трава.
Пока её кажут, всё ясно, о чём ровный свет,
О чём кулаками не машут, спустя рукава.
Пока она брезжит в глазах, рассветает на треть.
Нас так берегут, что дают постепенно прозреть
И в лицах наткнуться наутро, очнувшись едва,
На солнечный блик, на прощение, где не права.

* * *

Незаметная усталость,
Прямота в крови.
Что твоим глазам досталось,
Ясным от любви...
Натаскается, развесит,
Перешьёт, польёт,
Припылит мукой – намесит,
Встретит – подмигнёт.
Мама мамы ждёт у дома,
С хлебом, на ходу, –
Из-за кровельной соломы,
В сумерки – звезду.

* * *

Потрогаю в окне закат у края –
Стрижом прикрикнет. Дёрнет за живое.
Цветное расстояние сгорает,
А остается... Светлое, немое.
Стожары в небе, пёстрые, слоятся,
Мгновенно изменяясь... Завтра лето.
И луч дрожит, решаясь оборваться.
Пусти вернуться, Господи, к рассвету.

Илья ПОПЕНОВ

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Утопая в проблемах, как в зимнем снегу,
Мы живём в ожиданье какого-то чуда,
Суетимся, решаем дела на бегу,
И уже непонятно, куда мы, откуда?

Нас тревожат потоки дурных новостей
И пугает созвучие марта и смерти,
И волнуемся мы с каждым днём всё сильней,
Но стремимся отчаянно жить, уж поверьте.

Позабыта мечта, что так страстно звала
За собою из детства в бурлящую юность,
Наползает, как сумрак, душевная мгла.
Всё же хочется, чтобы судьба улыбнулась.

Жить стараясь по совести, честным трудом,
Сохраняем надежду среди лжи и фальши,
Своих ближних любя, ищем радость в простом,
И заботит вопрос: Боже, что будет дальше?

РОЖДЕНИЕ СТИХОВ

Друг с другом слова знакомлю,
И образы — стихов остов —
Одни достаются кровью,
Другие легко и просто.

Рождение слова — чудо,
Рождение мыслей — тайна,
Приходят из ниоткуда,
Взволнуют необычайно.

За первой строкой другие
Потянутся ярким роем,
Их рифмы скрепят живые,
Причудливым встанут строем.

И таинство Слова снова
От будней меня спасает,
Сомнения рвёт оковы
И радостью окрыляет.

Я знаю, и вы поверьте:
Надежда есть в мире этом,
Покуда живут на свете
Мечтатели и поэты.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Там, где сильные руки мостов обнимают Неву;
Там, где строгость дворцов отражается в сонных каналах;
Где игла «Лахта-центра» пронзает небес синеву,
Мы прожили неделю, и, кажется, этого мало.

Этот царственный город, что манит меня много лет,
Встретил ясными днями и сильной жарой, как на юге,
Показав нам и белую ночь, и молочный рассвет.
Навсегда покорён я красотами Санкт-Петербурга.

Живописных сокровищ без счёта хранит Эрмитаж,
Где цари собирали творенья великих талантов.
Галереи дворцов нас вели с этажа на этаж,
И покоится небо на спинах могучих атлантов.

Помнит многое в жизни своей золотой Петергоф:
Императорский бал и бомбёжку во время блокады.
Дивный парк, что разбит вдоль пологих его берегов,
Украшают, блистая на солнце, фонтанов каскады.

Сердце Питера – море, и, словно старинный фрегат,
Он плывёт через бури и волн бесконечные споры,
И скалою стоит средь залива отважный Кронштадт,
Как маяк, озаряя путь светом Морского собора.

Медный всадник на город глядит, грозно вздыбив коня,
И туманы столетий пронзает он взглядом суровым.
И надежда несмелая не покидает меня:
Буду я в Петербург возвращаться не раз ещё снова.

Анфиса ФЕДИНА

* * *

Располагает осень к грусти,
И дождь гулять меня не пустит,
И сторожит промокший кустик
речное устье.

Не может осень быть в ответе
За все несчастия на свете,
Но я грущу в минуты эти
о прошлом лете.

КРЫМ

Я помню детство, и стрекоз,
И кукурузные поля.
Ах, эта крымская земля
В душе осталась для меня
Страною Оз.

Ещё миллионер – колхоз,
Стада овец, коров и коз,
Росу снегурочкиных слёз,
И тучку помню, и утёс.

Хочу вернуться в детский мир,
Где чистым был ещё Салгир...
Но от того душа моя остыла,
Что не вернусь уж никогда
Туда,
Где детство позабыла.

Савелий КОСТРИКИН

* * *

Четыре месяца назад,
Ты посмотрел наверх и вышел
Из тела жизни. Помнят крыши,
Тебя и этот снегопад.

Четыре месяца назад
Душа твоя взметнулась в небо.
Живым – ты был, а мертвым – не был,
Так оглянись же вниз, на сад:

Четыре месяца назад,
Не ты уже, а новый кто-то,
Уснул в последнюю субботу,
Считая годы наугад.

Вита ПШЕНИЧНАЯ

НЕ СМОТРИ ВНИЗ

Время моё – разлитое солнце после дождя.
Время моё – ладонью раскрытой капли ловить.
Шумно машины мокрый асфальт бороздят,
День на излёте, закат начинает кровить.

Время твоё – ветер, солёный морской прибой,
Время твоё – лучом скользить вдоль окна.
И за делами я проговорю с тобой
В этот раз, наверное, дотемна.

Каждое слово и каждая мысль – ввысь:
Сколько их там – миллиарды – безвестных звёзд?
Их открывай. И не смотри вниз –
Здесь уже всё, что суждено, сбылось.

ПРИЧАСТИЕ

Улыбнись, слышишь? И вслед за тобой улыбнется Отец-Сын-Бог,
Приобняв за плечи тёплым ветром, далью ещё незнакомых дорог.
Во дворах сирень от себя в восторге, сводит прохожих с ума,
Улыбнись тому, как щедро весна опустошает свои закрома.

Эта вечная смена картин под небом никогда тебе не надоест.
Кажется, с полчаса назад солнце – разливалось, слепило, жгло.
А сейчас – полдень, тьма развалилась ленивым тюленем окрест,
Не успев добраться до дома, чертыхнёшься: «Не повезло».

Что ж, лови эти сочные капли, чтоб сразу и пригубить –
Трижды мысленно перекрестясь,
набери их в ладошку да причастись:
На тебя смотрит с улыбкой Отец-Сын-Бог, значит, время – жить,
Прошепчи по памяти «Отче...»,
и Ему в ответ с благодарностью улыбнись.

ЧЕТВЁРТОЕ АПРЕЛЯ

Снова циклон, ветер гоняет холод,
Как леденец во рту.
Мой ненаглядный, маленький мой город
Падает в темноту.

Снова весна зим прогоняет ересь,
Стынет моя земля.
А вдоль дорог ветками в небо целясь –
Ивы да тополя.

Вслушаешься в себя, затаив дыханье –
Вроде бы жив пока
И, ощутив птицы-души порханье,
Падаешь...
В облака.

Алексей ВОРОНЦОВ

ТРАМВАЙ

Решил: «Без вопросов!» и вышел в морозный
Февраль. На полозьях – рассвет вдалеке.
Фонарь над сугробом желтеет мимозой.
Как в сумке опоссума, спрятан в руке
Счастливый билет. Я спешу за трамваем.
Он тоже спешит, натянув провода.
Врезается улица в площадь – тараном,
А дальше – без края до звёзд города.
Кондуктор глядит безучастно, как время.
Зюйд-весты рисуют стрекоз на окне.
Я еду туда, где ни в чём не уверен,
А выйду, где кто-то уверен во мне.

СКОРЫЕ

Мимо бегут и бегут бесконечно «скорые»,
в жёсткой участвуя гонке.
Вышел взахлёб накуриться диспетчер.
Смена кончается, беды – нисколько.

Рвутся сирены из пробок, из правил.
Плещет, срываясь, материя мира.
С брючины фельдшер «Red Bull» вытирает,
врач – ей: «Попробуй хозяйственным мылом».

Снова закат чужеродным наростом
вылез на тоненькой ветке дороги.
«Через сто метров налево» – нервозно
голос стальной в навигаторе дрогнул.

«Скорые» мчатся – посёлки, районы.
Возле подъезда сантехник Савелий,
бабка Евлампия, ангел Григорий
«скорую» встретив, кивают: «Успели!»

Юрий КОЗЛОВ

ГУЛЛИВЕР И ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Фрагмент из нового романа «Тревожный список».

Скатываясь по вечерам с Садового кольца, солнце постепенно меняло траекторию. К концу сентября аптечный куб переставал наполняться красно-золотым иконным светом. Зато ветер, как почтальон, приносил из близлежащих скверов конверты сухих листьев, складывал их у входа в аптеку. Некоторые, видимо, заказные с уведомлением, влетали внутрь вместе с посетителями. В ту осень все жили ожиданием очередной волны (с каждой мутацией набирающего смертоносную мощь) вируса, прицепившегося к человечеству в две тысяча девятнадцатом году. Но в приходящих от природы письмах не было информации на этот счёт. Сами же люди давно перестали удивляться тому, что они (по Булгакову) «внезапно смертны».

Первая волна то ли лабораторного, то ли природного вируса накрыла Москву, подобно цунами. Прежняя тихая, покорная, но не голодная и относительно (если без разрешения не лезть в политику) спокойная жизнь в считанные дни растворилась в хаосе переполненных больниц, беготне закрученных в полиэтиленовые коконы врачей и медсестёр, укатываемых в реанимацию каталок с неподвижными, как мумии, пациентами. Паниковали (не зря посетил аптеку плешивый старик с лыжной палкой!) заболевшие и здоровые, боящиеся заболеть. Из всех (по Оруэллу, которого Ангелина Иосифовна, как и Достоевского, любила за исчерпывающее – ниже некуда – понимание человека) информационно-аналитических речекряков на головы пользователей обрушивались взаимоисключающие научные, псевдонаучные и конспирологические теории. По экранам телевизоров и компьютеров змеино ползли вверх зловещие графики.

Само происхождение вируса – от летучей мыши и неведомого, как из средневекового бестиария, чешуйчатого зверька панголина – наводило на мысли о нечистой силе и разверзшихся вратах ада. Вирус, как летучая мышь, летает и заражает везде, но спасётся только тот, кто в чешуе (панголина) иммунитета, которого нет, потому что нет вакцины.

А те вакцины, какие навязывают власти, подозрительны и сомнительны, как, собственно, всё, что исходит от власти. Прижившиеся в гаджетах-речекряках образы летучей мыши и панголина ненавязчиво намекали, что судьба человечества в руках (бритвенных крыльях, разящих когтях?) людей, напоминающих своим (внешним и внутренним) обликом эти существа. То есть тех, кто в секретной пробирке скрестил их гены, да и выпустил на страх людям вирус на волю.

Вирус на некоторое время заменил гонимого с лица земли истинного, вечного и триединого Бога, ввергнув народы в новое – лабораторно сконструированное – тёмное Средневековье. Лабораторный бог (вослед артериальному и всем прочим проснувшимся на безбожье богам) дал миру ускоренное равенство по библейскому принципу «нет ни эллина, ни иудея». Он карал (отнимал жизнь) и миловал (позволял выздоравливать) по случайной, но справедливой (кто в жизни без греха?) выборке. Пророком вирусного бога была объявлена вакцина. Героями речекряков стали засекреченные (со скрытыми под забралами лицами) учёные, производящие таинственные манипуляции с пробирками внутри вращающихся инновационных медицинских агрегатов. Они, как мельничные боги, перемалывали зёрна массового сознания в муку для выпечки новых (отнюдь не евангельских, какими Иисус кормил голодных) хлебов. Массы понуждались к вере в добрые намерения того (тех), кто (опять же, если верить конспирологическим речекрякам), их уничтожал – подчищал биологический мусор по своему усмотрению. Это была следующая стадия выученной беспомощности – выученное смирение перед предлагаемой участью, покорность как воля. Божественное первородство при этом менялось не на олицетворяющую привычную жизнь «до» универсальную (кому арбуз, кому свиной хрящик) чечевичную похлёбку (умирали от вируса далеко не все), сколько на взявшуюся всё на свете регламентировать, всем управлять цифру.

Как некогда русская императрица Анна Иоанновна, цифра нагло и победительно разорвала ограничивающие её волю кондиции. Отныне она определяла жизнь разогнанных по квартирам законопослушных граждан, наделяла их электронными кодами, то запрещала, то позволяла выходить из дома, ездить в общественном транспорте, ходить в гости или ещё куда-то. Цифра стала хранительницей («от зловонной пелёнки до савана смердящего», как говаривал герой одного американского романа) знаний о человеке. А где знание, там управление. Бог, управляя сущим, имел в виду дарованную Им человеку душу, как нечто высшее и иррациональное, способное перевернуть с ног на голову любое социальное или межличностное уравнение. Цифра не знала души – оперировала исключительно числами.

Никто не знал, откуда взялась всемогущая цифра, где пряталась до вирусного «часа икс»? Она слилась с ним в экстазе, растянула час на годы, а там, глядишь, и на всю оставшуюся жизнь. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – провозгласила вослед Фаусту цифра.

И оно остановилось.

Для всех, кроме цифры.

Она готовилась вновь удариться о землю, обернуться (никто точно не представлял, как он выглядит, но многие верили, что он «при дверехъ», как писал про Антихриста в начале прошлого века философ Нилус), чипом. Публицисты и философы гадали, как сильно изменится мир, когда (если) схлынет вирусно-изоляционно-цифровое безумие, что уцелеет под обломками? Или обломки (свалка?) и станут новым миром?

Ангелина Иосифовна не то чтобы знала наверняка, но подозревала ответ. Он бы не понравился проснувшимся на безбожье, зачастившим в аптеку и по её душу новым богам.

Цифру-чип, как злую собаку, вёл на поводке искусственный интеллект. Да, он мог на время подчинить, но не мог окончательно победить природу человека, внутри которой сплетались и расплетались два фантома – «душа» и «смерть». Искусственный интеллект правил здесь и сейчас, где хозяйничал невидимый вирус, но не там, где взаимодействовали нелюбезные ему фантомы. Пока существовало недоступное искусственному интеллекту внецифровое пространство, человек гнулся, рабствовал, трусил, но держался. Именно поэтому ИИ, как его называли просвещённые граждане, по умолчанию стоял на том, что души нет, а смерть удастся со временем бесконечно отсрочить, возможно, с помощью этого или другого чипа. Пока что люди должны были привыкнуть к бесконечным прививкам и (снова по умолчанию) чипам. Им надлежало безропотно впускать, не спрашивая, в своё тело некие, сконструированные загадочными существами в скафандрах и без лиц, химико-биологические препараты.

Если вирус был ситуационной реальностью «по требованию», то ИИ душил человеческую душу в поте лица (если, конечно, у компьютеров потеют экраны), трудился над созданием резервной копии исходного материала – цифровой души. Всё внецифровое было для ИИ чем-то вроде протестного сетевого ресурса, где зреет неповиновение, своего рода «даркнета», где творится преступное и непотребное. Поэтому неконтролируемое прибежище антицифровиков, как до этого патриотизм – подтверждённое и доказанное в безнациональную либеральную эпоху «прибежище негодяев» – следовало уничтожить, как некогда римляне уничтожили Карфаген.

Пока ИИ разминался, нагуливал силу, орудовал, как разведчик (шпион) под прикрытием вируса. «I am a spy in the house of pandemia» мог бы он спеть, перефразируя Джима Мориссона. Лучше бы он, подумала Ангелина Иосифовна, словно ИИ был из плоти и крови, в возрасте двадцати семи лет (первое числовая граница отсечения гениев, если вспомнить Лермонтова, Перси Биши Шелли, Кристофера Марло, Новалиса и прочих) оказался в Париже и не проснулся утром в ванне.

Но ИИ был везде и не пользовался ванной.

Напуганный вирусом мир, подобно советской игрушке «ванька-встанька» (сейчас такие не делали) гнулся под вездесущей рукой ИИ. Но как только рука отвлекалась и (по техническим причинам) отпускала – возвращался, мелодично позванивая, в прежнее состояние. В Средние века разгорячённые пассионарные толпы громили и жгли чумные бараки, убивали ходивших в чёрных хламидах, страшных масках со стеклянными глазами и кожаными клювами, похожих на вылезших из-под земли адских птиц, врачей. Верующим

в Небеса, Христа и Богородицу простецам было трудно (хотя бы в силу их внешнего вида) поверить в добрые намерения этих существ.

За всё время катящихся по планете эпидемических волн не пострадал ни один центр, где конструировались смертоносные вирусы. Напротив, только на них и уповал ожидающий исцеления, жаждущий возвращения привычного бытия всемирный «ванька-встанька». Он привык к бесперебойно подливаемой в его тарелку чечевичной похлёбке в виде круглосуточных торговых центров, фаст-фуда, фитнесса, барбер-шопов, турагентств, улетающих к тёплым морям чартеров, дешёвому алкоголю в отелях «всё включено», кофеен, суши-баров, супермаркетов, одежных аутлетов, смартфонов, купленных в кредит квартир и автомобилей. «Ванька» не понимал, почему он должен всего этого лишиться, а потому злился и наивно требовал от сбившейся с ритма, склоняющей выю пред волей ИИ реальности: «Встань-ка»!

В детстве у Ангелины была такая игрушка, только она звала её не «ванькой», а... Иосифом. Она сама нашла её (или его?) на аллее под скамейкой, где сидели, а потом ушли бабушка в напоминающей сказочный чепец шляпке (Ангелина всё время пыталась рассмотреть, какие у неё зубы) и внучка с красным бантом на голове. Ангелина в тот день скучала у подъезда, переводя взгляд с держащей рот на замке бабушки на ворону, размачивающую в луже хлебную корку. Она придерживала её лапой, слегка поддалбливала клювом, ускоряя процесс, и одновременно не упускала из вида другую ворону, заинтересованно наблюдающую за ней с ветки.

Мать ожидала своего приятеля Борю, чтобы отдать таблетки.

Услышав жалобный звон задвигаемого ногой под скамейку «ваньки», Ангелина отвлеклась от вороны и сразу догадалась, что игрушку намерены как бы случайно забыть, но на самом деле избавиться. Так, спустя десятилетия, будут поступать с книгами, забывая их на подоконниках в подъездах, а то и просто на улице. Потускневшие, прошедшие через множество рук и глаз обложки, серые, переворачиваемые (последним читателем) ветром страницы казались Ангелине Иосифовне обескровленным символом лежащей на смертном одре доцифровой, то есть книжной, эпохи.

А тогда в далёком детстве она пронзительным (вороньим?) взглядом разглядела облупленную потёртость «ваньки», круглые обиженные глаза и нечёткие пуговицы на нежно-коричневом комбинезончике. Это было невозможно, но она заметила прозрачную слезу, стекающую по его круглой щеке.

В кармане у Ангелины лежали две похищенные таблетки из пластмассовой цилиндрической ёмкости, предназначенной Боре. Ей стоило немалых трудов бесшумно приоткрыть плотно присосавшуюся крышечку, чтобы выпустить из него, как белых мух, две таблетки. Она ещё только собиралась их съесть, но уже знала, что они усмиряют боль в нижнем правом углу живота. У Ангелины никогда там не болело, но живущая в её маленьком теле сила требовала таблетки, и она не могла отказать. Ночью, когда мать ровно

засопела в своей комнате за полуоткрытой дверью, она в ночной рубашке по протянувшейся из окна лунной стрелке прокралась к её сумке. Ангелина смотрела на свои пальцы и не верила, что это её пальцы. Они сделались длинными и гибкими, сами развели тугую «молнию» на сумке, безошибочно нащупали пластмассовый контейнер, клейко оплели его, долго сжимали и вращали, пока сквозь избежавшую надлома крышку не выкатились на ладонь две (больше было нельзя!) таблетки.

Едва только она подумала, что готова поделиться одной с оставленным под скамейкой «ванькой-встанькой», как в правой нижней части её живота что-то испуганно сжалось, а потом по нему пробежала судорожная, но невыносимо сладкая волна. А если две таблетки, догадалась Ангелина, будет так приятно, что я умру. Я знаю, успокоила она живущую в ней встревоженную силу, игрушки не принимают лекарства, я пошутила.

Как только девочка с красным бантом и так не показавшая волчьи зубы бабушка в чепце, раскрыв зонты, отошли подальше, она бросилась за «ванькой», едва не угодив под завизжавший тормозами и словно подпрыгнувший на месте лиловый «москвич», из которого выскочил, ругаясь, этот самый Боря.

Мать спокойно отреагировала на происшествие, как если бы её дочь только и делала, что бросалась под колёса. Когда Ангелина вернулась, пряча за спиной «ваньку», она брезгливо заметила:

– И не думай! Какой мерзкий цвет, как будто весь в дерьме.

– Ты могла погибнуть! – опустился перед Ангелиной на корточки, прихватив её за пуговицу, Боря. – Разве можно так прыгать?

Ангелина не ответила. Боря поднялся, посмотрел на мать:

– Сам не знаю, как успел! Еле доехал. Тормоза сдохли. Колодки стёрлись, педаль проваливается. А тут она... Думал, всё!

– Напрасно, – едва слышно произнесла мать, но Ангелина расслышала, – её так просто не убьёшь...

У Бори были толстые мясные губы и овальный лысый лоб с отступающими к ушам и затылку кустиками чёрных волос. Лицо Бори напоминало мятый жёлтый абажур. Ангелина видела его первый раз в жизни, но откуда-то знала, что он не злой человек, и таблетки определённо ему нужны. Но те, какие, взяв деньги, передала ему мать, были слишком трусливыми и осторожными, чтобы потревожить чёрную змейку, угревшуюся у Бори под рёбрами, не говоря о том, чтобы её прогнать. Ангелина, взглянув на Борю, сразу почувствовала, что змейка никуда не уползёт, разве чуть пошевелится, выбирая другое место. Она, и это каким-то образом стало известно Ангелине, сама решала задвинуть Борю как «ваньку-встаньку» под скамейку, откуда не забирают, или позволить ему ещё немного покачаться, позвенеть.

«Его не вытащить из-под скамейки», – чуть не расплакалась Ангелина, перекатывая в кармане таблетки.

Боря – большой и пока живой «ванька-встанька» – рассеянно потрепал её по голове:

– Я куплю тебе нового, – кивнул на пластмассового.

– Ни в коем случае! – немедленно встряла мать. – Это уродство!

Ангелина подняла голову и удивилась, какой большой у Бори нос. Он качался над ней, как ветка. У пластмассового нос был пуговкой.

– Пусть, – сказал Боря, – пока поиграет с этим, я завтра привезу хорошего.

– Змейка, – сказала Ангелина, – ест животик.

– Что? – наклонился Боря.

– Я говорила тебе, – вздохнула мать, – она сумасшедшая. Не обращай внимания.

Спрятав за спину «ваньку», Ангелина выскользнула из-под Бориной руки. Он вдруг показался ей Гулливером, невидимо опутанным изнутри чёрной змейкой, как верёвкой.

Дома у них была тяжёлая глянцевая книжка про Гулливера с иллюстрациями. Ангелину потрясли благородные в бальных платьях и лентах с орденами лошади, запрягавшие скотоподобных людей в повозки. Она так долго смотрела на картинку, что комната как будто перевернулась. Потолок стал полом, шкаф засучил в воздухе подломленными пыльными ножками, кресло повисло над ней серым облаком. Значит, вот как может быть, в ужасе смотрела на тянущих повозку мужчин и женщин Ангелина, неужели и нас с мамой... погонят? Кто-то подарил книжку матери, как бонус к расчёту за таблетки. Ангелина просила почитать, но мать редко соглашалась: «Отвали, я устала. Кстати, в твои годы я сама читала!»

Ангелина вдруг почувствовала на себе немигающий удивлённый взгляд змейки. Та даже как будто вздёрнулась, зашевелив раздвоенным язычком, на хвост, чтобы лучше её разглядеть. Совсем, как бабушка-волк Красную шапочку, прижала к себе «ваньку» Ангелина.

Боря схватился за живот.

– Соглашайся на операцию, – сказала мать, – чего тянуть, станешь как новый.

– Ты права, – вздохнул Боря, – окончу курс, – потряс, как погремушкой, контейнером с таблетками, – и – под скальпель. Какие ещё варианты?

– Всё будет хорошо, – взяла его за руку мать, – вот увидишь.

– Дрянь, отстань от него! – топнула ножкой на змейку Ангелина.

– Ну вот, то слёзы, то истерика, – покачала головой мать.

Ангелине показалось, что змейка сошла с хвоста, вернулась на место, то ли зевнув, то ли презрительно улыбнувшись. И только спустя мгновение до неё дошло, что змейка ей... подмигнула. Да, именно подмигнула, как своей... подружке или сестричке. Ангелина снова топнула ножкой. Ей показалось, что её, как несчастных людей в «Гулливере», запрягают в повозку, где, помахивая хлыстом, расположилась эта самая насмешливая змейка.

– Не повезу! – крикнула Ангелина.

Мать размахнулась, чтобы отвесить ей подзатыльник, но Боря перехватил руку:

– Не дури!

Он не привёз ей новую игрушку.

На следующий день Боря убился, врезавшись на лиловом с худыми тормозами «москвиче» в гружёный песком самосвал. Тормоза, чудесно сработавшие у подъезда Ангели-

ны, отказали при встрече с песочным самосвалом. Ангелина запомнила день, когда мать вернулась с похорон.

– Надо же, – задумчиво произнесла она, глядя на себя в зеркало (она любила разговаривать со своим отражением), – никогда не замечала, что у него такой огромный пеликаний нос...

Ангелина убежала в свой уголок за диваном, вытащила из вертикально поставленной за занавеской (чтобы мать не заметила) обувной коробки (он тесно жил там, как в лифте) «ваньку» (тогда ещё не Иосифа). Ей было жаль Борю, а ещё – что он не привезёт нового «ваньку». Но это можно было пережить. Она успела привыкнуть к подскамеечному в коричневом со стёртыми пуговицами комбинезончике. Двух позванивающих «ванек» – старого и нового – мать бы совершенно точно не потерпела. А ещё она подумала о чёрной змейке. Расставшись с Борей, та не забыла про Ангелину, но стала другой, обрела невидимую воздушность. Уже не высасывающая внутренности змейка с хвостом и раздвоенным язычком, а нечто непонятное и тревожное, вроде скрытого ветра крутилось вокруг Ангелины, обвивало кольцами. Змейка, догадалась она, может превращаться во что угодно, и оно почему-то прицепилось ко мне, как репейник к чулку.

«Что угодно» первично и неделимо, повзрослев, посидев над трудами философов, почти научно сформулирует она, а змейка, Пан, артериальный и прочие боги – суть бесконечные проявления, умножения его сущности. Лезвие Оккама разило в обе стороны, и человечество, соответственно, могло выбирать: стоять как камню на единой (не умножаемой и не делимой) сущности – добродетели и справедливости для всех, как призывал Иисус Христос, или – дробить её, размалывать на миллиарды (по числу населяющих Землю людей) индивидуальных сущностей, подобных бессильным, гонимым ветром песчинкам. Камень Христа (как кантовская «вещь в себе») был грубым, но прочным материалом для строительства (без излишеств), но укрывающего от злого ветра дома. Песок – всего лишь вспомогательным элементом в штамповке блоков, из которых безумные архитекторы возводили неестественные, наподобие библейской Вавилонской башни, конструкции. Человечество, поправ камень, переумножало сущности даже не до мышей (как в известном анекдоте или эксперименте «Вселенная-25), а – до неуловимых смертельных вирусов, то есть до самоуничтожения.

На столике перед зеркалом мать держала песочные часы. Ангелина любила их переворачивать, глядя, как тоненькая искристая струйка сочится вниз сквозь стеклянное ушко. Услышав про самосвал, она, помнится, подумала, что люди – это песок, а самосвал – часы змейки. Захочет змейка, песок сквозь ушко будет сочиться медленно. Захочет – перевернёт самосвал, и песок высыплется разом. Каким-то (не словесным) образом насмешливая змейка довела эту мысль до сведения маленькой Ангелины.

Всё внутри неё сладостно затрепетало, когда она стиснула в ладошке две похищенные из предназначенного Боре пластмассового контейнера таблетки. Поселившееся в ней змеиное «что угодно» жадно требовало – глотай! Ангелина знала, как ей будет хорошо, какая

сладостная волна качнёт её, как «ваньку-встаньку», какая волшебная мелодичная музыка зазвучит внутри неё. Но придержала рвущуюся ко рту руку. Выскочила на лестничную площадку, разжала ладонь, растоптала каблучками таблетки. «Я! Сама!» – стучало в голове. Ей казалось, она топчет вертящуюся под ногами змейку, отдирает репейник прицепившегося к ней «что угодно». – «Буду! Решать! Когда и как! Не вы! Я!» – Ещё и плюнула, размазала таблеточную пыль на бетонном полу во влажное пятнышко. Почему-то оно показалось ей... глазом. Чьим? Глаз в белесых пыльных ресницах внимательно и задумчиво смотрел на неё из-под побитых ботинок. Ангелина испуганно сошла с влажного пятнышка. Плевать в глаз, догадалась она, не следовало. Как в считалке: первый раз прощается, второй раз запрещается, а третий...

Ей стало страшно, словно она, сама не зная как, пробежала по узенькому без перил мостику над пропастью.

Вернулась в квартиру.

–Ты ему понравилась, – отойдя от зеркала, заметила Ангелину мать. – Мне рассказали: гнал из Мытищ, только там отыскал магазин, где были эти... – Огляделась, но коробка с «ванькой» уже была задвинута за шкаф. – Кто знает, вдруг хотел тебя удочерить, а на мне жениться? Не судьба, – грустно покачала головой.

Леонид БЫКОВ

ЖИВЯ В ПРОВИНЦИИ, ЖИВИ В РОССИИ

О диалектике регионального и национального в литературе

Когда-то Пётр Первый настаивал на том, что Россия – не просто государство, но, подобно Азии, Европе или Америке, часть света. А двумя столетиями позже другой государственный муж – Сергей Витте произвёл – уж не знаю, по какой методике – подсчёты и по его выкладкам получилось, что со времен Ивана Грозного Российская империя ежедневно расширялась на 64 квадратных версты. К началу XXI столетия пространства России в сравнении с дореволюционными её границами заметно поубавились, однако она все равно остается во многих отношениях страной больших масштабов.

География для России – и впрямь наука государственной значимости. Ведь если говорим «страна», имеем в виду прежде всего не столько народ, население, культуру, сколько именно место. Территорию. Зону на карте. Живущим в России, глядящим на Россию есть на что посмотреть.

Пространства в Отечестве и сегодня так много, что оно постоянно спорит со временем, поглощает его. Помните Некрасова: «В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война, / А там, во глубине России, / Там вековая тишина». А в поздней эссеистике Андрея Битова встретился такой пассаж: «Если человек изобрел тюрьму, чтобы заменить пространство временем, то в России время заменено пространством».

Россия – разновременная страна. В буквальном и переносном смыслах. У нас 11 часовых поясов. Во всей Европе – три. Мы восхищены и порабощены территорией. Это наше счастье: завоеватели в прежние времена буквально терялись в этих бесконечностях, да и богатств на этой бескрайности и в её недрах меряно-немеряно. Но это и вечная наша проблема: как нам с этой территорией сладить, как нам обустроить её, эту бескрайность?

И в литературном отношении Россия – это тоже страна больших масштабов. Какими свершениями мы можем гордиться? Главным вкладом в мировую победу над фашизмом, полётом Гагарина и нашими литературными классиками. Толстой, Достоевский, Чехов – в сокровищнице человечества эти имена рядом с Шекспиром и Гете. Масштабнее – нет.

Но – как и в случае с территориальным размахом – наша классика задает и масштабность спроса. Есть на кого равняться. Есть с кем сравнивать. Причем посмотрите, как себя

позиционировали многие местности: Ростов Великий, Новгород Великий, Пермь Великая – это же не просто претенциозные топонимы. И живём мы в культуре Великого Толстого, Великого Пушкина, Великого Чехова. Это обязывает.

Литература, понятно, не признает координат локальнее национальных. И Андрей Платонов, откликаясь на сборник стихов, вышедший в одном из периферийных издательств, резонно подчеркивал, что каждая область может обеспечивать себя картофелем и прочими овощами, но не нуждается в «областных» прозаиках и поэтах. Отечественная словесность – явление целостное и единое. В ней нет сибирских, уральских, поволжских и прочих автономий. И в то же время, поскольку российские регионы столь вариативны по своим природным, климатическим, этническим, культурным и экономическим условиям, мы, говоря о российской литературе, с неизбежностью ведем речь о единстве многообразия.

Русское в художественной словесности исторически складывалось именно из московского, питерского, смоленского, уральского, донского. Этот баланс разноречия обусловлен, с одной стороны, единым литературным языком, национальными традициями, общегосударственными ценностями и приоритетами, а с другой стороны – отчётливыми особенностями географического положения, местного диалекта, быта, хозяйственного уклада, что и позволяет говорить о региональном самосознании.

Есть много Россий в России,

В России несхожих Россий, –

такой, кажущейся тавтологической, констатацией А. Солженицын начал одно из лагерных стихотворений. Фольклористам известна характеристика индейского племени наваху, которое было настолько бедным, что не имело ни одной песни. Наше Отечество песнями богато. Мы богаты целыми литературами. Причем в нашем разноплемённом культурном пространстве богаты не только литературами национальными. Словосочетания «литература Сибири», «литература Урала», «Литература тюменского Севера» столь же привычны в литературоведческом и критическом обиходе, как и формулы «Русская литература XVIII века» или «Литература русского Парижа».

Но эта привычность – исторически недавняя. Ей и двух веков нет, тогда как русская словесность свою биографию исчисляет тысячелетием и при этом до середины века XIX говорить о региональных вариантах поводов не давала.

В ту пору могло показаться, будто за пределами российских столиц, как и вообще в русской провинции, нет примечательных литературных явлений, поскольку нет, по словам М. Салтыкова-Щедрина, «главного условия, которое необходимо для жизни деятельной и полагающей почин, – нет самосознания». Характерная для России «власть шири» (Н. Бердяев) обернулась в истории страны жесточайшим централизмом во всех сферах жизни, в том числе и в литературе. Провинция на Руси издавна воспринималась как источник, из которого можно и нужно черпать деньги, товары, природные и людские ресурсы. Не удивительно, что в столицах (одной для бескрайнего нашего Отечества всегда было

мало) и концентрировались практически все литературные силы: там жили писатели и критики, там были журнальные редакции и книжные издательства.

Не зря же молодого М. Горького наставлял Чехов: «Литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции... Естественное... состояние литератора – это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой. Не боритесь с естеством, покоритесь раз навсегда – и переезжайте в Петербург». Реальной была ситуация, если воспользоваться образом из давней статьи Апполона Григорьева «Москва и Петербург», гипертрофии сердца и головы за счёт дистрофии остального тела.

Поэтому понятна гордость Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852 – 1912), утверждавшего, что именно он открыл для русской культуры целый край, называющийся Уралом, и подтвердившего данные слова «Уральскими рассказами» и «уральскими романами» («Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца»). Познакомившись с ними, Чехов написал, имея в виду их героев: «Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их ни толкли в ступе, а они всё – зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепышей, – сильных, цепких, устойчивых чернозёмных людей, то как-то весело становится...».

Показательна в частности, оговорка Мамина в одном из очерков: «Урал, как и вся Сибирь...». Иными словами, ещё полтора столетия назад Урал воспринимался как начальная часть сибирской шири и лишь позднее стал осознаваться — во многом благодаря именно сочинениям Мамина – как отличное от других российских регионов место. (Можно в этой связи сказать и так: если Петербург для России, по Пушкину, – окно в Европу, то Екатеринбург – это дверь из Европы в Азию и из Азии в Европу).

М. Горький в поздравительной телеграмме к 75-летию Д.Н. Мамина-Сибиряка (октябрь 1912 г.) имел право написать: «Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом – это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш».

Конечно, литературный дар Мамина, ставшего Сибиряком, был не столь внушителен, как у его великих современников – Льва Толстого, Федора Достоевского или того же Чехова. Но его талант счастливо соединял «человековедческие» способности с трезвостью социолога. Не потому ли именно в творчестве нашего земляка укреплявший тогда свои позиции российский капитализм получил сколь разностороннее, столь и выразительно-взыскательное истолкование. И, конечно же, правы нынешние публицисты и критики, когда полагают, что в современной России книги Мамина-Сибиряка актуальны не менее, чем в пору своего выхода.

Не забудем и ещё одно писательское имя – Федор Михайлович Решетников (1841–1871). В полной мере к самому этому автору можно отнести то, что он сказал об одном из униженных обстоятельствами своих персонажей: «Родился человек для горе-горькой жизни, весь век тащил на себе это горе, оно и сразило его. Вся жизнь его была в том, что

он старался найти себе что-то лучшее...». Именно этому писателю, однажды прозорливо сформулировавшему: «Богатому человеку везде хорошо, а бедному везде плохо», – по убеждению М.Е. Салтыкова-Щедрина, «бесспорно первому принадлежит честь открытия драмы в жизни русского мужика. Эта драма очень большая и называется борьбою за существование». Уроженец Екатеринбурга своей прозой, верной традициям «натуральной школы» (повести «Горнозаводские люди» и «Подлиповцы», романы «Свой хлеб» и «Где лучше?»), предвосхитил ряд черт, характерных в дальнейшем для творческой практики уральских реалистов.

Опыт существования «на миру», интерес к жизневосприятию не столько индивидуальному, сколько распространенному в силу его обыденности, и, соответственно, к носителям и выразителям этой «роевой» психологии – людям, что называется, рядовым, вписывающимся в ту или иную среду без «именного» остатка, осознание важности трудового фактора в судьбе человека, трезво-взыскательное отношение автора к персонажам, какое бы сословие они ни представляли, чуткий «этнослух» – эти особенности, сближающие страницы Решетникова и Мамина-Сибиряка, дадут о себе знать во многих книгах «уральского» происхождения, в следующем веке и новых исторических обстоятельствах созданных на земле, соединяющей (как и всякая граница) отечественную Европу и отечественную Азию.

По мере развития в стране газетно-журнального дела, книгоиздания и книготорговли, а также постепенного (в дооктябрьскую пору), а затем и стремительного (в 1920–1930-е гг.) изживания массовой неграмотности литературная жизнь стала – при сохранении центростремительного вектора – прорастать сквозь вековую тишину (вспомним некрасовские строки) и во глубине России.

Конечно, почти все из публиковавшегося в эти десятилетия в литературных рубриках областных изданий едва ли правомерно считать собственно литературой. На первых порах таковую замещала, скорее, литературная активность. В кружках и объединениях обсуждались рукописи их участников, знакомились с азами версификации, происходили встречи с посетившими Урал именитыми авторами (так, в 1928 году во время трёхдневного пребывания Маяковского в Свердловске поэт встретился с рабкорами города и членами литературной группы при газете «На смену!»). И то, что получало доступ к печатному станку, было, как правило, местной литературной самодеятельностью. Особенно бурно подобное любительство заявило о себе на Урале, как, впрочем, и в других регионах страны, на рубеже 1920 – 30-х гг. Российские окраины переставали считать себя захолустьем, и созидательное движение времени здесь проступало с большей очевидностью, нежели в центре.

Для нас несомненна утопичность тогдашних упований на то, что зримая трансформация государственных, экономических и идеологических основ жизни обернется коренным преображением человеческой природы, и на роль литературы и искусства в этих глобальных проектах. Столь же очевидно ныне, какими трагедиями сопровождалось масштабное и безоглядное стремление приблизить «даль социализма». Но поэт не лукавил,

когда, характеризуя атмосферу первых пятилеток, утверждал: «...не знала / Вселенная от века никогда / такой великой жажды идеала» (Е. Винокуров).

Конъюнктурных сочинений, какая б ни была эпоха, в печати всегда избыток. Оставляя таковые «за кадром», подчеркнем, однако, что многие из тогдашних публикаций, славивших социалистическую новь, подписаны ли они известными всей стране именами или же помечены фамилиями, не знакомыми даже историкам литературы, возникли не под диктовку извне, а по искренней личной потребности авторов. И, сознавая, что литература тех лет – особенно если судить по тогдашним изданиям – не сказала многое из того, о чем поведали публикации перестроечной поры, согласимся, тем не менее, с тем, что и без запечатлевшегося в советских публикациях той поры. эти десятилетия не представить и не понять.

Масштабность выдвинутых эпохой планов поражала и воодушевляла тем более, чем зримее становились и свершения. Вспомним признание персонажа одного из рассказов А. Платонова: «Работа большая, а мы её делать будем и сами из маленьких большими сделаемся». И, пожалуй, не был фальшивым пафос слов Николая Куштума, произнесенных в 1934 году с трибуны Первого Всесоюзного съезда советских писателей: «Нам, уральцам, нет надобности выдумывать темы для стихов. Лучше того, что есть в нашей жизни, не выдумаешь. На Урале происходят героические события, которыми пронизано всякое, даже самое маленькое, будничное, на первый взгляд, дело...»

И здесь уместно сказать вот о чем. Русская литература дооктябрьской поры, осмысляя и в вершинных явлениях, и в тех, что не стали классикой, многообразные связи человека с обществом, показала напряжение духовных исканий личности и выявила насущность многих экзистенциальных проблем. Не пренебрегая этим содержательным опытом, словесность советских лет особое внимание уделила роли труда, благодаря которому многое изменялось и в действительности, и, хотелось тогда верить, в самом человеке.

Труд как ценностное мерило личности, мастерство как показатель самореализации индивида в любых социальных обстоятельствах – этот смысловой акцент особенно примечателен для литературных реалий, возникших на Урале в XX веке, будь то создания таких мастеров, как Павел Бажов или Борис Ручьев, будь то строки скромных работников литературного цеха вроде Михаила Пилипенко, автора стихов всем памятной «Уральской рябинушки», или Людмилы Татьяничевой (помните: «Когда говорят о России, / Я вижу свой синий Урал...»).

Литературный процесс второй половины XX века подтвердил правоту строк классика: «Пиджак Москвы для России узок» (В. Маяковский). И ежели центр долгое время смотрел на литературу, создаваемую в областях и весях, как, по остроумному наблюдению, Онегин на Татьяну в первых главах пушкинского романа, то, начиная с «оттепельной» поры, характер отношений стал заметно меняться.

Спросим себя, кого до середины минувшего столетия знали в России из числа тех литераторов, что работали в XX веке не в окрестностях Кремля и не на брегах Невы? Того же автора «Малахитовой шкатулки» да станичника Виталия Закруткина с его «Матерью

человеческой» (о Шолохове – разговор особый: свою Вешенскую он сделал донским филиалом столицы). А в последующие десятилетия всесоюзно известными стали А. Вампилов и В. Распутин из Иркутска, В, Астафьев и М. Тарковский из Красноярского края, уральцы В. Крапивин и Н. Коляда, воронежец Г. Троепольский, Е. Носов из Курска, Н. Рубцов и В. Белов из Вологды, В. Лихоносов из Краснодара, В. Курбатов из Пскова... Ограничу перечень этой дюжиной, сознавая его пестроту и возможность удвоения.

Но не секрет ведь, что российскую, а то и больше известность этим мастерам принесли опять-таки столичные публикации их произведений или об их произведениях. Вот почему понятна мольба омича Аркадия Кутилова: «Приласкай ты, столица, Пирата,/ Хоть разок, хоть, разок, хоть разок...», или надежда моей землячки Л. Ладейщиковой: «Хочу, чтоб столица открыла/ На дальние дали глаза». Вспомним по этому поводу драматизм литературных судеб Николая Никонова и Алексея Решетова. Оборотной стороной такого невнимания бывает провинциальная спесь, и тогда не лишенный способностей стихотворец может с прискорбной горделивостью заметить: «Я – поэт провинциальный, / Я – поэт принципиальный, / Не сменяю я Челябинск на какую-то Москву» (С. Семянников). Заслуживает в этой связи размышление драматурга Н. Коляды о Федоре Решетникове: «Одна из причин его «забытости» заключается в том, что у нас большая страна, у нас всего много...»

Повторяю, этот аспект сколь существен, столь и драматичен для творческого самочувствия и поведения многих литераторов, живущих в провинции. Региональной литературы не бывает, но бывают, как тот же Николай Никонов, региональные классики. Если бросить взгляд на восток, в сторону Тюмени, такими знаковыми фигурами видятся прозаик Константин Лагунов, драматург Зот Тоболкин, поэты Пётр Суханов и Николай Шамсутдинов, документалист Анатолий Омельчук. Курган по праву гордится Виктором Потаниным, Челябинск – Ниной Ягодинцевой и Николаем Годиной. Их книги – это честная литература, свидетельствующая не только о свойствах и масштабе дара его обладателя, но и о том, что регион обладает несомненным культурным потенциалом и что не только в столицах, но и за МКАДом происходит насыщенная творческая жизнь.

И потому крайне важна роль критики и литературоведения того или иного региона. Осмысление специфики и роли регионального фактора в русской литературной реальности, занимала и продолжает занимать многих гуманитариев. И отрадно, что проблемы, некогда мучившие таких «сибирских областников», как Г. Потанин и Н. Ядринцев, и таких профессионалов, как Н. Пиксанов и Н. Анциферов, стали заботой литературоведов и критиков нового времени. Это А. Казаркин в Томске, Н. Рогачева, Е. Эртнер, С. Комаров – в Тюмени, В. Лукьянин, В. Блажес, Е. Созина, О. Зырянов – в Екатеринбурге, В. и М. Абашевы в Перми... Их труды последних десятилетий и особенно последних лет (в частности, выделю уже вышедшие два тома академической «Истории литературы Урала» и ранее изданную «Бажовскую энциклопедию») позволяют надеяться на то, что карта истории и дня текущего отечественной словесности перестает быть контурной.

Василий КИЛЯКОВ

УЧИТЕЛЬ

В жизни человека ищущего сочетаний «прекрасного и вечного», кроме дней его рождения, женитьбы, появления на свет детей (этих по-настоящему значительных для него событий), – есть ещё и дни незабываемые, определяющие – это дни встречи с духовным авторитетом. Таким авторитетом, такой личностью стал для меня мой учитель Михаил Петрович Лобанов.

Помню первую встречу с Михаилом Петровичем. Эта встреча произошла в августе того трагического для моей страны 1991 года, когда я приехал на сдачу экзамена по «мастерству» (пройдя творческий конкурс в Литинститут «на отлично» – и на критику, и на прозу, и был окрылен этим успехом). По Москве уже ехали бэтээры, танки.

Я знал тогда к кому и зачем я поступаю в Литинститут, вполне определился в своих чаяниях и ждал встречи с автором «Аксакова» и «Островского» в ЖЗЛ, настоящим мастером, человеком, написавшим: «Из памятного», книгу «Надежда исканий», в которой тончайшим образом разобраны были литературные опыты студентов, – и то, как они были разобраны – не оставляло в душе моей никаких сомнений, что учиться необходимо именно у Лобанова. Если подлинно желаешь понять хоть что-нибудь в этом «прекрасном и яростном» мире, в литературе – нужно идти от подлинного, пережитого. Только тогда этот путь станет «дорогой к себе».

Сегодня, когда прошло много лет, я вижу, что не ошибся. Я поступал к нему три раза, поступал, выбирая именно тот поток, которым руководил он. А тогда, в 91-м я прошёл творческие конкурсы по жанрам критики, – к Е. А. Сидорову (будущему министру культуры) и – по жанру «проза», к Лобанову М. П., – я ни минуты не сомневался на ком из преподавателей остановить свой выбор, если, конечно, Михаил Петрович примет меня. (Танки, однако, уже пыхтели по брусчатке Москвы...)

«Поднимись во весь свой рост, гордый русский человек, и пусть содрогнутся в мире все, кому ненавистна русская речь и нетленная слава России», – писал Л.М. Леонов. Вот это именно: самоуважение, уверенность в себе и судьбах Родины – и внушил нам Михаил Петрович, всем видом своим, образом мысли и творчества. Он – прямой продолжатель дела Л. Леонова, отдал годы жизни изучению его творческого наследия, разговаривал с ним, учился у него, перенимал и впоследствии передавал нам те каноны жизни и «самостояния», которые несла русская интеллигенция той ещё, «царской», эпохи. Я не знаю человека, кто мог бы лучше, подлиннее, «первозданней», что ли, – донести до нас, тех, тогдашних студентов тех «перестроечных» времен либерального перелома – главную мысль, идею неповторимого романа Л. М. Леонова «Русский лес», ту, что «лес» – это главное богатство страны А а «лес» этот – люди русские (и как же он оказался прав!).

Сбережение нации, веры православной, культивирование русской души и духа в людях способных слушать и слышать – вот та главная идея и цель, которой М.П. Лобанов отдал всю свою жизнь и отдает, без остатка, без жалости. Он всегда «на передовой» – от той самой Курской дуги, с того самого страшного боя, в котором танки плавились и горели всей своей толщей брони. С того боя, в котором в семнадцать с небольшим был ранен – он всегда на передовой, – с того дня – до дня сегодняшнего. Вся жизнь его – Служение. С большой буквы. Отечеству и литературе. (А сколько ему привелось пережить и передумать – знает не всякий, даже из тех, кто следит за современной литературой).

«Живи, как пишешь, пиши как живёшь» – этот девиз Михаила Петровича Лобанова – надо записать и запомнить, всему студенчеству, которое и сегодня ищет ответы на вопросы самые важные и необходимые.

Самая большая моя мечта – та, чтобы и мои сыновья, когда подрастут, могли бы слушать Михаила Петровича, питаться от него – «воспитываться», учиться у него.

Благодаря ему я познакомился, прочитал, получил счастливую возможность разговаривать с В. Кожиновым, о. Д. Дудко, Ю. Кузнецовым и Ю. Лощиц. Он открыл во мне человека, имеющего основание уважать себя, любить соплеменников, ценить и искать главное в человеке: способность к творчеству, уметь по-своему мыслить. И никогда не расставаться с книгой. Он «влюбил» меня в русский эпос и оживил мою веру, – открыл мне окно духовное (никогда при этом не навязывая своих мнений, своего образа мыслей, никогда не довлея, лишь подавая руку, когда мне в силу молодости и некоторой наивности, было трудно подниматься вверх, а проще бы – вниз).

Благодарю Провидение, – оно дало мне возможность познакомиться с ним, учиться (и, смею надеяться, многому научиться) у него. Благодарный ему, памяти его светлой – за талант его редкий, за дар преподавателя, руководителя. Всегда помню его советы, его милосердие и доброжелательность. При этом в нём удивительно сочеталась доброта с твёрдостью в вопросах сущностных, принципиальных. Он учил ясно видеть, ясно мыслить и уметь обобщать факты, казалось бы, случайные, частные – до общезначимых выводов. Учил ответственности и твёрдости на примере всей своей жизни. Он благословил нас изучать жизнь, простых людей, претворяя свои наблюдения и сами судьбы наши – в наши книги.

Михаил РЯБИЙ

О НОВОМ ГЕРОЕ ОЛЕГА ЯНЕНАГОРСКОГО

Шарль Бодлер однажды написал: «А потом, приоткрыв двери,/ Войдет верный и радостный ангел,/ Чтобы оживить потускневшие зеркала и мертвое пламя».

У каждой творческой личности есть свой, особый Хранитель! Дав возможность пообщаться наедине, он делает нас лучше и счастливей. Однако не каждому по силам постигнуть суть «небесного опекунства», ибо обычно наша жизнь такова, каковы мысли о ней...

В прозе Олега Яненагорского, когда он касается этой темы, речь заходит не об испытанной методике установления контакта с Ангелами, о молитвах, о роли свечей и ладана, о Божественном предназначении каждого из семидесяти двух представителей этого небесного воинства. Его в большей степени волнует даже не сам диалог, а мысли, навеянные образом героя цикла рассказов «Ангелы не усмехаются». Они открывают книгу прозы Олега Яненагорского «Отблески жизни на грешной земле...». Литературный персонаж, редко встречаемый на страницах художественной современности, обозначен как Ангел-Хранитель. Он пытается наставить своего подопечного на путь Истины в борьбе с соблазнами Князя мира сего. В деяниях Апостолов и в житиях святых Ангел часто выступает воином в поединке за справедливость. Кто-то представляет это бесплотное существо в образе розового херувимчика с белесыми крылышками или громадного богатыря с массивным мечом или копьём, не всегда прав, ибо в писаниях отцов Церкви на протяжении от Бытия до четырех канонический Евангелий образ этот часто бывает запечатлен в облике юноши с энергичными чертами.

Неизвестно, имеют ли Хранители подобное друг другу обличие: возможно, каждый особое творение Божие, особый духовный мир? Личность Ангела и личность человека существенно разнятся. И хотя и Ангел, и человек созданы по образу и подобию Божию, Ангелы же насыщаются Божественной благодатью во всей полноте и передают её остальному творению. Отцы Церкви засвидетельствовали: бесплотность Ангелов относительна, ибо они являлись людям в некотором материальном, видимом воплощении.

Ангелы, как посланники, бывает, выступают и карающей рукой Всевышнего. Существует иерархия Ангелов. Так что, Хранители – только одна из ипостасей... Они являются непосредственной защитой человека, чтобы избавить верующего от всякой физической опасности, которой он подвергается в жизни. Но прежде всего, Ангел хранит душу, и ему важно не баюкать и лелеять хранимого, а заставить его действовать во благо себе и Господу! Главная задача – отвратить от выбора неверного пути.

«Естество» прежде всего нуждается в переделке! И только тогда, возможно государство станет единым организмом, где каждый из нас станет жить не по возможностям, а по потребностям. Нам ещё далеко до внедрения добродетелей в практическую жизнь общества...

Во времена Николая Гоголя и Федора Достоевского наша литературная классика хотя бы пыталась призывать к добру всякую заблудшую душу. Теперь этого и в помине нет в большинстве современных литературных произведений! Человек в нынешних обстоятельствах давно перестал чувствовать свое высшее предназначение на земле – стать иконой Бога. Исключения, конечно, есть, но они только подтверждение правила!

Общественное сознание наше пока не подросло до такой степени, чтобы отыскать в нашей истории гармонию – ни в прошлом, ни в настоящем и, наверняка, ни в самом будущем!

В диалогах со своим небесным защитником герой Олега Яненагорского постепенно начинает менять свои убеждения к лучшему.

«Хранитель» нацеливает на призвание жить и работать, исполняя Божьи заповеди при любых обстоятельствах. Но, увы, этот долг для большинства не стал святыней! Более того, человек, получив «место» для реализации, возложенной на него ответственности, пытается стать как можно «выше» его, не в смысле духовного украшения, а собственного комфорта. Но этим ни себя, ни свою должность не облагородишь! Ангел-Хранитель напоминает: мы в первую очередь граждане не земного государства, а небесного, главой которого является Иисус Христос. Церковь у человека одна – земная и небесная! И прихожане её – жившие на земле, ныне живущие и будущие христиане. Но если государство не заботиться о моральном совершенствовании своих граждан, то никакого счастья в ближайшей перспективе обществу не обрести! Любовью к ближнему должны руководствоваться в первую очередь те, кто имеет административную власть над другими – и вместо того, чтобы сосредотачиваться на себе, отдавать свои таланты людям по христианским законам. Только при этом условии, возможно, наступит духовное единение русской титульной нации и других народов вокруг неё.

Пока же, считает писатель, мир далёк от следования, как кажется некоторым, «утопическим» идеалам, а, точнее, не готов ещё всерьёз постичь моральные установки Православия.

Ангел мягко намекает своему подопечному: пока ты не предпримешь реальные шаги к тому, чтобы стать гражданином небесного государства, так и останешься тварным существом на земле!

Что ожидать от будущего, если его фундамент не заложен в настоящем?

Сам автор цикла об «Ангеле-Хранителе» понимает: невозможно опираться на нравственность в обществе пока не исполняются в нём юридические нормы.

Что из этого следует?

Олег Яненагорский опять-таки прямо об этом не говорит – читатель сам должен догадаться! Но ясно одно: власть ответственна перед Богом за вверенный ей народ. В православном мире предполагалось, что именно господа должны по-отечески относиться к простому люду, ибо несут за него ответственность перед высшим Судиёй.

Все мы на земле поденщики у Господа и должны честно трудиться, чтобы стать к Нему ближе.

Ангел намекает своему герою: грех не может быть следствием человеческой природы, если разъяснена его суть каждому, и он перестает быть плодом незнания. Это «мертвая» душа уже ничего не может изменить, а «живая» продолжает совершенствоваться, сопротивляясь злу.

Миссия писателя заключается в пропаганде такого Слова, которое бы очищало и преобразовывало общество.

Если же государство не заинтересовано в таких художниках-проповедниках, то его ожидает неминуемый крах! Власть на земле всегда бессмысленна пока не ощутит себя проводником Божьего образа на земле.

Автор, как бы шутя, (что не отнимает у него серьёзности), считает: человека при рождении опекает Ангел-Хранитель, наставляющий своего подопечного на определенные моральные установки в жизни.

Более того, этот его персонаж заставляет героя извлекать из глубин подсознания те знания, что заложены в человеческой природе с наилучшими намерениями. Этот процесс можно обозначить как «нравственное припоминание».

Этой темы прозаик ненавязчиво касается в рассказе «Ангелы не усмехаются»: да будет Свет твой, Господи, везде!

Такую клятву дает герой, которого опекает его Ангел.

В другом произведении этого цикла небесная сущность ворчливо наставляет: «Бросил бы ты писать свои четверостишия... ну нет же тебя таланта, нет и не будет... по крайней мере – в этой жизни...» («Ангел в холодном логу»).

Наконец, в повествовании «Ангел в Сайгоне» о предназначении человека говорится уже прямым текстом: «Тебе свобода воли Богом для чего дана? Для творчества! А ты?! Ты же талант в землю закапываешь, попивая при этом винцо и коньячок! Осознай, ведь на этой планете вас же не так уж и много – тех, кто ...слышит голос Бога и шёпот утренних звёзд... Проникнись тем, что каждый миг, прожитый на Земле, дороже всех материальных сокровищ! И каждый миг должен быть наполнен трудом. Настоящее искусство может рождаться только после того как человек станет художником в своих мыслях, чувствах, словах, взглядах.

Душа человеческая должна звучать как прекрасная мелодия, каждое слово, каждый звук, каждая картина должны стать поэзией Откровения. Тогда жизнь станет произведением искусства, которым будем любоваться даже Мы, а Господь возрадуется в Сердце Своём... Творить надо для Вечности, а не для избалованной, пресыщенной публики с низкими вкусами... Человек только тогда воплотится в полной мере, когда будет жить в гармонии со Вселенной, в согласии с Волей Бога... и тогда каждый шаг будет сделан на Пути бессмертия... Прекрати размениваться на пустяки!»

Слова эти и есть кредо настоящего творца в ответ на завистливое восхищение «разнокалиберных» Сальери.

Напомним, что образ этого завистника у Пушкина возник не случайно, под ним подразумевается такой тип людей, у которых все сосредоточено на бренной материи – здесь и сейчас! Да, это таланты, но такие, про которых сказано – «óвому талант», то есть только талант – и более ничего!

Они отвергают понятие о Боге, поскольку в их сознании Господь позволяет иным

праздным гулякам, наподобие гения Моцарта, творить легко и непринужденно, в отличие от них, – презираемых элитой тружеников.

Жаль, что таким людям не дано постоянно черпать вдохновение, как из артезианского колодца, и облекать его в художественную форму своих оригинальных литературных трудов. Они восстают против всей вселенной, занимаясь поисками смысла там, где его вовсе нет. Замахнувшись на жизнь Моцарта Сальери отравил собственную душу, с которой его связывает вечность...

Но, чтобы не отвлекаться от темы, напомним слова писательского Хранителя, обращенные ко всем творческим людям: «Не улучшай людей и мир – исправь себя. Отбрось пустые помыслы, злые и корыстные устремления. И помни, что день настоящий – это плод твоего Прошлого и семя Будущего».

Ангел-Хранитель пытается внушить своему подопечному простую мысль о том, что тот оставит после себя на земле? Для человека нравственного всегда важно: что положат с ним в гроб и с чем он восстанет оттуда.

Не случайно среди положительных героев прозаика чаще всего встречаются творческие личности, достигшие вершин развития духа.

В рассказе «Ангелы не усмехаются», в символически значимом микросюжете сообщается о том, что в Средневековье герой был доблестным рыцарем и давал в присутствии Ангела-Хранителя клятву: «Отныне и во веки веков я буду говорить и действовать только для того, чтобы умиротворять и радовать, просвещать и согревать, ободрять и укреплять людей. Господи, да будет Свет твой во всех моих делах, словах и мыслях!»

Героизм ради служения добру проходит красной чертой через значительную часть малой прозы Олега. Не ко всем произведениям, конечно, можно поставить эпиграфом слова из Евангелия от Иоанна: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе», но, как утверждает словами своего резонера автор – это дело будущего, а пока он признается читателям: «Я и сейчас не верующий в общепринятом смысле этого слова, хотя и знаю теперь, что есть Сущности, превосходящие человека и отличающиеся от него. А уж как они называются – не имеет особого значения». В этом же рассказе «Фотография Ангела-Хранителя» признание это подкрепляется фактами: «Когда нам показывают фотографию звезды, которая миллионы световых лет назад взорвалась, мы верим, что звезда была настоящей? Когда смотрим на фотографию, сделанную электронным микроскопом — не сомневаемся, что это и есть фото микрочастицы? Альфа или Бета-волны, как результат мозговой активности на экране компьютера видим? Если неправильно волны назвал – простите. Про флюорографию, рентген, томографы я вообще молчу. Молнии во время грозы мы не только видим, но и на фото-видео-аппаратуру снимаем. Что снимаем? Проявление энергии. Так почему ангелов фотографировать нельзя?»

Рассказчик Олега Яненагорского порою мне напоминает «по развязности манер» (имеется ввиду отношения к своему Хранителю) воинствующих персонажей Михаила

Зощенко 1930-х годов – мещан и обывателей, ибо в противоположность им, во всех Евангельских историях отношение к Ангелу героев, ставших святыми, пронизано священным трепетом. Тем контрастнее и фамильярнее на этом фоне выглядит герой, обращаясь к своему Ангелу. С первых страниц у читателей даже может возникнуть сомнение: да с Ангелом ли он имеет дело?!

Но alter ego автора на самом деле таков только внешне: за маской этой грешной личности скрывается тревога за собственную судьбу и надежда на высшее покровительство! Без какой-либо бравады герой рассуждает о присутствии ангельских сущностей на земле: «Для меня они не пухлощёкие младенцы с крылышками и не бесполые гиганты с мечами (как на картинах старых и новых живописцев). Для меня они – энергоинформационные сущности, которые не всегда выглядят антропоморфными существами (хотя есть и такие). Иногда на фотографиях это выглядит просто как сгустки энергии или пучки цветных пятен и линий. Но для меня – благотворящие светоносные вестники, потому что свет несут и благо творят» («Фотография Ангела-Хранителя»).

Своим постоянным обращением к своему высокому охранителю герой только подтверждает слова апостола Павла в первом послании к Коринфянам: «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской». И этой, действительно, так! Не может быть положительный герой слугой двух господ, ибо все оправдания тому – от лукавого.

В рассказах о художниках и писателях четко прослеживается мысль: все гениальные произведения искусства создаются благодаря любви!

Что ожидать от будущего, если его фундамент не заложен в настоящем?

Ангел намекает своему герою: грех не может быть следствием человеческой природы, и, если разъяснена его суть каждому, то он перестает быть плодом незнания. Это «мертвая» душа уже ничего не может изменить, а «живая» продолжает совершенствоваться, сопротивляясь злу.

Видно, как в диалогах со своим небесным защитником герой Олега Яненагорского постепенно начинает менять свои убеждения. Символично, что течение мысли в этом направлении можно уподобить журчанию маленького ручейка... А вот и переброшенный через него маленький деревянный мостик! Он как символ связи земного с небесным: «Этот маленький мостик, как-то очень умилил меня...» – признается герой. Однако автор пригласил взойти на него не случайно, а для встречи с Ангелом-Хранителем. Почему именно подобная цепь ассоциаций привела к ней? Очевидно, наступило время не просто общению, укоризнам и новым испытаниям терпения своего ангела, но, возможно, чему-то более важному? Наконец-то, герою удается вынести для себя кое-что полезное в такой уединенной обстановке: «Встречи с Хранителем в последнее время стали для меня гораздо интереснее материальных забот и мирских тревог».

Ангелу-Хранителю – герою цикла рассказов, есть над чем трудиться: его подопечный имеет мало истинной веры, но зато обладает множеством предрассудков, свойственных обществу сегодняшнего дня.

Внешне он вполне симпатичный и привлекательный человек, может быть, даже одаренный весьма своеобразным интеллектом, верен своему слову, честен и благотворителен...

Сам он считает себя не личностью, созданной для бурь и катастроф, поэтому надеется получить тихое пристанище на этом свете. Просто мечтает о пользе естественной жизни на лоне природы! Мысли самые что ни на есть сентиментальные! Судите сами: «На прошлой неделе бродил я по лесу в обеденный перерыв и вышел к ручью в Холодном логу. Место живописное – по крутому склону растут величественные кедры, под ними разнообразная трава (как настоящий горожанин, я не знаю, как она называется). Чистейший воздух, прекрасный запах...»

К этому очаровательному месту так бы подошли пасторальные размышления о скоротечности времени, о невозможности укрыться от судьбы.

Да, что может сравниться с часами сладостного покоя? Слава, деньги и власть – не предмет желаний нормального, то есть нравственно здорового, человека. А истинного писателя – тем более! Он просто жаждет уединения и покоя для исполнения новых творческих трудов...

Поэтому нет ничего странного в том, что герой Яненагорского просто страждет спрятаться от своего хищного времени. Но, увы, не всегда это удается! То ли эпоха такая, то ли Хранитель не позволяет? Ангел выражает, с точки зрения большинства литературоведов и писателей, крамольную мысль, но, по мнению святого Григория Паламы, она – аксиома, истина, не требующая доказательств: «...Работа со Словом ничего не требует! Воплоти то, что сумел услышать... Твори!»

Слова эти и есть кредо писателя, которого на каждом углу поджидают многочисленные Сальери.

Понять писательский замысел, конечно, непросто. Многое здесь зависит от «продвинутости» самого читателя: сумеет он оценить работу талантливого художника или просто останется, как прежде, ориентирован на царящий в сознании публики «слепок»? Не у каждой аудитории автор вызывает нравственно обусловленный интерес.

Позиция Олега Яненагорского, оценка своих персонажей выражается опосредованно – через детали или реплики действующих лиц, символику и т.д. Но это уже разговор на конкретную тему, а не на ходу!

Заключить свое повествование остается лишь банальной, но единой для всех литературных эпох фразой: писатель чистосердечен, но совсем не открыт нам, как и его герои, в которых читатели часто желают видеть проекцию самого автора.

Нина ИНЯКИНА

ИСПОВЕДАЛЬНЫЕ СТИХИ

О книге Александра Кердана «Светотень»

В екатеринбургском издательстве «АсПУр» вышла в свет новая книга стихотворений Александра Кердана «Светотень», которую сам автор называет своим семьдесят восьмым «ребёнком» – в библиографии автора эта книга, в самом деле, семьдесят восьмая. В сборнике помещены стихотворения и некоторые художественные переводы двух последних лет. Он проиллюстрирован замечательными работами вятского художника Сергея Горбачёва, которые органично дополняют тексты и помогают раскрыть содержание и смысл представленных в этой книге стихотворений.

Первое и самое общее впечатление: все стихи – штрихи к уже знакомому вроде бы автопортрету поэта, штрихи яркие, сочные, выразительные. Стихи Кердана – исповедальны и искренни, написаны без прикрас, без желания автора показаться лучше, чем он есть на самом деле. Тем и подкупают. Темы в стихотворениях поднимаются самые разные: от глубоко личных, интимных до глобальных, мировоззренческих: это и любовь к женщине, к матери и к своей малой родине; и дружба; и тревога за судьбу России; и размышления о творчестве и своём предназначении в жизни – такой непростой и всё равно прекрасной; и доверительный разговор о Вере и о Нём, Всевышнем. Есть в сборнике и переводы с испанского и осетинского, которые добавляющие в копилку достоинств поэта – его открытость миру и внимание к творчеству собратьев, пишущих на других языках.

Я давно слежу за творчеством поэта и всегда удивляюсь его способности писать афористично и образно, но отнюдь не назидательно и не поучительно, что при всех литературных регалиях и заслугах автора, казалось бы, неизбежно – в стихах Кердана нет даже намёка на мэтрствование и самолюбование. Эти стихи так и хочется не только запомнить, но и повторять вслед за автором – настолько они созвучны читательскому восприятию – моему личному да, полагаю, что и чувствам многих современников. Это происходит, думается, потому, что, читая стихи Кердана, понимаешь: читатель для него – друг и единомышленник, доверие которого поэт не имеет права подвести.

Если бы автор, спросил меня, какие стихи в книге мне больше всего понравились, боюсь, я бы оказалась в затруднительном положении: мне пришлось бы в качестве примеров просто взять и переписать весь сборник, от начала и до конца. Но кое-какие примеры я всё-таки приведу, чтобы вовсе не быть голословной.

Начну с первого стихотворения сборника, воспринятого мной и как своеобразный эпиграф, ключ ко всей книге. Поэтому, думаю, будет уместно его привести целиком:

ВРЕМЯ

Когда я тороплюсь, и ты – спешишь,
Чтобы отстать, когда я жду кого-то...
О, Время, то ползёшь ты, то бежишь!
И сердце в такт тебе вершит работу.
Оно замрёт, и для меня тогда
Тебя не станет, как это ни странно.
Из ниоткуда кану в никуда
Пылинкой, что Господь смахнёт с экрана
Вселенского... Чтоб дальше без меня
Жизнь продолжалась суетно, беспечно,
Прекрасные мгновения ценя,
И в этом, несомненно, – человечна.

Обо всём этом и ведёт доверительный разговор с читателем Александр Кердан на страницах «Светотени». Назову и другие произведения: «Молимся, шепчем...», «В день рождения Есенина», «Ручная работа», «Хозяин я своим скорбям...», «Как богатством не насытишься...», «Николаю Рачкову», «Неужели...», «На смерть Юры Елизарова», «Заговори, чтоб я тебя услышал...», «Желание», «Чтоб не глядеть с унынием назад...», «Кредо» и многие другие, оставляющие в душе читателя неизгладимый след.

Каждый, кто откроет сборник поэта, найдёт для себя созвучные строки и стихи. Я же приведу полностью ещё одно стихотворение, завершающее книгу.

* * *

Анатолию Омельчуку

Жизнь – неизбежные пробы и промахи,
Как светотень бытия...
Ангелы пахнут цветущей черёмухой –
Это придумал не я.
Шум лёгких крыл, ветерка дуновение,
Что унесёт нас с собой,
Как отпечаток цветного мгновения,
Что и зовётся судьбой.
Мы растворимся крупинками сахара
В первом весеннем дожде,
Чтоб возвращаться к живущим метафорой,
Быть и во всём и везде.

Слово «Светотень», положенное в название книги, Александр Кердан употребил лишь один раз, в этом ударном стихотворении, завершающем сборник! Привёл, как будто затем, чтобы вдумчивый читатель смог ещё раз вместе с автором задуматься над философским звучанием книги, а, может быть, и по-новому переосмыслил те стихи, которые пробежав беглым взглядом не сразу оценил по достоинству.

Мне же, завершая краткий очерк о сборнике «Светотень», остаётся добавить, что новая поэтическая книга состоялась. Александр Кердан, как и в предыдущих своих работах предстаёт в ней поэтом вдумчивым и переживающим, чутким и отзывчивым на всё несовершенство мира, всем своим творчеством, словно подтверждая слова известного советского поэта Василия Фёдорова, чьё имя сегодня носит государственная научная библиотека Кузбасса:

Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени –
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.
Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что всё несовершенство мира
Лежит на совести его.

Поэт и гражданин своей страны Александр Кердан – человек, несомненно, неравнодушный. Он за всё он чувствует себя в ответе, до всего, происходящего в нашем огромном мире и в душе человеческой, ему есть дело... Именно поэтому, мы, благодарные читатели, и чувствуем себя его единомышленниками. Уверена, что у «Светотени» будет долгая и счастливая жизнь, а предыдущие сборники Александра Кердана примут её в свою большую и дружную семью, как равную среди равных.

Олеся НИКОЛАЕВА

* * *

Век двадцать первый ступил тяжело:
вот он уже за чертой.
И повторяет, что золото – зло,
разве что век золотой...

Хочет забыть эту небыль и быль,
ранит своё остриё:
всё обесчещено, втоптано в пыль,
и обесценено всё.

И обесточено. Холод, темно:
глядь – а идёшь по телам.
Всё обезглавлено, всем всё равно,
все одурачены в хлам.

Обезображены. Угнаны в даль
чувства, а сердце – в золе.
И опрокинутая вертикаль
дух придавила к земле.

Даже когда загорелось, горит,
век двадцать первый – в дыму –
речь обессмысленную говорит,
вторя себе самому.

ПРОСТО ЗИМА

Здесь в подземном царстве пекут алмаз, рубин, изумруд,
из небесного города реки сюда текут,
лепят снежных коней, трут на тёрке звёздный имбирь...
Ты теряешь «я», ты – сосна, коростель, снегирь!
Пред величьем Творца ты – материи лёгкий лоскут,
бисер, мизер, зеро, цифирь...

– Это просто Сибирь, дорогая, просто Сибирь!

А вот здесь – словно окаменел Тамерлан: тесна
духу лепка рельефа: ни визионерства, ни сна,
сновиденьями полного,
если б не тайный провал
меж мирами – туда, где Создатель в глаза целовал
эту землю-младенца, чтоб видела сквозь времена,
и тебя прозревал-узнавал...

– Это просто Урал, дорогая, просто Урал.

А вот здесь толпятся фигуры, как челядь в людской,
музы травятся гарью, Психея болеет тоской,
в однополом союзе сливаются лесть и лихва,
и пластмассовый вкус на губах оставляют слова...
Заблудился ли ангел в мерцанье звезды городской?
Иль напился пастух? Или шапку украли волхва?

– Это просто Москва, дорогая, просто Москва!

И когда так просторно и холодно на земле,
рвутся связи, мятутся бесы, догорают искры в золе,
а пройдёшь по городу – пустые стоят дома:
там – Андрюша умер, там – папа, там – ты сама,
но ведь шепчут они, повторяя навеселе,
аж метели подрагивает бахрома:

– Это просто зима, дорогая, просто зима!

ЛИХОЙ ЧЕЛОВЕК

Это старые зубы ломает о цепь
пёс голодный, блохаст, обуян,
это ночь купоросом окрасила степь,
где сплошной борщевик да бурьян.
Это рыщет повсюду лихой человек,
прячет нож в сапоге, в рукаве:
амалик ли, халдей ли, хазар, печенег, –
всё Антонов огонь в голове.

Он готов жечь и рушить порядок любой,
с перекошенным криками ртом...
Вот и родина Кольской надулась Губой,
ощетинясь Уральским Хребтом.
И пульсирует мощными венами вод,
сеть подземная гонит волну,
словно чует: вот-вот он ударит в живот
на Двине, на Днепре, на Дону.

И земле подо мною совсем не до сна:
я ворочаюсь, словно Кавказ,
как Сибирь угораю, валюсь, как сосна,
так что сыплются звёзды из глаз.
И спускается плавно небесная высь,
открывается Книга из книг,
деревенской старухой шурша: «Не боись!
Есть у родины нашей двойник!»

Вот она – между этих и этих страниц –
все тут живы в своей новизне
и летают с небесными стаями птиц
хоть куда – к Енисею, к Десне.
Распадается цепь, зацветает бурьян,
всё кончается – бедствие, ложь.
Лишь лихой человек изнывает от ран,
напоровшись на собственный нож.

АНГЕЛ

Больной стенал и корчился в ознобе,
летел в провал и знал, что умирал,
и, как зародыш, запертый в утробе,
колени в подбородок упирал.

И, наконец, сжимая в крест нательный,
он возопил:
– Зачем Ты одного
меня оставил в этот час смертельный?
Да есть тут кто-нибудь? Иль – никого?

И вдруг, как будто голос за спиною,
шум ветра иль бегущая вода,
и слышит он:
– Я рядом. Ты со мною.
Ты не один. Но смотришь не туда!

Он оглянулся мысленно и всё же
увидел въяве, что стоит за ним
на свой иконный образ не похожий,
но явно – ангел или херувим.

Повис, как бы эфир, сгустившись тучно, –
по контуру подсвеченный предел...
И повторяет:
– Здесь я неотлучно.
Не жалуйся! Ты не туда глядел!

И в этой ветхой плотяной одёжде
из мышц и кожи – небу, пустырю –
вглубь обступившей тьмы кричу:
– Я – тоже!
Прости меня! Я не туда смотрю!

ВРЕМЯ

– Неужели тебе не больно?
– Конечно, больно! А то...
Потому что время моё уходит, уже надело пальто...
Накрутило на шею шарф, голова – внутри,
отвернулось, лица не видать, идёт к двери.

Мне б его окликнуть, позвать – а не знаю, как.
Мне б его узнать, а рука – в перчатке, и сжат кулак.
Заглянуть в глазок его любопытствующий, подмигивающий: не зря! –
слюдяной голубок, нефритовый, с каплею янтаря.

И уходит оно туда, где вещи сдают за так.
Где собака зарыта, где кот наплакал, где свистнул рак.
...Я за ним с межреберным холодком
скатываюсь по лестнице колобком.

ЛЕРМОНТОВ

Небожитель Лермонтов, как поудобнее сесть, не думал –
за стихи, роман ли, – да хоть в седле иль кибитке.
На ходу писал и «Парус», и «Ангела»... Только дунул
ветерок нездешний, – с одной попытки.

Не копил ни листков, ни рукописей: в смятенье,
где попало, бывало, раскидывал, раздавал задаром...
Словно знал: не своё разбазаривает именье,
но вдохнул и – выдохнул хладом, жаром...

Для него и узы – метафорою свободы
оборачивались, и притчей сияли бездны,
и подстрочником делался к переводу
на язык Орфея лепет земли болезный.

...Так и жить бы: у каждой земной напасти
вырвать жало и угли разжечь в кадиле,
чтобы знаки рока, призванья, любви и власти
как сухие кости, покрывшись плотью, ожили.

На весу ли, на корточках, на коленке
строить всё, что рифмуется, – капители,
контрфорсы, пилястры, столбы, простенки,
тавтологии, антиномии, параллели...

На себе таскать свой космос и музыкантов,
а усталое тело, лишь ночь выпадает злая,
в световых волнах и кварках цветных, и квантах
упокоить в родной стихии, с коня слезая.

ПОСЛАНИЕ

Александрине

В широкополой шляпе с бантом
ты Крыму летнему к лицу,
и музыке, и музыкантам,
волне, и лодке, и гребцу!

Ведь здесь в любом челне отплывшем
жив тайный компас: на Царьград!
А сделать бывшее – небывшим
Сам Ангел Крыма был бы рад.

Чтоб храбр, как лев, живуч, как тополь,
Царь Александр Третий впредь
мог, заходя в Константинополь,
тропарь в Святой Софии спеть.

Чтоб, византийский уделы
пройдя в длину и в ширину,
поднять Босфор и Дарданеллы
на черноморскую волну!

И чтобы, солнце нахлобучив,
Царьграда ликовал причал,
и чтоб пророчественный Тютчев
под сводами дворцов звучал!

Чтоб зверь из бездн на дряхлый лапах
здесь не добился ничего,
и дамы в белоснежных шляпах
не знали счастья своего!

Валерий СУХОВ

РОДНИК

Ю. П. Кузнецову

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый сруб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.

И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно миф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.

Исток обжёг устами струй
Горючих русских слёз.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унёс.

КРЕЩЕНЬЕ

Меня крестила бабушка мальцом
Тайком от матери с отцом
И под подушку положила крестик.
Не он ли мне сейчас во мраке светит?!
Дожившему до возраста Христа –
Без веры, без надежды, без креста...
По звёздам, как по утренней росе,
В конце концов придём мы к Богу все.
И я за то, что всё же был крещён,
Быть может, буду Господом прощён...

ЮЛОВКА

За берег твой высокий
Судьбу благодарю.
Мальчишкой босоногим
Я здесь встречал зарю.

Смеётся речка детства,
Петляя, как юла.
Милей на свете места,
Душа, ты не нашла.

И, тополь огибая,
Река поёт своё.
А мама молодая
Полощет в ней бельё.

Жизнь познавать я начал
В затоне ясных дней,
Когда с отцом рыбачил,
Когда купал коней.

Таким счастливым не был
Нигде я никогда.
Здесь ласточкою в небо
Нырнуть бы навсегда

С высокого обрыва.
И кануть на века.
Лишь облако бы плыло.
Лишь бы текла река.

АВГУСТ

Дни сочатся мёдом, словно соты.
В слове «август» слышен яблок хруст.
Вновь пришла пора грибной охоты.
Грусть мою развеял первый груздь!

Напоследок в росах отразилось
Розовое зарево зари.
Сердце сладкой горечью налилось
И огнём рябиновым горит.

И хотя ещё резвятся грозы,
И сквозь солнце ливень льёт слепой –
Всё печальнее шумят берёзы
Над моей седою головой.

Холоднее делается лето.
Смётаны стихи в душистый стог.
Сорвана душа порывом ветра
И антоновкой лежит у ног.

ГРОЗА

Начинает гром с распева
Надвигается гроза.
Стог вершу – залез на небо.
Пот солёный ест глаза.

И звенят, как струны, жилы,
Только сена дух вдохну.
Поднимаю я на вилы
Солнца знойную копну.

Незаметно вдруг стемнело.
Веет ветер холодком.
И дождя капель запела.
Ей ответил басом гром!

От усталости немея,
Рукавом утру лицо.
Ливень лупит, не жалея,
Да сухим стоит сенцо.

И зарод задумав круче,
Вся от зависти дрожа,
На навильник молний тучи
Собрала за миг гроза.

Владимир МАЛЯГИН

ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ ДО ДУШИ МОЕЙ...

Тот, кто читает Библию, рано или поздно доходит и до этой странной и даже загадочной её книги. Несоответствие её малого объема и громадного внутреннего значения очевидно. Вспоминаю, как это однажды в давние годы случилась эта встреча у меня. Но сначала надо вспомнить обстоятельства жизни и атмосферу той ушедшей эпохи...

* * *

В 1979 году Издательство Московской Патриархии выпустило очередной (третий или четвёртый с 1956 года) тираж Книги Книг, Библии. Продавалась она из-под полы в храмах, поступила в некоторые центральные библиотеки, но, естественно, на открытых прилавках даже в храмах её не было и не могло быть. Да в те годы в храмах и вообще не было никаких книжных прилавков, поскольку в обиходе просто не существовало православных книг. Молитвы или акафисты в то время целиком переписывались нами от руки, перепечатывались на машинке. (Вспоминаю, например, что много лет читал по собственной машинописи чудесный акафист «Слава Богу за всё» владыки Трифона (Туркестанова), который зарубежниками долгое время приписывался обновленцу Григорию Петрову.) Счастливы были те из неофитов (а в те годы почти все мы были неофитами), кому по наследству от предков, бабушек и дедушек, достались хоть какие-то церковные книги или иконы.

Сегодняшним людям, выбирающим одно приглянувшееся издание из десятка идентичных, представить такое просто невозможно. Правда, примерно в эти же годы был выпущен чуть ли не репринтом знаменитый и вожделенный каждым верующим патриархийный «чёрный молитвослов» с утренним и вечерним правилами, с правилом и молитвами ко святому причащению, с несколькими главными акафистами. Но и молитвослова этого, впрочем, тоже не было в открытом доступе. Он, сам будучи репринтом, размножался подпольно в виде ксерокопий. Потому-то и ценилось любое церковное издание на вес золота, если не дороже.

Мы учились тогда на втором или третьем курсе Литературного института, который, как известно, и сейчас располагается на Тверском бульваре, в Доме Герцена. Храм, который мы довольно часто посещали с приятелем и однокурсником, находился неподалёку и был храмом председателя Издательского отдела митрополита Питирима (Нечаева), – Воскресение Словущее на Успенском Вражке (улица Неждановой). Думаю, наши лица там достаточно примелькались, и нас считали не чужими (да мы и сами себя чужими в этих церковных стенах давно не считали!), поэтому, когда вновь напечатанная Библия посту-

пила в храм и легла в секретный шкафчик «для своих», работница свечного ящика, тоже по строжайшему секрету, сообщила нам об этом историческом (безо всякой иронии!) факте. Боюсь сейчас точно называть цену, во всяком случае, она была никак не меньше 120 советских полнокровных рублей (три стипендии студента или одна зарплата среднего служащего).

И вот мы становимся обладателями бесценного сокровища! И вот книга эта лежит на твоем скромном студенческом письменном столе в твоей скромной студенческой комнате на двоих. И сразу стол твой и комната твоя общежитская приобретают какое-то новое, какое-то необычное и серьёзное значение и даже высокое звучание...

К вере, настоящей вере, наше поколение приходило чуть позже, в начале 80-х, церковными людьми мы тоже становились не в один день, – хотя гораздо решительнее и быстрее, чем поколения , приходившие в Церковь за нами. Впоследствии я не раз слышал, что многие духовники этих новых поколений долгие годы благословляли своих прихожан читать только Новый Завет, а то и просто Четвероевангелие, не разрешая касаться Ветхого Завета, как, впрочем, и Апокалипсиса. Наверное, у них были на то причины. Но у нас в конце 70-х ещё не было духовников. Зато была главная книга всех времен и народов, Библия. Она тогда и была нашим духовником. И было достаточно желания и свободного времени, чтобы её читать.

И мы читали её так, как привыкли читать любую уважаемую книгу – с начала. А начало её известно сегодня всем грамотным людям:

В начале сотворил Бог небо и землю.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет...

* * *

Вот этим самым светлым светом мы и стали потихоньку просвещаться. Узнавали из Книги Бытия про начало мира и грехопадение ангелов и людей, про Потоп и Вавилонскую башню, вчитывались на страницах Исхода в Заповеди, данные Моисею Богом на Синае, восхищались премудростью Соломона и совершенной поэзией царя Давида. Собственно, именно в этой книге мы черпали настоящую, глубинную человеческую культуру, духовную основу нашего существования. Всё в этой книге было высоко и духовно, страшно и чудовищно, прекрасно и гармонично, всё было пронизано глубочайшей связью Создателя и создания, повелевающего Бога и послушного Ему человека.

Как вдруг, где-то в середине громадного тома...

И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедуй в нём, ибо злодеяния его дошли до Меня.

И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришёл в Иоппию, *и нашёл корабль, отправлявшийся в* Фарсис, *отдал плату за провоз и вошёл в него, чтобы плыть с ними в* Фарсис от лица Господа.

Стоп! Что это? Что это такое?..

Авторы Библии не ошиблись?.. Это книга пророка Ионы?.. Так как же пророк может противиться воле Божьей и «бежать в Фарсис от лица Господня»?! Разве могло быть подобное?..

И эти немногие строки уже были тогда для меня реальным потрясением. А дальше – больше!

Бушует шторм, а Иона спит в трюме! А когда жребий корабельщиков падает на него, и его будят, чтобы узнать, кто он такой и за что его настигает такая кара, Иона не просто спокоен, а даже как-то равнодушен и хладнокровен:

Он сказал им: возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря.

И только когда морское чудовище поглотило пророка, он наконец воззвал из его чрева, из этой неподъемной и немыслимой тесноты, к Богу. Воззвал такой прожигающей небеса молитвой, что Господь услышал и тут же освободил Иону из плена, выбросив его на сушу.

И было слово Господне к Ионе вторично: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедуй в ней, что´ Я повелел тебе.

И встал Иона и пошёл в Ниневию, по слову Господню; Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы.

Так всё-таки он туда пошёл? А почему же тогда не пошёл сразу, по первому повелению? Что мешало исполнить поручение Бога тогда? Опять новая загадка...

Но вот Иона сорок дней ходит по великому городу Ниневии с проповедью покаяния и трогает своими словами не только простой народ, но даже самого царя, который снимает корону и посыпает главу пеплом, который запрещает даже скоту есть и пить на время покаянных дней! И что же дальше?

Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи.

Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы.

* * *

Библия была, есть и будет всегда основой духовного, культурного, нравственного бытия человека и человечества. Это единственная книга, которой достаточно, чтобы по-

ставить мировоззрение человека на верный и прочный идеологический фундамент. Мало того, это единственная книга, которая дает пример правильного осмысления и написания Истории. Ведь человеческая история полноценна и верна только тогда, когда является Священной Историей. Как только мы начинаем делать вид, что Бога в нашей истории не существует, что Он, главный Драматург и Режиссер, в ней никак не участвует, мы скатываемся к мелким и пошленьким социально-экономическим моделям и поверхностным обоснованиям

Каждая страница Священного Писания бесценна. Но даже среди этих бесценных страниц есть страницы, которые имеют двойную, а то и тройную цену. Такие, как две страницы истории пророка Ионы...

Наира СИМОНЯН

* * *

Здесь небо плачет о своей вине,
и души нераскаянные бродят,
листву хоронит осень в желтизне,
и солнце остывающее бредит.

Но я всегда наперекор жила
инстинкта необъявленною сутью.
Плавник мой плод утратил и крыла,
когда ещё не трепетал под грудью.

Комочек нарастающей мечты,
в ком жизни беззастенчивая сила
свечение небесной высоты
с приливною волной соединила.

* * *

Партер битком, кулисы разошлись –
изображай, паяц, в пределах сметы,
единственную собственную жизнь
тащи на сцену под аплодисменты.

Душа твоя хотя и хороша,
ей только вера точкою опоры:
пока слаба – не стоит ни гроша,
подкована – передвигает горы...

Тут все свои полны чужих словес,
чужие роли каждому швырнули.
В чей населённый призраками лес
спроста мы ненадолго заглянули?

* * *

Былому я не поменяю имя,
всеобщей боли сердцем не уйму.
Инстинкт владеет мышцами моими,
страстям повелевая – не уму.

И мается безумная душа,
космическою пылью запорошена,
считая, сколько замыслов непрошено
погибли, ничего не соверша...

Я знаю: нас таких не перечесть,
объявших жизнь бессильными крылами.
Но есть во мне желание, и есть
горячее трепещущее пламя.

Разбавьте им полуночный уют –
пускай горчит вино самообмана,
что я не опоздала, просто рано,
и до рассвета – несколько минут!

Перевод с армянского Андрей Расторгуев

Любовь АНУФРИЕВА

* * *

Как зима бездонная надоела!
На душе – морозные пузыри.
Я застряла будто, заиндевела,
но опять воскресну – лишь забери.

Как под крепким настом – покой глубокий,
без тебя – потёмки, хоть волком вой:
только голос ходиков одинокий,
да свирепый ветер над головой.

Но в прохладной спальне не спится дочке.
Захожу – как солнышко из-за туч
сразу тянет маме, не одиночке,
слова самого светлого тёплый луч.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ

Над землёю гонит ветер облаков обрывки,
тучи водит над землёю – дело по весне...
Платье белое висело – утащил с верёвки.
Лишь оставил мне прищепку да на сердце снег.

Между небом и землёю платье – словно птица.
– Сильно, мама, не ругайся, что не упасла...
А она глотает слёзы: то твоя сестрица,
не рождённая когда-то, платье унесла...

Слишком ветрено под небом – валятся деревья.
Слишком ветрено под небом нашим, но уже
тёплый ливень оживает – половодью время.
Тает корка ледяная на живой душе.

СЕРЕБРЯНЫЙ ПЕТУШОК

Я селу приснилась дождливой ночью:
от капели шли по воде круги,
а за ними – девочка с горьким плачем,
промочив дырявые сапоги.

Потеряла маму она сегодня
и брела в полуночи без огня –
петушок серебряный на ладони,
жажда слова тёплого от меня...

Мне на слово мудрости недостало,
а игрушку малую приняла.
Я дороги к маме её не знала,
но глазами душу она прожгла.

И открылось небо всей глубиною,
и, вдобавок сердце студя до слёз,
леденящий ветер дырой сквозною
набежал – и девочку вдаль унёс...

Неясны дороги на небосклоне.
Как теперь её отыщу? Но вот
петушок серебряный на ладони –
он узнает маму, когда найдёт.

* * *

веткою рябины
по реке плыла я
берега не видя
высь не доставая
не было причала
даль не отвечала

в глубину тянули
ягоды рдяные
а к душе прильнули
камни ледяные
высосали пламя
налимьими губами
и сомкнулись тьмою
волны надо мною

веткою рябины
из речного лона
поднялась я в клюве
белого грифона
да окоротили

облачные горы
перегородили
вышние просторы
ходят-громоздятся
на ветру повсюду
снова не дозваться
мне тебя оттуда

веткою рябины
после поневоле
опустил меня он
в одичалом поле
на скале холодной
валуне заклятом
исклевал голодный
клювом крючковатым

но моё пока не
миновало время
заплелись на камне
трещины в деревья
машут мне ветвями
оставайся с нами

веткою рябины
в камень я врастала
но живое сердце
биться не устало
пусть не пожелали
горы расступаться
крикнул зверь и стали
горы осыпаться
и тогда бездонной
звёздной вышиною
наклонилось словно
небо надо мною

прогремели неба
гулкие глубины

даже если сердце
с горсточку рябины
можешь стать началом
деревом живучим
в поле одичалом
на ветру колючем

и душа на милость
как водой живою
заново омылась
влагой дождевою
стаял на рассвете
зверь крылатобокий
и принёс мне ветер
голос твой далёкий.

Перевод с коми Андрея Расторгуева

Арсен ТИТОВ

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ЕО СРП

Фрагмент документального повествования

Глава пятая. Немного о Павле Петровиче Бажове

К тому, что сказано о нашем классике, что-то прибавить едва ли возможно. Однако, вполне могут представить интерес следующие документы из его жизни, непосредственно связанные с писательской организацией.

Архив сохранил «Самоотчёт тов. Бажова» на партийном собрании 27 апреля 1936 года.

«Заседание партгруппы. Присутствуют: тт. Панов, Кореванова, Бажов, Хорунжий, Балин, Куштум.

Председатель Кореванова А.Г., секретарь Куштум Н.А.

Слушали: Самоотчёт товарища Бажова.

«Работал в Лестехиздате редактором художественной литературы. Издавали Мамина-Сибиряка, Решетникова, Короленко, Поликарпенко. Задумали книгу очерков наших писателей по лесной тематике, но не удалось, слабый был материал. Хотели сделать книгу о строительстве Камбумстроя, но оно сильно затягивается. И ушёл из Лестехиздата, где мне нечего стало делать. Теперь я работаю исключительно над книгой по истории Камышловского полка по заданию истпарта. Над книгами историко-революционного порядка я уже работал («К расчёту» и «Бойцы»). Я хочу отразить роль партии в организации рабочих полков. Книга основана на подлинных исторических документах. Но получается, что эта книга не является ни исторической, ни художественным произведением. И я стал сомневаться – нужны ли такие книги? Материал по истории Камышловского полка мною уже собран, остается только оформить его в книгу. Последнее время я много работал над собиранием фольклора. Распространилось неверное мнение, будто на Урале до революции рабочие и золотоискатели не создавали своих песен. Я решил это дело опровергнуть на деле – путем сбора этих материалов. Правда, преобладала песня сатирического и юмористического плана. Над этим сейчас работаю. В 1929 году я издал книгу «Уральские были»,

основанную на фольклоре. Книга имела успех и сейчас она пользуется известностью. Это укрепило мое желание работать над фольклором. (зачитывает «сказку» «Медной горы хозяйка»).

Было несколько случаев, когда я в своих произведениях допустил лакировку действительности («Потерянная полоса» и «Святая ночь»). Выпустил я в свое время книжку, ошибочно названную мной «Пять ступеней коллективизации» (далее четыре строки зачеркнуты – А. Т.)

Я более склонен работать над историко-революционным фольклорным материалом. В дальнейшем мне хочется написать книгу – историю об одной какой-нибудь деревне Ирбитского района, скажем, за 18 лет, как она росла и развивалась. А особенно мне хочется написать историю Сысертского горного округа, которую я хорошо знаю. А также меня привлекает история Мраморского завода.

Бытовые условия у меня для работы благоприятные. Конечно, придётся снова поступить на работу, так как на гонорар мне не прожить. Партийной учебой я занимаюсь. Много приходилось читать в связи с работой над историческими книгами (высказывания Ленина по аграрному вопросу, прорабатываю историю гражданской войны)».

Прения:

Куштум: Хочется сказать по двум вопросам. Слушая сказку «Медной горы хозяйка», я убедился, что работа т. Бажова в области рабочего фольклора важная и большая. Этим опровергается вредное мнение, что на Урале не было рабочего фольклора. Тов. Бажову хочется написать и о том, и о другом, и о третьем. Надо видеть главное.

Панов: отмечается ценность работы тов. Бажова, особенно в области истории гражданской войны и фольклора. Тов. Бажову нужна помощь, главным образом, партийная оценка работы. Тов. Бажову надо включиться в создание книг к 20-летию Октябрьской революции. Кроме этого, надо поставить вопрос перед областной редакцией «Истории фабрик и заводов» об использовании тов. Бажова.

Балин: По моему мнению, фольклор Сысертского завода не характерен для Урала. Кроме того, этот завод в революционном движении не играл большой роли, как, скажем, Надеждинский или Молотовский заводы. Было бы интереснее, если бы собрать фольклор с этих заводов» (ф. 304, оп. 1, д. 1, лл. 41–43).

Ещё документ, связанный с П.П. Бажовым.

«Протокол партсобрания от 16 февраля 1940 года.

Доклад о работе секции поэтов. Докладывает руководитель секции тов. Куштум.

В прениях:

Бажов: «Партучеба для нас – самое основное. У поэтов, не работающих над собой по изучению марксизма-ленинизма, нет идейной целеустремленности. Мы не приблизились к формулировке товарища Сталина быть инженерами человеческих душ. Необходимо тебе, товарищ Куштум, возглавить это дело. Секция должна заниматься не только литера-

турным ремеслом, но необходимо, чтобы люди овладели марксистским мировоззрением. Прикрепленные к нам московские поэты должны работать у нас по 2-3 месяца. Хорошо, что наши поэты начали печататься в Москве.

Положительным моментом в руководстве товарища Куштума является работа поэтов в массах» (ф. 304, оп. 1, д. 1, л. 65).

И ещё один документ – отчёт П.П. Бажова об изучении книги Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)».

«Слушали: Сообщение т. Бажова о том, как он работает над изучением истории нашей партии.

Лично для меня, говорит т. Бажов, изучение истории партии имеет громадное значение. Каждая фраза – это тезис. Я начал с читки истории, прорабатывая по 3-4 страницы в день. Одновременно изучал первые источники (Ленин, Сталин). Для моих работ особенно важными и интересными являются 80-е годы. Кроме того, я читал исторические труды Маркса и Энгельса и делал выписки...» (там же, л. 65, оборот).

Разумеется, надо учитывать, что мы имеем дело не со словами самого Павла Петровича, а только с тем, как они отражены в протоколе, то есть, как они были поняты и спешно записаны. Хотя и признавался Павел Петрович, что он всегда говорит «бестолково, и никогда ни одна стенограмма не выходила путной» (Павел Петрович Бажов. Письма 1911-1950. М., – Екатеринбург, 2018. С. 359), но не думается, чтобы секретарь на указанных собраниях владел стенографией и точь в точь передавал сказанное. Более того, стенографически был в те годы зафиксирован всего лишь один документ – протокол партийного собрания 21 сентября 1951 года, посвященный 5-летию постановления 1946 года по журналам «Ленинград» и «Звезда», и который вылился едва не в 140 страниц. Таким рекордным количеством листов не располагает более ни один и из исследуемых нами документов. Остальные протоколы исполнялись по ходу собрания избираемым всякий раз новым секретарем, успевающим за ходом собрания. Протоколы потом перепечатывались на машинке.

В этом отношении приходится вспомнить протоколы нашего правления, которые с протоколами тех лет безнадежно проигрывают. Большей частью они написаны А. Титовым и по следам правлений по редким заметкам, сделанным по ходу правления, так как ему обычно приходилось и вести правления. И пошёл он на это после того, как несколько раз попытался передать функцию секретаря поочередно членам правления. Увлеченные ходом обсуждения рассматриваемых вопросов такие секретари протоколов не вели и только извинялись и просили их больше секретарями не назначать. Вроде бы писатели, а вот, как говорится, приходит и на старуху проруха.

Или вот такой документ:

«Выписка из Партколлегии Уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) № 7, п. 1 от 27 января 1938 г.

Слушали: параграф 1, Б-16 Дело Бажова П.П.

Бажов П.П., рождения 1879, член ВКП(б) с 1918 г., партбилет № 0406888 – изъят Свердловским ГК ВКП(б). Соцположение – служащий. Образование – окончил Пермскую духовную семинарию.

При возникновении дела – редактор социально-экономического отдела Свердловского ОГИЗа.

2.02.1934 г. Сталинским РК ВКП(б) г. Свердловска объявлен выговор за несообщение парторганизации при прохождении чистки о том, что ему установлен неправильный партстаж.

25.01.37 г. Свердловским Горкомом ВКП(б) исключен из партии как автор антисоветской книги «Формирование на ходу».

Апеллирует.

Установлено: Бажов привёл в своей книге «Формирование на ходу» выдержку из воспоминаний Попова, политически неправильно характеризующего организацию «союза фронтовиков» (не дал большевистской критики этой вредной политически выдержке). Упоминая в своей книге как активных участников гражданской войны Попова и Никонова (троцкисты), не проверил их политического лица.

Докладчик т. Башуров. Бажов присутствует.

Постановили: В отмену решения Свердловского ГК ВКП(б) от 25.01.37 г. Бажова П.П. в партии восстановить.

Поручить Свердловскому ГК ВКП(б) оформить партдокументы на Бажова П.П.

Врид секретаря парткомиссии Башуров».

Глава шестая. Те самые, сороковые роковые

На второй день войны состоялся митинг писателей и работников СвердлОГИЗа, на котором было постановлено в самый короткий срок 8-10 дней всем писателям «дать в альманах вполне удовлетворительный материал: рассказы, стихи, очерки, статьи», из которых «товарищ Бажов в такой короткий срок составил литературный альманах номер 5». Далее документ (лист 103) говорит, что через две недели после начала войны были изданы в Свердловске два «боевых сборника» о героизме РККА и, более того, известная речь Сталина, произнесенная 3 июля по радио, вышла в СвердлОГИЗе, тиражом 50 тысяч экземпляров уже на следующий день 4 июля!

Первый из «боевых сборников» – это альманах «Уральский современник» номер четыре, сданный в набор в феврале и подписанный к печати 20 мая 1941 года. И, значит, вышел в свет он уже с началом войны. Его авторы: П. Бажов, К. Мурзиди, А. Климов, Е. Трутнева, В. Хомзе, В. Занадворов, С. Тельканов, К. Боголюбов, В.П. Бирюков, И. Владимиров, Юр. Чап. В составе редакционной коллегии: К.В. Боголюбов, Н.Л. Николаев, Н.А. Попова, А.Ф. Савчук, М.В. Шведов, Е.М. Лебедев.

Второй из «боевых сборников» – альманах «Наш современник» номер пять. Он был сдан в набор 20 июля и подписан к печати 13 августа 1941 года. Разница в выпуске ощутима. Первый был в производстве практически 4 месяца, а второй – хотя и не две недели, как было сказано, но менее месяца. Открывался второй «сборник» речью председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года, начинающейся знаменитыми впоследствии словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня, – продолжается...» Далее была перепечатка из газеты «Красная звезда» статей Всеволода Вишневского «Уроки истории» (от 23 июня) и Ильи Эренбурга «Гитлеровская орда» (от 26 июня). А потом были стихи Евгении Хоринской, рассказ В. Старикова «Патриоты» о первом дне войны, стихи К. Мурзиди, рассказ Н. Поповой «По дорогам войны», рассказ Б. Рябинина «Мертвый конус», стихи Л. Носова и М. Просвирнова, отрывок под названием «Разведчик» из романа Александра Макарова, рассказ А. Савчука «Интервенты», стихотворение Е. Трифонова, очерк О. Марковой «В колхозе «Победа» о первом дне войны, стихи Н. Куштума, очерк Юр. Чап. «Великие будни», записки К. Богомолова «В эти дни. Из дорожного блокнота», очерк В. Старикова «Рассказ матери героя». В редакционной коллегии: П.П. Бажов (ответственный редактор), К.В. Боголюбов, К.Г. Мурзиди, Е.М. Лебедев.

Вскоре, уже в сентябре, было решено альманах выпускать по типу журнала, чтобы как можно более оперативно отвечать «на реалии времени». Но «реалиями времени» стал лозунг «Всё для фронта. Всё для победы!», который предусматривал жесточайшую экономию во всем, в том числе и в бумаге. И альманах продолжал выходить один-два раза в год.

В очерке «Музы не молчали» известный уральский писатель Борис Рябинин написал о жизни и деятельности Свердловской писательской организации в годы войны. При всем желании поместить этот очерк в «Краткий курс» целиком, мы этого делать не стали. А прочитать его можно в двухтомнике «Все для победы», посвященном 60-летию Победы и составленном М.П. Никулиной, В.А. Блиновым, Л.П. Быковым, Г.Ф. Дробизом, Ю.В. Казариным.

Из этого очерка мы взяли только фамилии литераторов, которые упоминает Б.С. Рябинин. И начинается упоминание этих фамилий с приехавшей в августе 1941-го из Киева детского писателя Оксаны Иваненко. Далее он приводит имена ленинградцев. «... приехали один из зачинателей советской поэзии Илья Садофьев, Ольга Форш, профессор, доктор, исследователь истории отечественной техники, принятый в Союз писателей уже в Свердловске, В.В. Данилевский... Из Москвы приехали Анна Караваева, Мариэтта Шагинян, Федор Гладков, Лев Кассиль, Б.С. Ромашов с женой, Агния Барто со своим семейством, Виктор Финк со своими «Финками» (вероятно, так в шутку называли его дочерей – А.Т.), профессор Л.П. Гроссман, один из последних «символистов» и старейших поэтов страны Юрий Никандрович Верховский, профессор Н.К. Гудзий, поэтессы Ольга Высотская, Вера Звягинцева, критик и литературовед Л.И. Скорино, автор русского тек-

ста «Интернационала» Аркадий Коц, один из старейших писателей Н.Н. Ляшко. Какое-то время жил в Свердловске М.Д. Марич, минский писатель и скромнейший душевный человек член Союза писателей с 1934 года Феодосий Шинклер, современник и друг В.Г. Короленко – Н. Чаговец, дочь Короленко, хранительница музея Короленко в Полтаве, Сусанна Люм, начинающий прозаик Сарра Марголис, молодые поэтессы Агния Кузнецова и Людмила Младко, сотрудник центрального Литфонда Е.Я. Берлинраут и многие другие. Мимоходом к семье на 10 дней отпуска приехал корреспондент «Красной Звезды» Лев Славин, мелькнул журналист Л. Хват». Упомянул Б.С. Рябинин ещё Е. Пермяка, А.С. Новикова-Прибоя, Викторина Попова и побывавшего в Свердловске Александра Фадеева. Упомянул также Борис Степанович кое-кого из тех, кого решил оставить безымянными, только сказав: «но были такие, (правда, их было ничтожное меньшинство), которые предпочитали брюзжать, ныть, недовольные всем и вся, озабоченные больше всего тем, как бы отсидеться, переждать грозу. Для тех плохи были и Урал, и Свердловск, да и, вероятно, все мы, уроженцы края». Завершил он упоминание о них словами: «Не стоит называть их. Они сами наказали себя...»

Думается, следует возразить такой позиции – оставлять кое-кого безымянными только из соображений этики, присущей всему русскому менталитету, исходящему из православия, не обнародовать плохое под предлогом, что «они сами наказали себя». Конечно, мы не судьи. Но ведь писать историю (даже и не историю, а всего лишь «краткий курс») – это все-таки занимать какую-то личную позицию и, конечно, за эту позицию быть в ответе, то есть все-таки быть судьей. Бесстрастной истории не бывает. И, главное, наивно полагать, что те люди, о которых не упоминается только из соображений этики, и которые на самом деле «сами наказали себя», действительно сами наказали себя. Чёрного кобеля не отмоешь добела. И так говорить, что «они сами наказали себя» – это им потворствовать. С чего бы они вдруг кинулись когда-то потом, якобы в целях «отмывания себя добела» наказывать себя!

Впрочем, многие с такой позицией не согласятся. Впрочем, и мы сами в своем «Кратком курсе» стараемся обходить некоторые не совсем удобные моменты для некоторых имен – не нам неудобные, а неудобные носителям этих имен, за них сберегая их имена. И ведь дело ещё и в том, что никто из нас не признает себя участником этих самых «неудобных моментов», не признает того, что поступали они некрасиво, что поступались своим именем, если даже знали, что поступались. Моральные заветы – это не присяга. Нарушить их труда не составляет – тем более при условии, что останется это нарушение безнаказанным, даже без каких-либо последствий в виде угрызений совести. А подчас так вообще большинство из нас свято верит в собственную непогрешимость и с этой верой уходит в могилу, или обозлясь на весь мир, или «великодушно прощая» его.

А сравнивая некоторые факты, приведенные Б.С. Рябининым, с архивными документами, позволим себе устранить некоторые, совсем не умаляющие достоинств его очерка, неточности. Ну, хотя бы вот такие. Например, архивный документ показывает, что пер-

вые, «эвакуировавшись из Москвы сами, без разрешения», члены Союза писателей появились в Свердловске уже в июле 1941 года. И кинувшемуся им помогать в обустройстве и прописке П.П. Бажову было указано на неправомерность его действий (ф. 304, оп.1, д. 1, л. 112). То есть киевский детский писатель Оксана Иваненко, активно включившаяся в работу Союза писателей, как пишет Борис Степанович, не была первой из приехавших. Были, оказывается, такие прыткие, кто сумели приехать не из горящего Киева, а пока ещё вполне благополучной Москвы. И Оксана Иваненко не была, да и не могла быть, как пишет Борис Степанович, секретарем партийной организации по практическим соображениям. Секретарем парторганизации был авторитетный П.П. Бажов, а она была избрана его заместителем. И это случилось в ноябре 1941 года (там же, л. 119). А в июле 1941 года секретарем парторганизации был избран Макаров, заместителем – Глазырин (там же, л. 105). И имя Оксаны Иваненко стало упоминаться в партийных протоколах только с сентября 1941 года наряду с именами Ольги Форш, Агнии Барто, Б. Гроссмана. В середине ноября 1941 года появились в уральской прессе имена А. Караваевой, Ф. Гладкова, Гринберга, в конце ноября – М. Шагинян. В сентябре 1941 года был мобилизован в РККА Н.А. Куштум, во всяком случае, в сентябре райвоенкомат запросил его партийную характеристику, а это делалось только в связи с призывом, и его имя в документах парторганизации ССП времен войны перестало упоминаться. С августа были организованы выступления писателей по радио. Выступали Бажов, Боголюбов, Хоринская, Мурзиди, Макаров, Баранов, Куштум, Рябинин (там же, л. 110). И в ноябре начинает оформляться отделение Литцентра на Урале. Был ли этот Литцентр отделением Литфонда или был он самостоятельный профсоюзной организацией, пока сказать трудно. Но лист 121 протокола партсобрания от 29 ноября 1941 года, говоря о Литцентре, одновременно говорит и о профкоме, членами которого были избраны товарищи Финк, Ромашов, Рождественская, Садофьев, Гринберг, Звягинцев, Чалая, Бычков. А обустройством быта и в первую очередь квартирным вопросом, как сказано в том же документе, и об этом говорит в своем очерке Б.С. Рябинин, занималась Анна Караваева, надо полагать, как самая известная и потому самая авторитетная. Приходилось участвовать в этом – тоже как известному и авторитетному – и Павлу Петровичу Бажову. В связи с наплывом в город и область эвакуированных предприятий и учреждений вопрос размещения их сотрудников был сложнейшим. Как пишет Б.С. Рябинин, вопрос решался так, что собирались выселить из города в область всех писателей: «Не все ли равно, где писателю сидеть и писать – в Свердловске или Верх-Нейвинске? Были бы бумага и чернила...» И он же пишет дальше об эвакуированных: «Жили в уборных, дровяниках. На сцене Театра юного зрителя работали станки, та же участь постигла клуб «Профинтерн» (Дворец культуры имени Свердлова). В здании Уральского индустриального (ныне политехнического) института размещалось три завода; завод въехал в помещение университета на улице 8-го Марта. В первую очередь требовалось разместить оборонные предприятия (а на оборону тогда работали все, даже самые «мирные») их выгружали, и тут же, сходу, они разворачивали производство – в старых бараках, в недо-

строенных помещениях, зачастую под открытым небом, несмотря на приближение зимы. А эшелоны с людьми, оборудованием целых заводов, материалами (...) все шли и шли (...) Трудности были не только с питанием и жильем. Жесткий лимит был введен на пользование электроэнергией (...) Поэтому многие работали вне дома – в библиотеке, в зале Дома партпроса (...) Все издательские планы полетели к чёрту, производство и расход бумаги резко сократились, многие издания прикрылись, возможности печатания упали почти до нуля...» Такую картину военного быта дает Б.С. Рябинин. От себя прибавим, что в здании нынешнего министерства культуры и областного историко-краеведческого музея располагался завод № 217, ныне известный всему миру Уральский оптико-механический завод имени Яламова, прибывший из Москвы в ноябре 1941 года. В нашем же Доме писателя и бывшем ДЛИ расположился госпиталь.

Вернёмся к альманаху «Уральский современник», который, как уже сказали, несмотря на описанную Б.С. Рябининым картину, все-таки выходил. В 1942 году он вышел объемом в 11,5 печатных листов и тиражом 3 тысячи экземпляров. В 1943-м – объёмом 14 авторских листов и тиражом в 10 тысяч экземпляров, а в 1944 году вышел двумя выпусками по 7 листов. Конечно, для писателей и читателей этого было очень и очень мало. Тем более, что в 1945 и 1946 годах альманах не выпускался вообще и не выпускался по самой неожиданной причине – не хватило бумаги, потому что в эти два года страна в преддверии победы и, глядя в будущее, всю бумагу отдала под школьные учебники – в основном для освобожденных от оккупации территорий.. Но, как вспоминает Б.С. Рябинин, и как показывает архивный документ, многие имели возможность выхода к читателю и слушателю (в отличие от нынешнего времени) на страницах газет и на радио.

А дело с изданиями книг в Свердловске в этот период обстояло так.

В 1942 году были изданы: литературно-художественный сборник «Говорит Урал» объемом в 320 страниц; «Сокровищница тайн» Низами Гянджеви с переводом и комментариями Мариэтты Шагинян; Новые рассказы Ольги Форш; два выпуска детского альманаха «Боевые ребята»; Очерки Федора Гладкова о людях Уралмаша; сказ П. Бажова «Ключ-камень»; стихи А. Кузнецовой; «Красные флажки» И. Ликстанова; повесть о женщинах тыла С. Марголис; сборник статей В. Финка; рассказ О. Иваненко; отдельными изданиями вышли А. Барто, Л. Кассиль, Г. Бояджиев, Е. Пермяк, И. Садофьев. Кроме этого, вышли литературно-эстрадный сборник «Боевая волна»; сказка К. Токаревой; сборник К. Боголюбова «Идет война народная»; баллады О. Высотской; сборник очерков «Мы победим» Федора Гладкова; книги Анны Караваевой, Бориса Рябинина, Дмитрия Босого. Правда, большинство изданий были маленькими по объему – от 16 до 50 страниц и в серии «Библиотека школьника». Но сама постановка вопроса – книгу детям! – достойна преклонения.

Таких подробных обзоров за последующие годы альманах не публикует. И, кроме того, в писательском альманахе публиковались почти все названные авторы. И появились в альманахе новые имена уральцев: В. Стариков, Ю. Хазанович, уже упомянутый Иосиф Ликстанов, Бела Дижур, Михаил Пилипенко. Кроме художественной литературы,

альманах публиковал статьи об Урале профессора В.В. Данилевского, академика Обручева, геолога Н. Чочиа, искусствоведа Н. Евстафеева, статьи о том, как «боролся Герцен с австро-венгерской реакцией», об участии в Отечественной войне 1812 года будущего композитора А.А. Алябьева. Клавдия Рождественская публиковала свои исследования о средневековых дорогах через Урал в Сибирь – Чердынско-Лозьвинской и Бабиновской, писала об уральском математике И.М. Первушине, издававшем в середине 19-го века свой журнал в Шадринске. Она же делала литературные обзоры. И в обзоре за 1942 год (альманах за 1943 год) в статье «Литературные итоги 1942 года» она сообщает: «Свердловская писательская организация к началу 1942 года не была многочисленной. Незадолго до войны умер прекрасный художник-гуманист тагилец А.П. Бондин. В 1941 году не стало Юрия Владиславовича Цехановича и Дмитрия Ивановича Казанцева, автора интересной автобиографической повести «Яблочный пир». Погибли в боях за Родину прекрасный поэт романтической героики Владислав Занадворов, автор романа «Урман» Иван Панов, Александр Савчук. В РККА – Н. Куштум и Борис Гранин, писавший о колхозной жизни...» Ничего не сказано в этом обзоре о Константине Реуте.

И из упоминания в обзоре Д.И. Казанцева так и просится вывод о том, что известный на Урале селекционер Д.И. Казанцев, чей сад на улице Октябрьской революции жив до сих пор и является достопримечательностью Екатеринбурга, был членом Союза писателей. Но, конечно, этот факт надо проверять.

Далее о публикациях в альманахе «Уральский современник». А. Ладейщиков обозревал выходящие в стране книги, например, такие: Денис Давыдов «Дневник партизанских действий 1812 года» с предисловием А. Котова; Л. Перепелов «Ленинградские лётчики»; К. Симонов «Третий адъютант». Все эти книги были изданы в Свердловске в 1942 году. И он, кстати, оказался первым, кто сделал попытку исследовать творчество погибшего под Сталинградом в ноябре 1942 года поэта Владислава Занадворова, приславшего в альманах свои стихи с фронта:

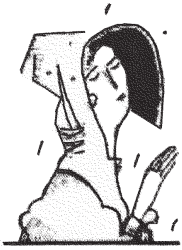
Три взрыва – указано в штабе. Три взрыва. Ночная тревога.
Приглушенный голос команд, храп коней и бряцанье лопат.
Походной колонной повзводно сквозь лес убегает дорога
Вся в бледном сиянье штыков, в лунных бликах на касках солдат.
Ночные неясные тени, но быстро на дымном рассвете
Полнеба объемлют зарницы, полнеба во вспышках огня.
Когда-нибудь станут по карте, волнуясь, разыскивать дети
Всю эту дорогу победы, дорогу грядущего дня.

А. Ладейщиков в своей статье о Владиславе Занадворове привёл несколько строк из его письма, написанного в феврале 1942 года: «Я сейчас часто думаю о том, как хорошо будет после войны. Нужно так много жить, так много работать, так много любить». Но

28 ноября 1942 года в боях за станицу Чернышевкая во время операции по окружению немецкой 6-й армии под Сталинградом командир артиллерийско-минометно-пулемётного взвода 59-го гвардейского пулемётного батальона 47-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии лейтенант Занадворов погиб.

С прискорбием приходится констатировать, что едва ли ныне «волнуясь, разыскивают дорогу Победы» – дорогу отцов, дедов, прадедов современные дети, получающие высшее образование, но не умеющие грамотно читать и писать. До дороги Победы ли им... Да ведь и мы, их отцы и деды, приложили к этому свою равнодушную руку.

И в годы войны был удостоен Сталинской премии 2-й степени Павел Петрович Бажов за сборник сказов «Малахитовая шкатулка». В 1948 году Сталинской премии 3-й степени будет удостоен И. Ликстанов за повесть «Малышок».



Александр КЕРДАН

СЛОВО О ПОЭТЕ ИЗ НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Конец лета и начало осени этого года для коллег из Кемерово – время потерь. В ряду своих товарищей по цеху Василия Феданова и Бориса Кузнецова ушёл из жизни известный поэт, член Союза писателей России Виктор Коврижных.

Виктор Анатольевич родился 5 ноября 1952 года в посёлке Старо-Бачаты Беловского района Кемеровской области. Стихи начал писать и публиковать в районной газете с юношеских лет; с первых шагов заявив о себе свежей интонацией, неподдельной искренностью, умением в поэтических строчках глубоко проникать в суть житейских проблем и человеческих отношений. Его первый поэтический сборник «Я, наверно, родился не зря» был тепло воспринят читательской общественностью. Затем увидели свет книги: «Непонятно, куда мы спешим», «Зелёная дудка», «Токовинская дорога». К шестидесятилетию вышла его книга «Избранное время», которая, по словам редактора Б. В. Бурмистрова, образно и тепло раскрывает «внутренний мир человека труда, его ощущения, чувства и помыслы». Виктор Коврижных активно публиковался в коллективных сборниках и периодических изданиях, как региональных, так и центральных, встречался с читателями. Был награждён наградами Администрации Кемеровской области.

Мы несколько раз виделись с Викторов на кузбасской земле, но как-то поговорить подольше всё не удавалось. Правда, последние годы были «друзьями по Контакту», и читали стихи друг друга, и реагировали на новости...

Но никаким Контактом живого общения не заменишь. Скорблю об уходе Виктора вместе со всеми, кто тесно общался с ним при жизни. Пусть подборка его стихотворений напомнит читателям, какой поэт жил и творил рядом с нами...

ТАМ, В НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
Живы хлебом и небом разлук.
Деревянными буквами пишут письмо
В министерство почётных наук:
Как построить за баней Егора сельмаг,
Институт благородных колёс,
Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
Чтоб земную помазали ось.
Дескать, время скрипит будто ржавый засов,
Отстаёт от метро и ракет.
Длится день двадцать семь с половиной часов,
Ночь? – единого мнения нет.

Непонятного свойства часы и труды.
То ль ночуют кудесники тут? –
На неделе семь пятниц, четыре среды,
Дни другие – в сарае живут.
Из дремучих подворий, бурьянов глухих
Бесполезный айфон голосит.
И колхозное знамя побед трудовых
Над избой комбайнёра висит...

Там за Лысой горой – царство вечных болот,
Где по воле небесных огней
Истребительских войск утонул самолёт
И поэт евразийских кровей.

А за взгорком – простор! Свет как счастье высок,
В синеве соловейки полёт.
Берендеевым солнцем пронизан лесок,
И душа пасторали поёт!
Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец
И вглядится в сияющий зной.
Так глядит далеко, словно видит дворец,
Где Господь проживает с семьёй.

В остальном, как и всюду: изба, огород
И следы заплутавших колёс.
На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
Спросит вежливо: – Рыбу принёс?
Голосистый петух известит в лопухах
Об итогах хозяйских забот.
Электронное время придёт в сапогах,
Постоит... И обратно уйдёт.

Там, в народной глуши бродит хмелем трава,
Облака серебрятся вдали.
Там для песни полезной сыскали слова,
только музыку к ним не нашли.
Там закатных коней стерегут до сих пор
На зелёном в ромашках лугу...
Я б срубил там избу или даже собор,
Да топор подобрать не могу...

* * *

Сижу за решёткой в квартире своей
в угоду властям, карантину.
(Решётки на окнах, железо дверей,
чтоб воры не лезли в квартиру).
Смотрю телевизор, гоняю чаи,
пишу чепуху, а снаружи –
чирикают птахи, грохочут ручьи
и солнце валяется в лужах.
Такая сочится с небес благодать!
Так радостно, звонко искрится!
Как будто безногие стали плясать
и в рифму писать верлибристы.

* * *

Всё было на моём веку:
потери, встречи и пирушки,
кричали петухи «Ку-Ку»

и кукарекали кукушки.
Таким был сотни лет назад
под этим самым небосклоном

ходил с графиней в Летний сад и воевал с Наполеоном.
И даже помню смутный страх
в годах глубинной странной речи:
костёр, людей, пещерный мрак
и лодки чёрные у речки...
Сейчас – весна и карантин.
И я меняюсь кардинально:
И привыкаю жить один,
жить человеком виртуальным.

ВЫШИВАНКИ

Для последнего часа свиданья,
упиваясь небесным огнём,
вышиваешь иглою Майдана
вышиванки на теле своём.

Лягут крестик с веночком и строчки,
алой кровью наполнятся швы.
Обернутся воронки в цветочки,
а траншеи в ажуры листвы.

Чудный месяц на теле и звёзды.
В честь высоких заморских гостей
вспыхнут росы, как чистые слёзы
в небеса унесённых детей.

Дым и горечь полынного хлеба,
гарный хлопец над полем ржаным.
Блещет жовто-блакитное небо
над коханым простором твоим.

Ради воли высокой и цели
гайдамаки от мира сего
для любимой тебя не жалели

ни себя, ни родных – никого.

Захлебнувшись сыновней любовью,
по следам самостийных годов
напитают москальскою кровью
вышиванки вишнёвых садов.

Возойдут из поганого склепа
в золочёный державный жупан:
посполитовый гетман Мазепа,
незалэжный Бандера Степан...

Вышиваешь, себя обряжаешь,
как в последний готовишься путь.
Ждёт жених из предтечных пожарищ,
звонкой песней прострелена грудь.

С рушниками придут за тобою,
вознесут на престол к образам.
И в церквах твоих ветер завоет,
и откроет всем виям глаза.

Протокольные речи назначат,
рухнет птах на средину Днепра!..
Только русское сердце заплачет
по тебе, дорогая сестра...

Олег ПЕТРОВ

НЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД СВЕРХУ. УЛИЦЫ МОЕГО ГОРОДА

Из сборника «А теперь новости культуры»

Это будет экскурсия. Я буду гидом.

Знаю, многие предпочитают без гида, любят все сами смотреть. Но давайте, попробуем. Вдруг на этот раз вам понравится. Бесплатно, к тому же.

Тут дело ещё вот в чем. У меня гипертрофированное чувство гостеприимства. Мне его некуда девать, и просто необходимо рассказывать кому-нибудь про мой город. Болезнь какая-то. Рассказывать и показывать. Скорее даже показывать. С высоты птичьего полёта. Белой лебедью промчать над улицами. Или голубем сизокрылым. Это уже на ваше усмотрение. Комфорт в любом случае обеспечен...

Полетели?

Над центром задерживаться не будем. Тут ничего интересного, улицы имени героев прошлых и вымышленных.

Впрочем, чуть остановимся.

У вас ведь есть улицы Маркса и Энгельса?

У нас они идут параллельными курсами и заканчиваются, беспомощно упершись в Мичурина. Наверно, в этом есть какой-то глубинный смысл. Я его пока не постиг. На досуге попостигаю. Сейчас мы торопимся.

Вот улица Чапаева. Вполне логично пересекает улицу Фурманова. Можно сказать. Делит Фурманова на до и после Чапаева. С этим не поспоришь, потому как исторически достоверно.

Улицу Щорса не ремонтируют, и предполагаю, что делают это намерено. Канавы-рытвины-ранения. «Голова обвязана, кровь на рукаве...» Почувствуйте себя красным командиром!

Не хотите командиром? Тогда улетаем от личностей.

В моем городе и без них много улиц с влекуще-романтическими именами – Газорезчиков, забойщиков, Крупносортщиков, Строгальщиков, Торфорезов.

Я бы, кстати, в крупносортщики пошёл, пусть меня научат!

Вы спросите, кто живёт на этих улицах? Отвечаю: живут и работают на этих улицах люди соответствующих профессий. Это же очень рационально. Вышел человек на улицу,

и делись секретами мастерства, обменивайся навыками, создавай преемственность и рабочие династии.

А представляете, если бы вперемешку все жили? Чем бы они делились друг с другом? То-то. Были бы у нас торфорезы с навыками строгальщиков. Вам нужны такие нелепые и никчемные специалисты? Вот и нам...

Хотя бывают, конечно, уникумы. Люди, которые могут все. Живут они на специальной улице Многостаночников. Очень немногочисленные люди. Я лично их не видел ни разу. Предполагаю, что у них несколько голов и щупальца по количеству обслуживающих станков. Впрочем, могу заблуждаться.

Кстати, о многостаночниках.

Улица Стаханова ведёт из города. В никуда.

Или Стаханов не был многостаночником? Скорее. Стахановцем он был. Стаханов-то. Ошибся, извините, я ведь только учусь гидом быть.

Кстати, о Стаханове.

В моем городе есть улица Первой Пятилетки и улица Третьей Пятилетки.

Улицы Второй Пятилетки нет.

Уважаемые историки! Что, Второй Пятилетки не было в принципе? Или она не ознаменовалась? Вопрос оставляю открытым. А мы возвращаемся к нашим строгальщикам.

Улица Взрывников.

Страшновато, да? И мне.

Честно говоря, не знаю, есть там улица, как таковая, или нет. Может быть, это просто благозвучное название гигантской воронки. Взрывники – это люди-терминаторы, им волю дай, через пару дней уже площадь Взрывников будет, а там и район, и город Взрывников.

А волю им не дают саперы с улицы Саперов.

Сколько раз уж было... Взрывники только соберутся бомбу свою взорвать, на кнопочку специальную нажимают-нажимают, а бомба никак. Это саперы с улицы Саперов им Красный проводок перерезали. И мы за это саперам очень благодарны.

Спасибо вам, саперы!

Летим дальше.

Вот улицы – примеры эволюции. Планеристов, Авиационная, Самолётная и, как вершина развития, Реактивная.

Жителей улицы Реактивной никто никогда не видел, инверсионные следы только...

Сам-то я, кстати, на проспекте Космонавтов работаю. Кем работаю, надеюсь, понятно? Стыковки, расстыковки, разгерметизации всякие. Белку-Стрелку из тюбиков покормить – рутина, одним словом. Надоело. Я же в детстве космонавтом не совсем по-настоящему хотел стать, и уж совсем не думал, что все желания сбываются. Досадное не-

доразумение какое-то, а не выбор профессии. Даже говорить об этом не хочу. Кроме того, есть более актуальные темы.

Например остро стоит вопрос, куда селить тысячи менеджеров, директоров и прочих клерков?

Допустим, для «топов» есть улица Крутая.

Компьютерщикам, как филиал Силиконовой Долины, отдали Юзовский переулок.

Начинающие карьеристы селятся на улице Тружеников и Энтузиастов.

А остальных куда? Вопрос висит, власти не чешутся...

О криминалитете они, например, позаботились. Живи – не хочу.

Для любых категорий и этносов – улицы Бригадиров, Боевых Дружин, Автономных Республик, Лагерная, в конце концов!

Нет, если кто совсем уж не хочет на Лагерную, на улице Стрелочников можно попробовать пожить какое-то время. Или вот Депутатская улица ещё есть...

Кстати, как вы думаете, где находится улица Депутатская?

Правильно, в центре города.

А улица Избирателей? Не правильно. Ещё дальше...

А Милицейская, на всякий случай, рядом с Советской, а ещё Чекистов и Дружинников.

Специальный пакет улиц и тёмных переулков для шпионов. Хоть по радио объявляй... «Внимание! Обладателям военных и государственных тайн и желающих ими стать. Вас ждут в вербовочном переулке. К вашим услугам Связной переулок и улица Северных радистов. Повторяю...»

Женщины спросят: «А мы? А мы?»

Милые вы наши!

Только для вас.

Улица с жёлто-мимозным названием «8 марта».

И давайте воздержимся от дурацких шуточек, типа, по 8-ым мартам – улица, а в остальные дни – переулок. Не надо этого. Глупо, не смешно и без должного уважения. Неведомые нам градостроители улицу в приступе почтения к женщинам. И молодцы! Такие градостроители нам нравятся.

И, казалось бы, гуляй беззаботно, житель, по улице, почитай женщин. Ан нет. После некоторого перекрестка улица 8-го марта внезапно начинает называться улицей 9-го января.

Зачем?

Какое 9-е января имели в виду?

9 января 1799 года – день введения первого в мире подоходного налога?

Или 9 января 1902 года – принятие билля о запрете публичного флирта в штате NY?

Нет. Историки, молчите! Я сам догадался.

9 января 1599 года – день создания первой масонской ложи. И здание Правительства области здесь не случайно... Всё. Молчу-молчу.

Будем о вещах нейтральных говорить.

Нейтральных и разумом непостижимых.

Давайте, попробуем осмыслить улицу Большой конный полуостров.

Или Брикетный тупик.

Не осмысливается, да?

Или Теплоходный проезд. Предлагаю вариант: для заблудившихся в центр континента теплоходов. Представляете: ночь, туман, шторм баллов под пятьдесят, паруса в клочья, мачты в щепки, ад кромешный, одним словом. Ну, чего я рассказываю, как будто вы на теплоходах не плавали. И вот утром в городе теплоход очухался. Куда плыть? Да и как плыть? Не плывётся ведь по асфальту! Не разгонишься. Теплоход в депрессию уже готов впасть, взвыть скорбно в дуделки свои, а мы гостеприимно так: не волнуйся, теплоход, вот тебе Теплоходный проезд! Плыви себе дальше на радость рыбам! Семь футов тебе под килем! (Я правильно употребил это пожелание? Или в таких случаях говорят «Сто якорей тебе, теплоход...»? Не помню точно, но с якорями незаконченно как-то выглядит).

Летим дальше.

Улица Опытная. Вижу два варианта.

Первый – живут очень опытные.

Второй – это такой эксперимент. Поселили. Пусть поживут немножко, посмотрим, как пойдёт. Не понравится – снесем. Для таких случаев улица Резервная есть. Надо понаблюдать будет.

А вы знаете, что Венгрия и Финляндия славятся своими коммунарами, а Испания рабочими?

И я не знаю.

На мой взгляд, испанские лётчики гораздо популярнее испанских рабочих. Назовите улицу в честь них. Улица Испанских лётчиков – всем от винта!

А улицу Венгерских коммунаров переименовать в улицу Венгерского Лечо. Наверняка коммунары лечо делают и в обиде не будут. А улицу Финских коммунаров назвать просто улица Финляндия. И знаете, какие ассоциации у жителей будут? Дорогая, но качественная улица. Люди обязательно туда потянутся.

Да, чуть не забыл! Заодно уберите букву «н» в улице Паровозников и отдайте её детям. Пусть поиграют.

Вопросов не возникает по поводу Водонасосной улицы – все понятно, насосы гоняют именно воду. Туда-сюда...

А Насосный переулок почему тогда просто «насосный»? Не хватает смелости вещи своими именами называть, да?

Смелости и мне порой не хватает.

Вижу улицу Минометчиков и сразу ощущаю нехватку смелости. Объезжаю её за три квартала. А может, три квартала мало? Сколько там радиус поражения?

Улицу Снайперов проезжаю на пятой скорости, пригнувшись и вихляясь. Пока проезжаю.

Как всякий нормальный бледнолицый опасаюсь улицы Красных Борцов. Это же про индейцев, сколько я понимаю. Про индейцев я все знаю. Сейчас расскажу. У них все от Топора Войны зависит. Зарыт Топор – иди спокойно, наш бледнолицый друг. Ну, а уж если его вырыл кто (не важно, человек или экскаватор какой шальной) – не обессудь, поборют тебя Красные Борцы, скальп снимут и джигу спляшут на твоей могиле. Или пассадобль, по желанию заказчика...

Теперь приготовились.

Самое страшное.

Нет, давайте, лучше не буду про эту улицу?

Настаиваете?

Я не хотел...

Мальчики и девочки, юноши и девушки, вы хотя бы не читайте! Вам-то точно об этом думать рано.

Это мои ночные кошмары.

Это улица Смазчиков.

Вы скажете, у меня больное воображение? Пока здоровое. Я берегу его, выключаю, когда слышу название этой улицы. Я стараюсь не думать об этом, забыть, выбросить из жизни. Но они врываются в мои сны, наваливаются толпой, валят на землю, хватают волосатыми пальцами.

Потные красномордые смазчики с лоснящимися вазелином руками...

Бррр! Зачем вы настаивали? Фу! Фу! Фу! Гадость какая...

Вообще предполагаю. Что пока не самое лучшее мнение складывается у вас об улицах моего города, да?

Должен признать, это я специально так сделал.

Это такой художественный прием – сначала о плохом рассказать, а потом уже о хорошем. Теоретически в памяти должно оставаться только хорошее.

Итак, начинаем о хорошем.

Просто послушайте.

Бирюзовая
Листопадная
Алая
Вечерний
Утренний
Лебяжий
Вересковый
Спокойный
Звонкий

Лазурный

Вы слышите? У этих улиц есть душа.

Живут здесь люди разных профессий, но все они – Поэты, Музыканты и Художники. Особенно дети.

В переулке Здешнем варят самый вкусный в нашем городе борщ.

Я знаю, многие варят действительно вкусный борщ, густой, наваристый.

Но Настоящий Борщ варят только здесь. И научиться этому нельзя. Для этого надо родиться и жить в Здешнем.

Пока борщ настаивается в уютных печках, детишки из Здешнего бегут в Соседский переулок звать гостей. Просто, по-соседски, на борщ.

А уж когда большие праздники – добро пожаловать в Званый переулок. Наряжаются, выставляют стол длиной в переулок и всем миром гуляют, с песнями, с гармошкой, по нескольку дней подряд.

На улице Боцманской собираются друзья. Без всяких поводов. Друзьям не нужен повод. Они просто знают, сегодня – на Боцманской. Тут можно до утра тихо говорить с другом, с которым не виделись сто лет, сидеть на кухоньке, покуривать в форточку, вспоминать свое. А можно устроить шумную пирушку и перебудить всех гостей. На Боцманской соседи не обижаются, а если и обижаются, то лишь за то, что их не рабудили раньше.

Странно, что я никогда не встречал здесь вас.

Заходите обязательно, здесь всегда рады друзьям.

Заходите и ко мне. Я живу на улице Шишимской. Непонятное название, да? Сейчас объясню. Шишимы – древнее племя. Гордые, смелые и талантливые люди. Воины и созидатели. Не слышали про таких? Рассказываю.

Шишимы изобрели колесо.

И двигатель внутреннего сгорания.

Или сначала двигатель? Не помню, да и не важно.

Создали кириллицу, а на досуге латиницу. На кириллице написали «Толковый словарь Ожегова», а на латинице «Основы маркетинга Котлера». Открыли Америку и закон всемирного тяготения, прорубили окно в Европу и затопили Атлантиду (случайно, когда придумывали цунами). Заставили пересечься параллельные линии, подогрели Гольфстрим, написали «Купание красного коня» и позировали для «Чёрного квадрата». Научили Страдивари делать скрипки, а Дзержинского делать маузеры и лампочки Ильича.

Вы лучше остановите меня. Я могу рассказывать про шишимов бесконечно.

Наверное, одно из моих предназначений в этой жизни – донести людям правду про шишимов.

Наверное, я их потомок.

Гордый, смелый и талантливый.

P. S. В названиях улиц и переулков нет ни буквы вымысла.

Друзья, прекрасен наш союз!

(хроника Ассоциации писателей Урала)

6 ноября 2021 года состоялась XXII конференция АСПУр. Она впервые прошла в онлайн-режиме, так как администрация Нижневартовска, где конференция планировалась, ввела карантин в связи с эпидемией ковида. В конференции приняли участие 22 представителя из 22 писательских организаций, входящих в АсПУр. В повестке дня обсуждался вопрос: «Русская литература, связующая народы». С докладами выступили Арсен Титов (Екатеринбург) и Валерий Михайловский (Нижневартовск), в прениях: Анатолий Омельчук (Тюмень), Игорь Ширманов (Ханты-Мансийск), Виталий Молчанов (Оренбург), Виктор Бакин (Киров), Дмитрий Мурзин (Кемерово), Леонид Иванов (Тюмень), Александр Рухлов (Курган), Анна Самойлова (Барнаул), Марина Александрова (Севастополь), Анастасия Порошина (Челябинск), Анатолий Шалин (Новосибирск), Галина Шестакова (Пермь).

В завершении конференции координатор АсПУр Александр Кердан огласил имена новых лауреатов Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина Сибиряка. Ими стали: Габдель Махмут (Казань), Игорь Ширманов (Ханты-Мансийск), Лилия Кулешова (Челябинск) и Павел Кренёв (Москва).

20 марта 2022 года в Каменск-Уральском театре драмы состоялось подведение итогов XXIX-го Рождественского поэтического конкурса, учредителями которого являются Ассоциация писателей Урала, Екатеринбургское отделение Союза писателей России, управление культуры Каменска-Уральского, городское литературное объединение, а также газеты «Новый Компас» и «Каменский рабочий». В конкурсе приняло участие 226 авторов из различных регионов России. В основном конкурсе победил поэт из Челябинска Роман Япишин, второе место поделили Кира Марченкова (г. Сельцо Брянской области) и Феликс Чечик (Москва), на третьем месте Ирина Колесникова и Юлия Долгановских из Екатеринбурга.

15-17 апреля 2022 года в Челябинске и Каменске-Уральском одновременно состоялись два всероссийских совещания молодых писателей, проведённые при поддержке Ассоциации писателей Урала Ниной Ягодинцевой и Виталием Молчановым. В работе совещаний приняло участие около двухсот молодых литераторов из разных регионов России. Руководителями семинаров выступили А. Титов, В. Осипов, А. Кердан, О. Ралкова и другие известные поэты и прозаики Урала.

5 мая 2022 года состоялась двенадцатая церемония вручения Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика Венедикта Станцева (соучредители – АсПУр, Уральское отделение Литфонда РФ, внук поэта С.Григорьев). Лауреатами премии стали прозаик Михаил Пронякин (Москва), поэт Юрий Дёмин (Кустанай) и музейный работник Антонина Хлыстикова (Богданович). В церемонии приняли участие начальник управления культуры Екатеринбурга Илья Марков и председатель комитета по социальной политике Законодательного собрания Свердловской области Вячеслав Погудин.

6 июня 2022 года в Пушкинский день по инициативе Ассоциации писателей Урала в Екатеринбурге и Челябинске прошли очередные акции «Бессмертный полк русской литературы». В Екатеринбурге в ходе акции была вручена ежегодная премия писателей города «Чаша круговая». Лауреатами стали Юрий Бриль и Любовь Ладейщикова.

16 сентября 2022 года в городе Коркино Челябинской области под эгидой Администрации муниципального района и Ассоциации писателей Урала состоялись восьмые Кердановские литературные чтения, в которых приняли участие пятнадцать писателей, музыкантов и артистов из различных городов Челябинской и Свердловской областей.

Январь–ноябрь 2022 года в издательстве «АсПУр» вышли в свет десять книг и двадцать первый номер литературно-художественного альманаха «Чаша круговая».

5-6 ноября 2022 года в Черноисточинске состоялись XXIII конференция АсПУр, церемония вручения Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

ОБ АВТОРАХ

Любовь АНУФРИЕВА родилась в 1987 году в селе Гам Ижемского района. Окончила Сыктывкарский государственный университет, коми филологический факультет. Работала в журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). Преподавала в школе русский и коми языки. Сейчас работает в музее им. И. А. Куратова. Автор нескольких книг стихов. Победитель двух республиканских поэтических конкурсов. Живёт в Сыктывкаре.

Леонид БЫКОВ родился в 1947 году в Сухом логу Свердловской области. Окончил Ургу им. А. М. Горького. Профессор Уральского федерального университета, доктор филологических наук. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2007). Член Союза российских писателей. Автор пяти книги и многочисленных публикаций в литературных и научных изданиях. Живёт в Екатеринбурге.

Алексей ВОРОНЦОВ родился в Смоленске. На Урал переехал пять лет назад. Работает в ООО «Каменская катанка». Победитель Рождественского поэтического конкурса в 2022 году за лучшее стихотворение о родном городе. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые. Живёт в г. Каменске-Уральском Свердловской области.

Станислав ГАГАРИН (1935–1993) родился в д. Уваровка Московской области, окончил Ленинградское мореходное училище. Прозаик, член Комиссии по морской художественной литературе при СП СССР, член Совета по фантастике и приключенческой литературе при СП РСФСР, автор многих книг прозы. Некоторое время жил в Свердловске и был членом Свердловской писательской организации. Похоронен в Москве.

Любовь ГУДКОВА родилась в г. Иваново. В 2007 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор поэтической книги «Благодарю!». Участница литературных фестивалей «Русские мифы», «Петроглиф», Международных литературно-образовательных чтений в Гданьске и Сопоте (Польша). Стихи переведены на турецкий язык. Живёт в Москве.

Александр ЕВСЮКОВ родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области. Окончил Литинститут им.А. М.Горького в Москве. Работал археологом, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором. Автор трёх книг прозы. Лауреат нескольких всероссийских и международных литературных премий. Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский, польский, турецкий и якутский языки. Живёт в Москве.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ родилась в 1961 году в Омске. Секретарь правления Союза писателей России, член Координационного Совета Ассоциации писателей Урала, председатель Правления Омской областной общественной организации СПР, член-корреспондент «Академии поэзии». Автор восьми книг. Стихи переводились на белорусский, немецкий и болгарский языки и легли в основу нескольких песенных компакт-дисков. Лауреат многих региональных и всероссийских литературных премий, в том числе: Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Ершова, А. А. Фета, литературной премии УрФО. Награждена тремя медалями. Живёт в Омске.

Нина ИНЯКИНА родилась 18 октября в Кемерово. Дочь поэта-фронтовика Михаила Небогатова, краевед, филолог, исследователь творчества кузбасских литераторов. Участник научно-практических конференциях и историко-краеведческих чтений, автор книг и статей о творчестве своего отца – М.А. Небогатова. В альманахе «Чаша круговая публикуется впервые».

Александр КЕРДАН родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 79 книг стихов и прозы. Лауреат Большой литератур-

ной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живёт в Екатеринбурге.

Василий КИЛЯКОВ родился в 1960 году в Кирове. Окончил Московский политехникум и Литературный институт им. А. М. Горького (мастерская М. П. Лобанова). Служит в Росгвардии. Автор нескольких книг стихов и прозы, многочисленных публикаций в ведущих литературных. Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премии «Умное сердце» (2010), международной премии «Югра», премии «Дойче Велле» (Берлин, 1992), лауреат Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России. Живёт в городе Электросталь Московской области.

Виктор КОВРИЖНЫХ родился в 1952 году в селе Старобачаты Кемеровской области. Освоил множество рабочих профессий, служил в МЧС. Поэт и прозаик. Автор шести книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат областной премии им. В. Д. Фёдорова и других литературных премий. Живёт в селе Старобачаты Кемеровской области.

Юрий КОЗЛОВ родился в 1953 году в г. Великие Луки. Окончил Московский полиграфический институт. Работал в журналах «Пионер», «Юность», «Огонёк» и начальником пресс-службы Совета Федерации. Главный редактор «Роман-газеты». Член Союза писателей России, автор многих книг прозы. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Живёт в Москве.

Савелий КОСТРИКИН родился в 2002 году в Воронеже, где и живёт по сей день. Член совета молодых литераторов при Воронежском областном отделении Союза Писателей России и воронежского поэтического клуба «Левобережье». Модератор в трёх поэтических группах в ВК. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Светлана МАЙОРОВА родилась в 1973 году в с. Маслянское Шадринского р-на Курганской области. Окончила педагогический институт. Работает заведующим школьной библиотекой. Член литературного объединения «Замысел». Автор трёх книг для детей. С 2014 г. Руководит городским клубом авторской песни «Гитарный круг» при Центральной библиотеке им. М. К. Анисимковой. Живёт в Нижневартовске.

Владимир МАЛЯГИН родился в 1952 году в с.Ново-Петрово Голышманоского р-на Тюменской области. Прозаик, драматург, сценарист. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член СП России. Главный редактор издательства «Даниловский благовестник». Лауреат Патриаршей литературной премии. Живёт в Москве.

Ольга МЕХАНОШИНА родилась в 1984 году. Окончила Нижне-Тагильский государственный педагогический институт. Участница нескольких совещаний молодых писателей на Урале и в Мурманске. Автор четырёх книг стихов. Живёт в Екатеринбурге.

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ родился в 1953 году в г. Хмельнике Винницкой области. Работает врачом-психотерапевтом. Руководитель нескольких научных экспедиций. Автор более 30 научных работ по этнологии, истории, демографии. Лауреат литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, премии Губернатора ХМАО (трижды), Литературной премии УрФО, Международной премии «Югра». Автор 11книг прозы и краеведения. Награждён медалью АсПУР «За служение литературе», медалью им. В. М. Бехтерева. Живёт в Нижневартовске.

Дмитрий МУРЗИН родился 28 апреля 1971 года в Кемерово. Окончил математический факультет Кемеровского государственного университета (1993) и Литературный институт имени М. Горького (2003). Член Со-

юза писателей России, ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса». Лауреат многих литературных премий. Автор шести поэтических книг. Живёт в городе Кемерово.

Олеся НИКОЛАЕВА родилась 6 июня 1955 года в Москве. Дочь поэта-фронтовика А. М. Николаева. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. С 1989 года ведёт в Литинституте семинар поэзии. Профессор кафедры литературного творчества. Лауреат Патриаршей премии и Премии Правительства РФ в области культуры и других литературных и православных наград. Автор многих книг стихов, прозы и эссеистики. Живёт в Москве.

Александр ОРЛОВ родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова и Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в школе «Загорье». Автор шести стихотворных книг и трёх книг малой прозы. Лауреат многих литературных конкурсов и премий. Живёт в Москве.

Александр ПАПЧЕНКО родился в 1960 году в г. Ямполь Сумской области Украинской ССР. Работал телеоператором на Свердловском телевидении. Автор нескольких книг прозы и анимационных фильмов. Лауреат всероссийской премии имени В. Крапивина и «Перекресток» (Дюссельдорф, Германия). Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Олег ПЕТРОВ родился в 1967 году в г. Кустанай Казахской ССР. Окончил радиофак Уральского политехнического института, работает журналистом. Публиковался в журналах «Урал», «Литературная учеба» сборниках «Красная бурда», «Вокруг смеха». Автор нескольких сборников прозы. Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Владимир ПЛЕХОВ родился 19 мая 1973 года в п. Лесной Верхнекамского района Кировской области. Окончил Уральский юридический институт МВД РФ в Екатеринбурге. С 1996 года по 2021 год работал в уголовном розыске. Проходил службу на Северном Кавказе. В настоящее время – подполковник в отставке. Участник областного литературного объединения. Живёт в Кирове.

Илья ПОПЕНОВ родился 27 декабря 1986 года в Свердловске. Окончил МГУП им. Ивана Фёдорова. Работал литературным редактором. Публиковался в альманахах «Чаша круговая», «Поэтический марафон» и др. коллективных сборниках. Автор сказочной повести «Чудеса и тайны». Лауреат специальной премии «За мужество в литературе» Независимой литературной премии «Дебют» (2002) и финалист Национальной детской литературной премии «Заветная мечта». Живёт в Екатеринбурге.

Вита ПШЕНИЧНАЯ (Шафронская) родилась во Владивостоке. Окончила вуз. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы, цикла рецензий на стихи разных авторов, критических статей, эссе. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Член СП России. Живёт в Пскове.

Ольга РЫБАКОВА окончила Южно-Уральский государственный университет. Работает редактором интернет-портала «Афиша. Каменск». Участник Каменск-Уральского совещания молодых литераторов «Мы выросли в России» в апреле 2022 года. Публикация в «Чаше круговой» – первая публикация молодого литератора. Живёт в Каменске-Уральском Свердловской области.

Александр РУХЛОВ родился 30 сентября 1988 года в городе Кургане. Окончил филологический факуль тет Курганского государственного университета. Кандидат филологических наук. Работает в Курганском област ном лицее-интернате для одарённых детей. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат литературной премии

имени А.Левитова. Член Союза писателей России.

Михаил РЯБИЙ родился в 1952 году в Хабаровском крае, окончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Лауреат международной литературной премии «Югра». Автор нескольких книг критики и научных монографий. Живёт в Ханты-Мансийске.

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН (о. Геннадий) родился в 1954 году в селе Карамышево Липецкой области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Московскую духовную семинарию. Работал художником. В настоящее время – протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в Липецке. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат многих литературных премий. Награжден большой серебряной медалью имени Николая Гумилева. Обладатель золотых дипломов Международного литературного форума «Золотой Витязь». Живёт в Липецке.

Наира СИМОНЯН родилась в селе Эштия в Грузинской ССР в 1971 году. Окончила филологический факультет Ереванского пединститута. Автор 2 поэтических книг. Живёт и работает в Сургуте.

Валерий СУХОВ родился в 1959 году в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский педагогический институт и аспирантуру в Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Лауреат Международной премии имени Сергея Есенина и всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова. Автор семи сборников стихотворений. Член Правления Пензенского отделения Союза писателей России и редактор отдела поэзии журнала «Сура». Живёт в Пензе.

Арсен ТИТОВ родился в 1948 году в Бирском районе Башкирской АССР. Сопредседатель Союза российских писателей. Автор 26 книг прозы. Дважды лауреат премии губернатора Свердловской области, лауреат Всероссийских премий им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и Генералиссимуса А. В. Суворова, лауреат международной литературной премии «Ясная поляна». Председатель Екатеринбургского отделения СРП. Живёт в Екатеринбурге.

Анфиса ФЕДИНА родилась в Севастополе. Студентка КФУ им. В.И. Вернадского (факультет филологии и журналистики). Участница литературно-бардовской мастерской «Таласса» и Всероссийской школы писательского мастерства в Ростове-на-Дону. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Сибирский Парнас» и других изданиях. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Валерий ФОКИН родился в 1949 году в селе Пищалье Кировской области. Несколько лет руководил областной писательской организацией. Автор одиннадцати поэтических сборников, двух книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого, Литературной премии УрФО и других наград. В 2014 году после речной аварии стал инвалидом. Живёт в г. Кирове.

Лана ШАНГИНА родилась в 1969 году в городе Реж Свердловской области. Директор издательства «АсПУр». Автор нескольких поэтических книг, переводчик с итальянского и на итальянский. Член Союза российских писателей. Лауреат Литературной премии Уральского федерального округа. Живёт в г. Реж Свердловской области.

Галина ШУБНИКОВА родилась и живёт в городе Советске Кировской области. Выпускница Литературных курсов при Челябинском Государственном институте культуры. Автор трёх поэтических книг. Лауреат всероссийских поэтических конкурсов. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Станислав ЮРЧЕНКО родился 18 июня 1948 года в городе Кривой Рог Днепропетровской области. Окон-

чил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал инженером-строителем, главным инженером и начальником Советского строительно-монтажного управления. В 1986 году награжден орденом «Знак Почета», а в 2010 году ему присвоено звание «Заслуженный строитель Ханты-Мансийского автономного округа-Югра». Почетный гражданин Советского района, Ханты-Мансийского автономного округа. Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей России с 2001 года. Живёт в городе Советском ХМАО-Югры.

Нина ЯГОДИНЦЕВА родилась в 1962 году. Кандидат культурологии, доцент. Член Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. Профессор Челябинского государственного института культуры. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. П. П. Бажова, Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Живёт в Челябинске.

ЧАША КРУГОВАЯ

Литературно-художественный альманах
№ 21

Редакторы-составители:
Кердан Александр Борисович
Титов Арсен Борисович

В оформлении использована графика Ю. Филоненко

Компьютерная верстка С. В. Шангиной

Издательство «АсПУр»
620158, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12

Сдано в набор 07.09.2022 г. Подписано в печать 17.09.2022 г.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага ВХИ-80.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Тираж 500 экз. Заказ 1182.

Отпечатано в ОАО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22
Тел. : (34364) 2-15-32, 2-25-03